

АХТО ЛЕВИ

ТАКОЎ СМЕШНОЎ КОРОЛЬ!

Повесть вторая

АХТО ЛЕВИ

**ТАКОЎ
СМЕШНОЎ
КОРОЛЬ!**

2

Повесть вторая

ОККУПАЦИЯ

Московский рабочий

1990

- Левн А.**
Л36 Такой смешной король! Книга вторая: Оккупация.— М.: Моск. рабочий, 1990.—287 с.

Вторая часть трилогии известного писателя повествует о тяжелых днях фашистской оккупации в Эстонии. Захватчики, считая эту прибалтийскую республику своей исконной вотчиной, использовали ее население и территорию в интересах «великой Германии». Не все эстонцы и не сразу поняли это. Из-за преступных методов политики сталинской клики многие из них встретили оккупантов как освободителей. Однако очень скоро за respectableм фасадом «новой власти» разглядели истинное лицо антигуманного и античеловеческого административного образования — фашистского государства, чьи цели и задачи были полярно противоположны надеждам простых эстонцев.

Л $\frac{4702010201-037}{M172(03)-90}$ 127—90

ББК 84Р7—4

ISBN 5—239—00897—3

© Ахто Левн, 1990

Итак, читатель открывает вторую часть трилогии «Такой смешной король!», написанную современным эстонским писателем Ахто Леви. Называется она «Оккупация». В предисловии к первой части мы уже рассказывали о том, что ее автор живет в Москве, пишет на русском языке и тем не менее остается глубоко национальным писателем, которого, естественно, волнуют проблемы родной для него Островной земли Сааремаа. В повести «Оккупация» изображается время суровое и безжалостное — период фашистской оккупации.

Счастлиное детство Короля Люкса прервано первым столкновением с жестокими реалиями жизни: войной, репрессиями сталинского периода. Маленькое государство на берегу Янтарного моря оказалось между молотом и наковальней политических коллизий сороковых годов. Страдали люди, в повседневном существовании мучительно искали выхода, оказавшись в общем-то в безвыходном положении. Напрасно надеялись некоторые из них на освобождение с Запада. Новый порядок, организованный администрацией «великого Рейха», за респектабельным фасадом и весьма скоро обнаружил античеловеческую, поистине сатанинскую сущность своих целей и провозглашенных задач. Противостоять ей можно и должно было не столько силой вооруженного сопротивления, сколько душевной и моральной стойкостью против разлагающих сил зла, верой в извечные человеческие истины, светлое предназначение рода людского. Все это явственно прослеживается в неприметном на первый взгляд, но преисполненном глубокого и возвышенного смысла существовании отнюдь не главного персонажа повестей — Ангелочка. Она погибает, и это в те безжалостные времена естественно, но на земле остаются незримые следы ее светлого и нравственного подвига, которые не пре-

рываются, а дойдут, и мы уверены в этом, до душ и сердец тех, кто прочтет эту книгу.

Мы не собираемся говорить об идейной позиции автора по той простой причине, что она достаточно хорошо и ясно прослеживается в каждой сюжетной линии. Но поставим все-таки ему в заслугу то, что он никогда и никому не навязывает своего мнения, к которому шел, на наш взгляд, долго и мучительно. Выражая свою точку зрения на то или иное событие, он оставляет и нам возможность размышлять и выбирать самим.

ГЛАВА I

Кому-то, оказывается, не нравится война...

Король такие разговоры, бывало, слышал: сетовали на войну и на время, что сложное очень. Лично Его Величеству война еще не сделала ничего такого, чтобы он мог напрочь ее осудить. Карп, вероятно, погиб — и это его потрясло. Наверное, та рука на дороге все же принадлежала ему, не может же быть, чтобы были две одинаковые руки на свете... с одинаковыми рисунками (наколками).

Потом замок... Он чисто случайно попал туда вместе с другими людьми в тот день двадцать первого сентября, когда бежал, ошеломленный трагедией на шоссе. От увиденного в замке ему стало плохо: эти трупы на земле, отвратительная вонь, плачущие женщины,

сквернословящие мужчины. Не доходило до сознания, когда на него кричали, прогоняли его... Словно не с ним все это происходило, вне его собственного мира, внутри которого он находился как под прозрачным колпаком, через который все видно, но звуки не доносятся...

Потом он провалился во мрак, наверное, была температура, потому что — он об этом знал — когда болеют, всегда бывает температура. Он, конечно, все видел... Он «там» был! И видел эти помещения, летучих мышей, крыс, луу и ворон, ворон...

Но разве это война? При чем здесь война? Все, что он увидел, не соответствовало его представлениям о войне. А его представления не с рождением у него образовались, они пришли к нему из книги о Гарибальди, из кинофильма про Чапаева, из рассказов тех, кто воевал в освободительной войне. Олицетворением войны был бронзовый солдат с саблей в руке у магазина игрушек.

Школу временно отложили... благодаря войне. Это уже хорошо. Правда, через несколько дней после прихода солдат в серо-зеленой форме стали поговаривать о том, что в школе красят, что ее готовят к открытию, что вскоре она опять станет давать знания.

Какие? Знания — это знания. Если красные объясняют, что белое — это черное, а белые — что черное есть красное, то все это тоже знания, хотя и противоречивые, и иногда насквозь лживые. Какого цвета знания будут даваться теперь, о том мог догадаться любой умеющий читать и разбираться в том, о чем писалось в газете.

Газеты опять стали выходить, а в них печататься статьи. Газета — это такая вещь, которая всегда должна печататься, иначе не наступит царствие божие, так считала Ангелочек, не читавшая газет, но находившая их богу угодными, поскольку в них писали о цер-

ковных праздниках. Газеты должны всегда печататься, чтобы звениноговские, кангруспиновские, журавлевские и все остальные мужики на земле могли анализировать происходящее в мире и следить по ним, кто, где и кого ликвидирует, кто от кого и как обороняется, какие захватывает территории, чтобы их освободить, газеты должны быть всегда...

Если бы Король не болел, то увидел бы в «Нашей Земле» портрет человека с усиками — короля германцев. Под ним подпись: «Вождь немецкого государства». Рядом помещался панегирик такого содержания: немецкому народу и рейхсканцлеру Адольфу Гитлеру эстонский народ выражает благодарность за свое освобождение от большевистского ига; он не только на словах, но и трудом хочет выразить благодарность, включившись в дело строительства новой Европы. Из сердец эстонского народа доносится призыв к Адольфу Гитлеру — здоровья и сил ему во имя победы!

Ниже был напечатан Тагесбефел № 1, то есть первый приказ: «Немецким военным командованием я назначен начальником самообороны на островах».

Следовали параграфы приказа нового начальника: «Обязываю всех офицеров, унтер-офицеров, полицейских, других военнослужащих зарегистрироваться в создаваемых штабах самообороны в городе Журавли на Главной улице в доме № 14. Обязываю граждан сдать оружие. Запрещается всяческая поддержка Красной Армии. Запрещается уничтожение и укрытие оставленного Красной Армией военного снаряжения. Нарушение приказа карается по законам военного времени, включая смертную казнь».

Подпись: К. Комар, капитан-майор».

В стороне стояла небольшая заметка: «Завтра, в воскресенье, 28 сентября, в 15.00 состоится очередное

захоронение жертв красного террора на кладбище города Журавли».

Позже, когда Король стал реагировать на окружающую его жизнь, он слышал, как взрослые говорили о красном терроре. Он вспоминал картины Калитко, увиденные во дворе замка. Однако эти воспоминания представлялись ему страшным сновидением, в действительности такого быть не могло. Но, затаив дыхание, он прислушивался к разговорам.

Взрослые всегда говорили о чем-нибудь ему неизвестном. Это всегда интересно. Когда смешно, когда и страшно. Но и то, о чем говорилось, существовало вне его внутреннего личного королевского мира.

Газета «Наша Земля» стала печататься одновременно на эстонском и немецком языках, Алфреду это нравилось: читая газету, он мог ежедневно упражняться в немецком языке. Часы, которые двадцать первого июня приказали перевести на час вперед, чтобы время в Журавлях стало такое же, как в России, теперь велели перевести на час назад, чтобы время стало такое, как в Германии.

В Каунасе—в литовском королевстве—красный террор уничтожил тысячу католических священников, на спинах некоторых трупов оказались вырезаны кресты. Страшно!

Очень озадачило горожан следующее объявление: «Все граждане, в чьи руки, независимо каким путем, попали товары, из магазинов или складов, или военное имущество, обязаны в течение трех суток доставить все в распоряжение части самообороны на Замковую улицу в дом Бергмана. Прием товаров с 10.00 до 18.00.

Подпись: капитан-майор Комар».

Если бы Король выходил в город, он бы не раз встретил плакаты, расклеенные на видных местах, написанные по-русски:

«Красноармейцы!

Остров занят германскими войсками! Русский гарнизон уничтожен. Рассеянным остаткам большевиков, скрывающимся в лесах и болотах, в последний раз предлагается сложить оружие и явиться в ближайшую часть эстонской самообороны или германской армии. Советским солдатам гарантируется жизнь и хорошие условия в плену. Кто же до 5 октября 1941 года не сдастся, будет считаться бандитом и подлежит расстрелу. Германский командующий».

Городское управление постановило вернуть прежние названия улицам, которые были переименованы красными.

— Кто главным образом управляет городом теперь? — задавался вопросом Тайдеман, зайдя как-то в отсутствие Алфреда переговорить с Хелли насчет ремонта крыши их деревянного сарая.— Гауптман Потрак и капитан-лейтенант Поле, а куда подевался их Комар, этого нам никто не скажет.

Хелли было совершенно безразлично, есть этот Комар на свете или нет его, а также куда он подевался.

— Нашли еще двадцать девять трупов в подвале гофманского дома, некоторых опознали, большинство же не узнаны да некоторых и невозможно узнать... Всего найдено уже шестьдесят девять жертв террора.

Контора ЭТК еще раз предельно вежливо обратилась к населению: «Просим всех граждан, получивших в конце коммунистического режима со склада товары, вернуть их в течение одной недели. Не последовавших настоящему распоряжению будут считать присвоившими чужую собственность. Просим и граждан, которые знают таких, сообщить о них заведующему конторой отделения ЭТК. Имена сообщивших останутся в тайне.

Заведующий конторой отделения ЭТК».

Какой замечательный человек этот заведующий! Сообразительный! Хотя разве требуется быть очень уж сообразительным, чтобы понять, как важно сохранить в тайне имена доносчиков. Доносчики — люди нужные. Правда, новый начальник самообороны поместил в газету предупреждение о том, что...

«Имеют место случаи арестов граждан по доносам, сделанным из личной вражды. Подобные примеры недопустимы. Это было свойственно красным — хватать людей по таким доносам, в результате погибали невинные. Задача самообороны — очистить нашу землю от вредных элементов и помочь становлению Новой Европы. Предупреждаю членов самообороны и прочих граждан, которые пользуются моментом для сведения личных счетов — похожие доносы наказываются, лжеосведомители будут караться как создатели путаницы. Новая Европа — это прежде всего порядок.

Капитан-лейтенант Поле».

Ошибался Алфред, считая, будто эстонцам принадлежат те товары со склада ЭТК, которые русские солдаты не успели уничтожить как собственность Советов, чтобы не оставлять врагу: товары, благополучно растащенные и спрятанные по домам, оказались на самом деле немецкими. Приказали все это «немецкое имущество» вернуть и предупредили о том, что есть свидетели растаскивания немецкого склада. Значит, если кто-нибудь не вернет, пусть не обижается...

Алфред решил не обижать самого себя, полез в подвал, вытащил «немецкую» подошвенную кожу, кое-какие немецкие ботинки, погрузил все в тачку и повез, приговаривая про себя такие слова, какие однажды подвели Короля у Брюкваозера.

Короля уже не опекали, как прежде. Он стал те-

перь именоваться проще: не Его Величество, не Король Люксембургский, а...

— Просто Люкс, понимаете? Король Люкс. Я считаю, это шикарно...

Распоряжение такое было дано своим. Никто не возражал! Ни Свен и ни Вальдур. Свен вообще не любил спорить. Он, считал я, культурный человек — сын учительницы гимназии. Не лез в глаза, не выставлялся героем, предпочитая быть ведомым, как, впрочем, и Вальдур. Свен и Вальдур жили дружно по соседству на улице Моря. И признали Короля личностью более значительной, им с Королем интересно, они с удовольствием подчинялись его фантазиям. Король не злоупотреблял авторитетом, не тиранил подданных, что вообще-то свойственно королям. Угодно ему быть просто Люксом — пожалуйста, кто возражает?

Фронт прошел и укрепился на полуострове, который выдавался в море километров примерно на тридцать. Начинался Сырве за рекой Насва и за лесом Сосновая Нога. На полуострове, покрытом сосновым лесом и можжевельником, днем и ночью бухало да ухало, и воронье из города передислоцировалось туда.

Сесси смирененько проживала на Сааре. Королю удалось повидаться с ней, когда они с Алфредом ездили в Звенинога. Юхан истопил баню, и Его Величество с огромным удовольствием попарился на этот раз с Манчи и Юханом; Ангелочек почему-то в последнее время парильную процессию не возглавляла.

Она была озабочена судьбой Хуго, который неизвестно где теперь воевал против немцев. Ох, и не повезло же ему: идти воевать, да еще на стороне безбожников.

— А ведь ты нас всех с грудного возраста учила подчиняться властям и служить честно... — колко заме-

тил ей Алфред за ужином, присутствовал также Антс с хутора Ару, пришедший попариться в саарескую баню. Антс и Сесси стали неразлучными, и Манчи не без основания дразнил их женихом и невестой, это их ничуть не смущало.— Когда меня в армию взяли, ты же напоминала мне о чувстве долга или забыла? — спрашивал Алфред Ангелочка.— Какое же сегодня должно быть это чувство долга у Хуго или у меня? Кому служит наш долг? Власть от бога, говорила ты. Значит, долг Хуго — служить русским, он под их властью оказался, а мой — немцам, теперь здесь их власть.

Антс и Сесси посмеивались, дед свистел, Манчи ел, Ангелочек невозмутимо держалась за бога.

— В писании сказано: ничто входящее в человека извне не может осквернить его, но что исходит из него, то осквернит человека. Если Хуго, также и ты, чисты, то никакая власть вас не осквернит, но ежели от вас исходят блудные думы, это вас и оскверняет.

Королю скучать не приходилось. В лесах стало намного интереснее, чем раньше. Даже в Закатном лесу, хотя горожане называли его загородным парком. Потом в лесу Сосновая Нога, также у Птичьего Залива, откуда еще шлам не начали возить. Интереснее стало в лесу по причине забывчивости русских солдат: они оставили столько имущества — успевай только подбирать да перепрятывать.

Тройка — Король, Свен, Вальдур — обнаружили окопы с бункерами, в них нары, столы, утварь всякую; в одном бункере нашли планшет с картой Европы, ремни, португепи, а старшие ребята с улицы Большая Гавань — Ингвар и его группа, — эти раздобыли настоящую пушку и снаряды, у них Король видел винтовку, ребята по очереди из нее стреляли. Королю же, увы, не дали, здесь с его социальным положением не считались. Из пушки Ингвар только один раз бабах

нул; больше нельзя было, слишком близко от дороги, и в городе могли услышать и прийти посмотреть, кто тут и с кем сражается. Из винтовки же ежедневно ходили стрелять к Птичьему Заливу. До тех пор пока Король совершенно случайно не проговорился Тайдеману. Собственно, он просто высказал свою обиду, что эти — Ингвар и другие — сами стреляют, а ему и его людям не позволяют. Тайдеман с ним согласился, да, так поступать несправедливо. Но как об этом узнал Алфред?..

После того, как Алфред с военными пришли на «полигон» и все там конфисковали, Король встретился с Ингваром на Каменном мосту, и тот, не поздоровавшись, так врезал Королю в глаз, что ему долго-долго пришлось любоваться в зеркало на первый в жизни фингал.

На двери мебельной мастерской Алфреда — под надписью на эстонском языке появилась немецкая. В сущности «Тишлер» и есть немецкое слово. До этого Тайдеман и Алфред, посоветовавшись, до неузнаваемости изуродовали зачем-то помещения как в мастерской, так и в доме у реки Тори. Они содрали обои, в некоторых местах отбили штукатурку, вынули доски с потолков, отчего помещения приобрели совершенно нежилой вид. Откуда было знать Королю, что эти ухищрения необходимы для того, чтобы Тайдеман мог «непригодные» помещения сдать в аренду Алфреду, в противном случае их могла отобрать Ортскомендатура, которой командовал гауптман доктор Кляусон. Король с удивлением обратил внимание на то, что немецкие офицеры часто назывались докторами, но почему-то никого не лечили.

«Фабрика» Хелли также без сырья не осталась. Алфред очень скоро наладил кое-какие контакты и

в ее прачечную стали привозить белье немецких солдат, которых Король изучал очень придирчиво. Устраивать же дипломатические отношения с ними он не спешил, хотя сами по себе парни, привозившие белье, выглядели вполне симпатичными.

После истории с «полигоном» в лесу Хелли не выпускала Короля из поля зрения, тем более что в газетах постоянно печатали о ребятах, подорвавшихся то тут, то там на минах или не умеющих грамотно обращаться с гранатой. Наконец служба самообороны тщательно прочесала леса, после чего ребятам лишь изредка удавалось понюхать разве что упаковки с порохом или побаловаться винтовочными патронами.

Мало того, что Тайдеман предусмотрительно испортил внутренний вид своих домов, он еще заклеил бумажными лентами совершенно целые окна, измерил стекла сантиметром. Только Алфред знал, что все это делалось после обращения к домовладельцам городского управления, в котором предлагалось горожанам сообщить письменно, сколько нужно стекол для приведения в порядок разбившихся от взрывов в городе окон. Отсюда всем стало ясно, что городское управление стало нормально функционировать, словно ничего особенного не произошло, только и всего, что одна власть ушла, а другая пришла. Но городское управление чувствительно раздражало Короля, предупредившего всех родителей, в том числе Хелли и Алфреда, о необходимости заблаговременно зарегистрировать августейшего отпрыска в школе, причем не позже двадцать четвертого октября, иначе он может оказаться в начале учебного года за дверью.

Жизнь в городе продолжалась. Как ее воспринимали взрослые, Король не понимал, он жил своей собственной. А в стране началась другая. Скорее всего немецкая жизнь. Все теперь так или иначе было связано с Германией: сообщения в газетах, объявления,

продовольственные карточки и даже разговоры между знакомыми. Точки зрения на события в мире в основном были тоже германскими. И Король подсознательно обратил внимание на то, что люди в это новое ринулись без оглядки и даже как будто с удовольствием. Во всяком случае, в торжественной комнате заседания проходили радостные. Слушали Алфреда, который, как и раньше, играл на аккордеоне, пили ячменный кофе с цикорием и передавали друг другу новости, вероятно подчерпнутые из немецкой информации:

— Ленинград окружен? Не окружен? Лондон утверждает, что нет. Но, говорят, повторяется как со Смоленском: англичане лишь неделю спустя сообщили о том, что Смоленск пал. Им было тяжело об этом передавать. Смоленск считается важным объектом, но Ленинград важнее, он значителен по четырем пунктам: огромные советские воинские соединения уничтожаются и уже не смогут участвовать в боях на других фронтах. Отключается особенно важный узел железнодорожной связи, аннулируется ленинградская военная промышленность, заодно окончательно ликвидируется опасность, угрожавшая нам и Финляндии. К тому же там около трех миллионов гражданского населения, с миллионом военных, все зажаты, им будет трудно прокормить четыре миллиона людей...

Был произведен обыск в советских посольствах — в Берлине да и в Париже тоже. Выяснилось, что оба посольства оказались центрами шпионажа и саботажа. В парижском абсолютно изолированное крыло, где помещалось ГПУ... Открыты специальные технические устройства. Вообще очень похоже на гнездо взломщиков и разбойников. Стальные двери пришлось открывать несколько часов, стены из звуконепроницаемых материалов. В дверях глазки, отверстия для стрельбы... В центре лабиринта коридор. Обнаружили комнату с электрической печью и ванной, в которой раз-

резались трупы до сожжения. Много отмычек, противогазы, сверла, буромашины, стальные наручники, ампулы с ядами. Богатый технический арсенал. Приемники и радиопередатчики в чемоданах. Портативные кинокамеры. Взрывные устройства с часовым механизмом. Пулеметы, пистолеты... Даже парашют. Установили, что здесь проводились пытки. Теперь понятно, куда подевались многие таинственно и бесследно исчезнувшие представители русской эмиграции, а также захваченный в Париже один из руководителей белой эмиграции генерал Миллер и, надо полагать, генерал Кутепов...¹

...Тело Ленина из Москвы отправлено. Это указывает на то, что Москве угрожает скорая капитуляция...

...В связи с тем что армия Буденного разбита, кубанские казаки подняли восстание. Казаки окружили и уничтожили войска НКВД. Восстание все разрастается...

...А в Риге... В подвалах ГПУ! Люди жили, ни о чем не подозревая, занимались своими делами, а агенты ГПУ собирали на них «компрометирующие» материалы. Нашли уйму писем невинного содержания; открытки, не дошедшие до адресатов, а в них фразы, обрывки фраз, подчеркнутые красным карандашом: «раньше все ж было лучше...», «жаль, что не ушел с балтийскими немцами...» и т. д. Похожие фразы являлись смертными приговорами... А сколько еще не «обработанных» писем, то есть «материала»! Почтовые открытки от переселенцев в Германию, даже они стали для многих причиной гибели; если кто-нибудь хоть как-то был связан с заграницей, его автоматически считали немецким шпионом...

...в здании бывшего латышского Министерства внутренних дел. В подвалах камеры смертников. Боль-

¹ Информация эта и многие другие — взяты из газет оккупационного времени.

шинство казематов без окон, несчастные ждали казни в крошечной темноте...

...Большинство камер не вентилируется, многие заключенные задыхались на глазах наблюдавших за ними надзирателей.

...Один, сидевший в московских подвалах ГПУ и чудом оставшийся жив, рассказывал: «Эти-то камеры пыток здесь не совершенны. В Москве — другое дело, люди теряли рассудок или погибали, вынужденные стоять по колени в воде...»

...В автогараже ГПУ две двери. Через правую дверь попадаешь в небольшое звуконепроницаемое помещение, здесь столик и три стула. За столом сидели комиссары — евреи и их подручные убийцы. Другая дверь ведет в камеру смерти, в ней следы от пуль, сладковатый запах крови не выветривается, в полу сделана канавка для ее стока — сколько же здесь ее пролилось? И над всем этим сияет-сверкает пятиконечная звезда на лозунге: «Мы принесли народам свободу»...

Заседавшие в торжественной комнате заключили из газет, что евреи, вот кто захватил власть в России. Смотрите, все руководящие посты в их руках. Девяносто процентов средних руководящих должностей занимают они. Двадцать пять лет назад, до большевиков, в Москве проживало всего лишь пять тысяч евреев. В двадцать третьем году, однако, уже восемьдесят шесть тысяч. В двадцать шестом — сто тридцать одна тысяча, а в тридцать пятом уже двести пятьдесят тысяч, в тридцать седьмом же году их в столице СССР насчитывалось четыреста пятьдесят тысяч, а если учесть, что всего-то в ней в то время было три с половиной миллиона жителей, это значит, что каждый седьмой был еврей.

Лазарь Моисеевич — правая рука Сталина. Без его согласия у них там ничего не делается. Его родствен-

ники сидят в партии и в государственном аппарате. Влияние Кагановича охватывает все сферы их жизни, он вмешивается везде и всюду, где чувствуется опасность его семье или еврейству. Рядом с ним другие евреи — правительственные «верха». Нарком внутренних дел — еврей Берия. Особенно же вцепились они в хозяйственные и финансовые области экономики Советов. Сей факт всемирно известен — Гольденберг и Сейтлин, Рифкин и Лихтенштейн, Шмуклер и Шифман, вот они — главные имена! Когда большевики захватили в прошлом году Бессарабию и Балтийские страны, начался, как всем известно, бег евреев наперегонки к ответственным должностям. Из этого вытекает, что, как видим, евреи совершенно не боятся ответственности, раз так стремятся к ответственным постам...

Когда впервые приходил к Алфреду начальник гестапо, о чем Король не знал, что это такое, тогда этот Херр Майстер рассказывал, что прямо систематически хватали сынки богатых еврейских плутократов должности в руководстве и в Эстонской республике, и у них не спрашивали о социальном происхождении, достаточными анкетными данными являлся нос крючком, кудрявый волос (желательно темного или огненно-рыжего цвета) и оттопыривающаяся нижняя губа. Так и перли вперед всевозможные Марковичи, Фейшины, Гуткины, Шварцы, Киршнеры и другие.

Сидели люди по вечерам в торжественной комнате, держали открытыми форточки, чтобы папиросный дым выходил наружу. Хелли без конца варила кофе, а Король, набегавшись за день, слушал, слушал и думал обо всем, ему было непонятно, почему всем так не нравится еврей, но не стал никого расспрашивать; он слушал и думал до тех пор, пока не закрывались его утомленные глаза, и он переносился в мир сновидений. Бывало, он просыпался от того, что в торжественной

комнате пели. Тогда слушал и смеялся про себя, если песни были смешные. Некоторые легко запоминались наизусть, и он потом пел их своим товарищам. Например, популярную по тем временам песенку, которую пели на мотив старой народной песни про Дядюшку Крота, жившего в лесу под корнями деревьев:

Жил в Москве старый Сталин —
в точности как русский барин,
под толстыми стенами Кремля
жилище у него глубокое.
Зазывал он втихомолку
Предателей и жуликов,
примчался Ворон-Барбарус,
за ним лиса — Нееме Руус¹.
У Рууса пальто шикарное,
у Молотова — драное.
Увидел Сталин, разолился,
На эстонское богатство позарился.
Ворон стал страну продавать,
Сталин боялся прогадать... И т. д.

Песня долгая.

И вот однажды Его Величество шел по парку, откуда исчезла всякая военная техника; не было автомашин и конских повозок, в германских войсках ими не пользовались. Шел Король и думал, что вот недавно, всего лишь дней десять назад, в городе шли ему навстречу военные, но в другой форме и говорили на другом языке, а о Сталине говорили, что он великий, что он отец всех людей, что он солнце, а теперь... И запел Его Величество ту песенку. Он шел и пел, что «жил в Москве старый Сталин»... И не заметил Тайдемана...

— А старые слова этой песенки лучше,— услышал он знакомый голос.— Эти слова про Сталина тебе не надо петь, они неумные.

---

¹ Деятели Компартии Эстонии в 1939—1941 гг.

— Как же неумные, когда все поют, взрослые тоже? — удивился Король.

— Человек взрослый не обязательно умный, — буркнул Тайдеман, — взрослых дураков столько, что порой тесно от них.

— Но почему же такие песни поют и даже в газете их печатают?

Тайдеман длинный, и ему трудно шагать в ногу с Его Величеством. Но он приспособивался. Король тоже старался удлинить шаг, в результате и старый и малый смешно перебирали ногами.

— Да от ограниченности это все — и поют и печатают. — Королю неудобно сознаться, что понятие ограниченности ему недоступно. — Не понимают, — продолжал Тайдеман, — что высмеивать так мелко и недостойно противника — значит тем самым над собой смеяться, ведь не мальчики же, наконец... Ты уж прости за сравнение. Но ты — человек с чистой и гордой душой, потому учишься достоинству. Русские тоже... Изображали Гитлера уродом. Не красавец он, конечно, но с такой же внешностью, как и вообще у людей, какая от природы досталась. У немцев теперь, в свою очередь, карикатуры на Сталина... Но разве дело в том, кто с какими усами? К тому же нет же у Сталина рогов... Хотя и подлый человечек. Он черт, конечно, это несомненно, иначе одному простому смертному не согнуть в дугу сотни миллионов русских. Но и глуп он тоже, потому, что тщеславен до одури.

— Почему ты так много знаешь, Карла? — спросил Король, которому размышления Тайдемана были отчасти непонятны. — Почему Алфред тоже поет про кро-та... Сталина, но не говорит, что нельзя?

— Я уже старый, а старые знают много. Когда Алфред будет таким же старым, как я, он поймет все это, а когда ты станешь таким, как Алфред, то будешь знать столько же, сколько он знает теперь, но еще не

столько, сколько знаю я. А когда станешь совсем старым и некрасивым, как я,— будешь умным.

Король не мог понять, почему нельзя быть и красивым и умным одновременно.

— Бывает,— не желая окончательно лишить его надежд, продолжал Тайдеман,— правда, редко, но случается стать умным и в молодости, это зависит не столько от знаний — всего не узнаешь, знания бесконечны,— сколько от понимания: сумеешь правильно понять то, что видишь, тогда и умный.

— А что нужно делать, чтобы правильно понять?

— Ну,— засмеялся Тайдеман,— чтобы научиться правильно понимать, надо расспросить умных, а не дураков.

Нет, Король не скучал. Лето на исходе и с этим ничего нельзя поделаться. В лесах бесконечно шастают военные и самообороновцы — ищут русских, нормальным людям нельзя сюда и соваться. В конце концов, патроны, порох, пушки, винтовки — это все интересно, но кататься на велосипеде... Это скорости! Непередаваемое ощущение от сознания, что можешь за считанные минуты домчаться туда, куда пеший доберется за полчаса. А велосипеды и «Филипс» Алфреду вернули. Он сам за ними съездил куда-то. Причем привез один лишний — для Короля.

Кататься на велосипеде непросто, если, скажем, не достаешь ногами до педалей. На седле, пожалуйста, сидеть можно, но кто будет крутить педали? Поэтому Король с удовольствием поменялся бы с Хелли велосипедами. Сидеть в седле и здесь не получалось, но у дамского велосипеда хоть такой дурацкой рамы нет, через которую ему теперь приходится просовывать правую ногу, стоя при этом на педалях с левой стороны кривою — удовольствие, сказать честно, сомнительное. Меняться с ним и не думали: Хелли женщина — вело-

сипед ей полагается дамский, а Королю мужской. Благодаря этому факту он стал постоянным пациентом доктора Килка со своими никогда не заживающими ссадинами на коленках.

Доктор Килк с Аделью, как и прежде, частенько заседали у Алфреда в торжественной комнате, сюда повадился ходить еще Отто Швальме — немецкий офицер в очках из орткомендатуры, который Алфреду заменил русского Чуть-Чуть. Швальме был первым немцем, ставшим его заказчиком.

— Гнедиге фрау! — сказал он Хелли, когда пришел, и странно стукнул каблуками высоких сапог. Хелли робко пискнула, что она — не гнедиге, что она Хелли, и почувствовала себя скованно, поскольку не знала немецкого языка. Потом все устроились в торжественной комнате за большим круглым столом. Хелли носила туда бутерброды, нарезала ветчины от ляжки саарского умного кабанчика, сварила кофе и достала из шкафчика, куда Королю не разрешалось совать носа, бутылку с желтой густоватой жидкостью. Алфред играл на аккордеоне. О чем они говорили, Король не знал, Но он давно решил для себя — до всего доходить своим умом.

А говорили опять про политику, в частности о русском после.

— Когда был послом, тогда смирялся, подчинялся, хвалил, наверное... А сняли и сразу другой взгляд на вещи: «Каждый шаг Сталина построен на обмане, в его политике отсутствует честность, манере управления чужды справедливость и человеколюбие...» Этот Раскольников и у нас когда-то был послом. «У сталинского социализма с действительным социализмом столько же мало общего, сколько у сталинской диктатуры с диктатурой пролетариата.— Доктор Килк читал открытое письмо Раскольникова в болгарской газете.— Возрастающее недовольство Сталин подавил

насилием и террором. Сталинский режим войдет в историю как время террора. В Советском Союзе никто не может быть уверен в завтрашнем дне. Рабочие, которых Сталин вначале объявил хозяевами фабрик и заводов, фактически стали рабами, он уничтожил экономические основы, дезорганизовал земледелие и транспорт, число преступлений Сталина огромно, список его жертв нескончаем. Рано или поздно, но народы Советского Союза осудят Сталина как предателя социализма и действительного врага народа, создателя голода и фальсификатора судебных приговоров».

— А может, все было наоборот,— высказал сомнение Тайдеман,— может, суждение о Сталине у Раскольникова создано раньше?.. Потому Сталин и снял его с дипломатической должности...

— Раньше-позже, а верно. По-моему, этот Сталин никакой не грузин, а еврей. Иначе бы с ними не снюхался. Господи! В Москве уже каждый седьмой еврей...

— А почему, собственно, каждый седьмой не может быть евреем? — недоумевал Тайдеман.— Разве это хуже, чем если бы каждый седьмой в Москве был не евреем, а скажем, эстонцем?..

Наступившее молчание ясно дало понять всем, что присутствовавшие не претендовали на то, чтобы каждый седьмой московский житель был эстонцем. Доктор Килк, как человек интеллигентный, отметил, что имел в виду не столько евреев, сколько Сталина и его явную симпатию к ним.

— Когда все христианские церкви в советской столице закрывались, превращались в кинотеатры, музеи, духовные лица угонялись к северному полюсу или освобождались от земных забот, синагогу, сохранившуюся после царя, правительство признало...

— Можно подумать, уважаемый доктор, что у вас в Москве своя разведка или, скажем, родственники? —

спросил Тайдеман ехидненько. Килк, однако, не обиделся и не смутился.

— Надо читать больше! — воскликнул назидательно. — Меня лично об этом проинформировал американский фотограф Аббе, который много у них там путешествовал. Он потом написал книгу «Фотографии из России». Когда он приехал в Москву, на Белорусском вокзале его встретила переводчица-еврейка; евреи же проследили, чтобы его поместили в гостиницу, в которой служащие евреи; евреи контролировали и определяли его маршруты... и других туристов; евреи даже приходили к его постели, когда он захворал; когда же ему посчастливилось спуститься в метро, навстречу ему сверкало имя Лазаря Моисеевича Кагановича: тесть¹ Сталина являлся отцом московского метро. Ну как?

— Сталин, что и говорить, мрачная фигура, — Алфред не знал, что сказать про Сталина, потому что никогда — для чего ему это? — не интересовался сталинской личностью; если бы не приход русских на острова, если бы не война, он бы про Сталина и думать не думал. Для чего? Он знал, что на острове даже некоторые русские отзываются о Сталине по-всякому, к Сталину он сам не относился никак до тех пор, пока в замке не откопали убитых, пока не услышал о приказе Сталина, чтобы немцам была оставлена выжженная земля, причем та земля, которая Сталину никогда не принадлежала. На ней испокон веков жили эстонцы.

Теперь Алфред отдавал должное осведомленности своих гостей, удивляясь, что у него завелись такие эрудированные приятели. От Отто Швальме он слышал, что Сталин якобы скрывается от немецких авианалетов под Кремлем, что для него под Кремлем построен подземный дворец, куда этот красный диктатор и пере-

---

¹ Данные из тех же оккупационных газет.

селился. Кремль, рассказывал Отто, уже пострадал от бомбежек, но убежище Сталина невредимо.

— Сталин есть император,— продолжал доктор Килк разбирать сию личность,— и до чего же удивительно, что такой совсем никудышный человек с усами ухитрился сесть на шею огромному народу и, как петля, душит, душит, а эти хрипят, но кричат «ура!»... А ведь и Рузвельт — палец в рот не клади: не считаюсь ни с кем, ни с американцами, ни с конгрессом, взял на себя право решать все по-своему. Хочет создать новый версальский договор, чтобы самому участвовать в дезармировании народов (своего рода программа разоружения.— *Прим. автора*), чтобы был такой договор, по которому Америка станет управляющим Европы и всего мира. Все «свободы» будут защищать американские штыки, земля же получит такой мир, какой желателен Рузвельту...

— Пока настанет хоть какой-нибудь мир, много крови прольется,— прервал Килка Тайдеман.— В нашем городе нашли уже семьдесят четыре жертвы, а сколько всего людей убито по всей Прибалтике, а на фронте... А сколько еще погибнет на войне?.. Хотя бы в России. Русские тоже люди. Немцы там, надо думать, не очень любезничают с побежденными.

— Да, да, не очень, господин Тайдеман,— воскликнул Отто радостно, он был в хорошем настроении,— не так, конечно, как русские любезничали у вас... в городе, в стране, но немцы очень любезные люди, поверьте мне.

— Что делалось в подвалах ГПУ в Риге! — вскричал Килк.

В подвалах ГПУ... Королю было понятно только то, что ГПУ — это очень страшно, что если в ГПУ попадешь, то уже живой не останешься, значит, как на картинах Калитко. Но как мог Жора Калитко все так

нарисовать, если сам не был в подвалах ГПУ? Откуда ему известно, как там бывает?

Да, конечно, патроны, порох, пушки и винтовки — это мужская забава, очень интересная, а Король Люкс — мужчина, это факт. Но общение друг с другом посредством мяча более занимательно, когда надоедает рвать штаны и фрукты в чужих садах — тоже факт.

ГЛАВА II

Особенно увлекся Король мячом, когда сообразил, что с помощью этого круглого предмета можно наилучшим образом продемонстрировать ловкость, не заслужив при этом дурной славы, сопровождаемой часто сныжками на лице или...

Играли в основном на правом берегу Тори, где очень давно, говорят, стояла чья-то усадьба. В данное время обширный участок зарос травой. Росли здесь и деревья, очень удобные для раздиранья брюк. Собирались сюда люди Тори обоего пола приблизительно того возраста, которым кино «до четырнадцати лет» не разрешалось. Именно здесь на лугу и нашелся для Его Величества новый друг, которого звали, что весьма примечательно, Иван.

Король прибежал сюда, полагая, что застанет игру с мячом, а были у народа Тори разные игры, это естественно; еще полагал Король застать своих адъютантов, Свена с Вальдуром, но их-то и не оказалось, хотя играть играли. Собралось человек десять, Лилиан Вагнер тоже была. Эта высокая, стройная и сильная девушка с длинными развевающимися светлыми волосами многим мальчикам нравилась. Королю тоже, но... не потому, а просто за то, что была энергичная, веселая, приветливая и не задавалась, как многие девчонки, хотя и была уже в том возрасте, когда пускают в кино без мамы. И Большая Урве присутствовала, тоже

очень даже шустро гонялась за мячом, но Король избегал ее. Урве стала над ним насмехаться, издевательски называть малышом, а это обидно. Бегал здесь и мальчик, действительно малыш, которого Король до этого нигде никогда не видел. Непонятно, откуда он такой черноголовый и стриженный здесь взялся. Когда Король об этом спросил, мальчик ответил на марсианском языке и ничего нельзя было понять. Когда же Король Люкс спросил, как его зовут, он очень серьезно ответил:

— Иван Родионович.

Это было смешно! Все кругом засмеялись, и Большая Урве объяснила:

— Он все время так... всем так отвечает. Кто-нибудь спросит, как его зовут, а он... Иван Родионович... Ха-ха-ха!

Иван стоял среди них и скромно улыбался, обутый в сапоги из странного материала: кожа не кожа. Одетый в длинные брюки, в зеленую суконную рубашку, он выглядел необычно, а был всех меньше, это несомненно, хотя могло ему быть столько же лет от роду, сколько и Его Величеству. Иван улыбался, он не понимал, что же смешного в том, что его зовут Иван Родионович. Но все смеялись, потому что ни у кого из островских ребят не было двух имен, кроме как у Короля, у которого вторая часть его титула означала... должность, вернее, как бы место службы. А так... Правда, встречались люди и с двумя именами, потому что некоторые мамы и папы, бывало, не могли договориться, как назвать новорожденного: Эриком или Индрекком. Чтобы не спорить, называли Эрик-Индрек. Но все равно в своем кругу никто не представлялся столь вычурно — нелепо же! А тут... Иван Родионович!.. Смешно!

Было непонятно по многим причинам: во-первых, русский. Маленький, но все равно русский. Во-вторых,

стриженный, в сапогах... Все странно очень. Бегал шустро, мячом владел не хуже любого из района реки Тори, поэтому-то и можно заявить совершенно категорично, что мяч — игрушка не только коллективная, с которым в одиночку играют разве что законченные эгоисты, но и международная, поскольку и эстонец и русский могут играть с ним одновременно.

Иван не понимал эстонского языка. А народ Тори по-марсиански. Общаться с Иваном легче, чем остальным, было Королю, благодаря дружбе с Поликарпом. Король с Поликарпом, правда, преимущественно общались на международном языке смеха, а чтобы понять теперь Ивана, которого все стали дружески называть Ваня, одного смеха явно не доставало, и все же опыт общения с Карпом постепенно сыграл свою роль, и настал день, которого люди Тори с нетерпением ждали, — особенно Лилиан Вагнер, родители которой были из немцев, хотя Лилиан родилась на острове. Она относилась к Ивану с большим участием, чем остальные. Когда Король наконец в точности сумел расшифровать разъяснение Ивана, — почему он Иван Родионович, — выяснилось вот что: в России, когда к человеку относятся уважительно, то обращаются к нему по имени-отчеству, когда же с ним дружат, то просто по имени. Раз все люди Тори называют его Иваном или Ваней, что одно и то же, они относятся к нему как к другу, и он, Иван, доволен. Но если захотят обратиться к нему по имени-отчеству, он возражать не станет, поскольку это означает, что его уважают. А уважения к себе обязан требовать каждый настоящий человек.

Единственно, чего от Ивана людям Тори узнать не удалось, — откуда он к ним приходит и куда уходит от них, где живет, чем питается, вообще, как попал на остров и в город Журавлей. Тем не менее люди Тори были уверены в одном: Иван — сирота. Значит, нет у него ни

матери ни отца. И никто не знает, где он ночует. А что будет он делать, когда настанет зима? Все знали, хотя этого им никто не говорил, что Иван прячется от немцев, и это естественно: немцы везде ищут русских, в лесах люди из самообороны прочесывают каждый куст, словно русский какой-нибудь заяц, способный поместиться в кустике.

А недавно в «Нашей Земле» писали о юном герое, девятилетнем сыночке служащего самообороны, который рано утром, выйдя в огород поиграть с винтовкой отца (ведь мальчики обожают играть с оружием), увидел в кустах смородины прячущегося русского солдата, грязного, оборванного; испугавшись, мальчик крикнул: «Хенде хох!» — и повел послушного солдата в полицию, но в пути ему показалось, что солдат хочет убежать, нажал на курок и убил его выстрелом в спину. В газете писали об этом мальчике как о герое, похвально, но Королю страшно даже подумать, что кто-нибудь выстрелом в спину может убить Ивана Родионовича, ему представлялось, как Иван лежит в пыли, а изпод него бежит тоненькая красная змейка и ныряет в водосточную канаву.

Король любил войну... играть в войну. Со Свенном и Вальдуром или с другими мальчиками он играл в войну, в полицейских и разбойников, в бледнолицых и краснокожих; они стреляли друг в друга из «ружей», но однажды он чуть не схлопотал от Алфреда, когда нацелил свою «винтовку» на Марию Калитко и «приказал» поднять руки вверх. Алфред гневно вырвал оружие, то есть деревяшку, и сказал:

— Не смей целиться в живого человека даже из грушечного ружья!

Алфред ничего не объяснял Королю, в этом и не было нужды: Его Величество сам догадался, что это подло и некрасиво в глазах воспитанных людей.

Так что положение маленького Ивана людей Тори беспокоило, об этом поговаривали между собой. Король же крепко держал язык за зубами, чтобы случайно не проговориться. Ему представлялось, как поведут маленького Ивана в тюрьму с поднятыми руками. Он понимал, что реально такого маленького с поднятыми руками не поведут, но что поделаешь, если ему так представлялось. Конечно, положение Ивана людей Тори беспокоило, но они не знали, как ему помочь. Высказывались планы, например, поселить у кого-нибудь в дровяном сарае и приносить еду, но чем все это кончится? Не вечно же ему жить в сарае, к тому же могут заметить, открыть, тогда что?

Наконец решили мудро: он ведь где-то находится, когда не играет с народом Тори. Где-то спит. Значит, там его кормят? Значит, он у хороших людей и поэтому никому ничего не говорит. В таком случае все в порядке и нечего ломать голову. Так решили все, кроме Лилиан Вагнер, мать которой умерла, а отец слыл в Тори как злющий рыбак. Лилиан продолжала заботиться о маленьком Иване. Ее забота не выражалась в чем-то особенном: принесет и сунет ему в карман груши из своего сада, которые — Король знал — у них очень сочные, или пакетик с пирожками. Пыталась ему и носки навязать, от которых маленький Иван категорически отказался, замотал головой и сказал по-марсиански:

— Не-е, у меня портянки, удобнее.

Действительно, всякий раз, закончив играть в мяч, он накручивал какую-то ткань на босые ноги и совал их в маленькие сапоги, сделанные неизвестно из чего. А портянки удобны ли? То Королю было ведомо.

Хелли и Мария Қалитко часто встречались в общем дворе. Здесь у них обычно состоялись подробные обмены новостями, консультации и разговоры на житейско-

неполитические темы: известно же, что Хелли к политике относилась более чем презрительно. Должны же были они делиться впечатлениями об очередях, продовольственных карточках, продуктовых нормах. Намного удобнее вести разговоры в доме у Хелли или у Марии. Но нет же! Встречались во дворе, у одной ведро с помоями в руке, другая с хозяйственной сумкой, из города шла, и вот... «пошла мельница молоть» — как говорил Алфред.

Заботы у женщин, конечно, похожие: приготовить, убрать, накормить, в очередях постоять — дел немало. Рассиживаться с разговорами, — на это времени не было. Другое дело, если так, мимоходом, случайно встретившись во дворе, перемолвиться парой-другой слов... на часик-другой, если нет дождя.

Да нет, восстание маршала Блюхера на Дальнем Востоке, о котором сообщил Алфреду майор Майстер из гестапо, их не интересовало. Какое дело Хелли и Марии до того, что русский из немцев в Чите хотел образовать Дальневосточную советскую республику, что на улицы выходили рабочие заводов и на подавление этих выступлений были брошены войска НКВД, столкновения носили кровавый характер, а регулярные войска отказались стрелять в народ и переходили на сторону выступивших, верных правительству разоружили и арестовали. Сторонники Блюхера стали хозяевами в городе... Нет, такое ни Хелли, ни Марии совершенно не интересно. А вот насчет кремлевской «красной царицы» — другое дело. Это жизненно, интересно и удивительно, что и у Сталина... А почему бы и нет? На женщин — об этом Хелли именно сообщила соседке, — с которыми у красного диктатора имеются связи, обращают особое внимание, и в Москве уже длительное время в центре внимания у «высшего красного общества» довольно таинственная особа, проживающая в последнее время в Кремле. У него, конечно, несколько

жен и любовниц, но те не имеют на него влияния. Эта же «любимому всеми отцу» очень, говорят, импонирует. А ее судьба!..

Анна Владимировна родилась в аристократической семье в Петербурге. Во время революции была маленькой девочкой. Богатые родители воспитывали ее в довольстве. Революция отняла у нее родителей, и в поисках средств для существования, без копейки в кармане, она приехала в Москву. Здесь скудно зарабатывала белошвейей. Часто меняла фамилии, чтобы скрыть свое происхождение, и сегодня лишь единицы из высокопоставленных чиновников знают о нем.

Ее судьба резко изменилась в день, когда по московским улицам проследовала похоронная процессия второй жены Сталина. Овдовевший диктатор шел за гробом. Вдруг из открытого окна одного дома бросили на гроб алый цветок. Спустя несколько дней в нищенской квартире Анны Владимировны объявились агенты ГПУ и предложили следовать за ними. Прекрасная Анна Владимировна побледнела и осведомилась дрожащим голосом, будут ли ее расстреливать. Агенты пожимали плечами, они отвезли ее в Кремль и оставили в огромном пустом зале, стены которого украшал единственный портрет Ивана Грозного. Минут десять, показавшиеся ей бесконечными, провела она в ожидании, пока не открылась потайная дверь и не вошел мужчина. Анна Владимировна почти потеряла сознание, увидев, что вошедший оказался всемогущим товарищем Сталиным. «Не бойтесь,— сказал ей Сталин,— я лишь хотел поблагодарить вас за цветок. Вы дочь княгини О.? Да? Если бы не революция, то стали бы наследницей большого богатства. Вы были помолвлены с полковником Павловым, которого расстреляла революция. Сейчас работаете швейей. Правда ли?» — «Правда,— прошептала Анна Владимировна,— но от-

куда вы все это знаете?» — «Товарищ Сталин знает все», — ответил диктатор и улыбнулся...¹

Этот интереснейший рассказ прервал пришедший некстати Алфред, и Хелли спохватилась: обед только в проекте, ждать же Алфреду некогда, обед должен быть именно в обеденное время!

К еде Король относился равнодушно, хотя аппетитом не страдал. Ел все, что подавали. Хелли с Алфредом приходилось труднее. В этой связи Король давно сделал удивившее его наблюдение: когда они жили на хуторе Сааре, Алфред, работавший в хозяйстве наравне со всеми, не раз заявлял Хелли или Ангелочку: «Мне надо есть как следует, я выполняю тяжелую работу, я же пашу».

И он ел «как следует». Король же думал, что Серая лошадь — да, вот кому действительно тяжело, она пашет, а Алфред... он же только ходит за лошадью, налегая на ручки сохи, почти спит да покрикивает: «Но-о!» Разве это так трудно? Потом и в городе он машинально отмечал привычку Алфреда определять себе рацион в зависимости от объема выполняемой им работы; когда Алфред стал делать мебель, он говорил Хелли: «Мне надо поесть как следует, я же делаю тяжелую работу».

Здесь Король согласился. Алфред с утра до вечера пилил, строгал, таскал доски, и это было тяжело. Король это знал, сам попробовал переносить доски... одну доску.

Мария Калитко поспешила домой, Хелли и Алфред уточняли перспективы наискорейшего обеда. Алфред спешил, у него «горячая» работа в мастерской. Мимо их ворот, печатая шаг, промаршировала колонна самооборонцев, распевавшая громкоголосым хором на-

---

¹ Рассказ об Анне Владимировне взят из немецкого еженедельника оккупационного времени «Дас Бильд».

циональную песню про землю эстонскую, ее народ, чей мужественный нрав еще не погиб. Тайдеман как-то заметил в шутку: «Устраивают конкурсы песен на улицах нашего города. Сначала русские маршировали и пели «Широка страна моя», затем немцы про красавицу Лили Марлен, теперь самообороновцы запели про нрав свой мужественный, который никак не желает умирать...»

Алфред спешил не столько в свою мастерскую, сколько во двор того дома, где была его мастерская, и Хелли о том знала. Она понимала, что там во дворе для Алфреда больший интерес, чем заказанные профессором Пальдроком книжные полки. Потому что это было для Алфреда новое дело, даже в некотором роде мечта. Как все новое, которое Алфреду приходилось в жизни осваивать, так и это он постигал азартно, увлеченно, отдавая делу каждую свободную минуту. Он давно раздобыл каркас старого грузовика с кузовом. Затем достал колеса, и несколько недель потратил на их установку к грузовичку; для этого ему пришлось изучать соответствующую литературу, которой были завалены и стол, и диван в торжественной комнате. Вечерами и ночью он корпел над ними куда более прилежно, чем Его Величество Король над своими учебниками. В результате грузовик встал на ноги, то есть на все четыре колеса, хотя пока еще без самого главного — мотора. Но это не помеха, если есть голова у того, кто взялся сие транспортное средство восстановить.

Сарай во дворе превратился в автомастерскую со всевозможными непонятными Королю, непривычными инструментами. Его аристократическому глазу содержимое сарая представлялось грудой железок. Конечно, Король не мог взять в толк, зачем Алфреду понадобилась возня, отнимающая немало времени, которого ему и так не хватало, чтобы выполнять заказы на мебель; не могла понять и Хелли, но и сам Алфред,

вероятно, толком не мог объяснить этого и не стремился, хотя понимал, для чего ему это надо: потому что интересно.

Он научился класть печи не для того, чтобы стать печником, а потому, что интересно. Интересно вдвойне: во-первых, понять принцип тяги в печи, а поняв, сконструировать печи с максимально обогревательными возможностями; во-вторых, интересно, в состоянии ли он вообще это дело освоить? Он научился разбираться в портновских выкройках не для того, чтобы стать портным, а потому, что интересно овладеть совершенно самостоятельно этой профессией. Он научился шить обувь не потому, чтобы стать сапожником, а чтобы не бегать к тому из-за каждой протертой подметки. В результате он умел многое, потому что для него интересным было все то, чего он не знал, но с чем сталкивался. А автомобиль?.. Он не умеет еще водить, но разве дело в этом? У него не было автомобиля? Но разве дело в этом! Автомобиль он сделает, а значит, и водить научится. По вечерам он брал аккордеон и играл своим гостям, кому «Лили-Марлен», кому «Широка страна моя...». Хотя последняя песня в данное время особым спросом не пользовалась, больше просили «Лили-Марлен».

Король же наслаждался жизнью и буквально руками трогал живую природу. Он, можно сказать,пил вкусный солоноватый свежий воздух и впитывал взглядом золотистую красоту осенних деревьев в парке, где носился на велосипеде по дорожкам, усыпанным гравием, упиваясь ощущением скорости. Как лихо он мчался на пастбище к Лонни, которая уже принимала под свою опеку городских коров. Но Лонни уже не ходила в Закатное кафе играть на рояле, поскольку кафе сгорело, когда здесь проходил фронт. Раздавались глухие удары на Сырве, они говорили о том, что там кто-то еще оборонялся. Хотя сколько же там мож-

но держаться, если учесть, что оборонительные сооружения воздвигали местные жители, которых заставили исполнять эту работу красные командиры тогда, когда немецкие войска уже высадились на остров.

Население, как стало известно из рассказов жителей деревни Салме (там фронт давно прошел), не очень жаждали строить укрепления для русских. Мужиков мобилизовывали со своими лопатами, да кирками, да провизией на два-три дня и заставляли сооружать противотанковые железобетонные столбы. Для этого смастерили деревянные формы, которые заполняли железом и заливали бетоном. Норма — пять столбов на человека, а делали кое-как. Едва наблюдавший за работой политрук отлучался или уходил совсем, формы тут же заполнялись крупными булыжниками да валунами и заливались цементом — охота была крестьянам стараться! Можно себе представить, сколько могли продержаться построенные на таком энтузиазме укрепления...

— А чего ради нам стараться было, — объясняли бывшие строители этих «укреплений», — они на нас кричали, угрожали, матерились, чего ради нам было надрываться, что нам до них — не свои же!

Вот именно! Наивно заставлять строить для себя защитные сооружения тех, кого до этого облаял.

Король часто, когда один, а когда со свитой, ходил в замок, спускался в огромный древний пороховой погреб на углу площади, откуда из-под обломков потолка, взорванного перед уходом красных, извлекли трупы убитых: в погребе еще стоял запах мертвечины. Запах жуткий, но Король теперь убедился в том, что Элмар в Звенинога абсолютно верно учил: если сжать руки в кулаки и потереть их крепко-крепко друг о друга до тех пор, пока не станут горячими пальцы, — в точности так же завоняет, как теперь в погребе.

Королю трудно было сказать, почему его в этот погреб тянуло. Воспоминание о пережитом ужасе уже не вызывало у него страха, как бывало вначале. Его неудержимо влекло также в ателье Жоржа Калитко: хотелось еще раз увидеть картины, испугавшие его однажды изображением сцен, воплотившихся впоследствии в реальность; его не покидало ощущение какой-то неразгаданности,— именно ощущение неразгаданности и привело к мысли о том, что Калитко — колдун, раз мог нарисовать такое, чего еще не было, не существовало: откуда он знал, что все это будет выглядеть именно так? Хотелось ему также посмотреть еще раз на Гехатипата, то есть Денатурата. Почему? Интересно! Да, это загадочно, следовательно, интересно. Вероятно, он что-то унаследовал от Алфреда, которому было интересно, как все делается, из чего состоит, почему существует и в результате — можно ли создать самому. Короля же интриговала загадочность: почему что-то есть. Пока же ему не удавалось проникнуть в ателье Калитко, тот никуда не отлучался, а Королю и в голову не приходило, что можно прийти просто так, в гости, открыто — постучать и... В нем жила инстинктивная уверенность — такие вещи можно видеть только тайком.

Почему они существуют в жизни, об этом он смутное представление имел, то была информация, доходившая до его слуха во время разговоров взрослых в торжественной комнате. Все, оказывается, оттого, что хотели ликвидировать не только островитян, а вообще всех балтийцев. Недаром в Звенинога об этом рассуждали мужики, когда слушали «Филипс»...

Более полное подтверждение такому заключению получил Король в тот вечер, когда Килк в торжественной комнате читал Отто и Алфреду латвийскую газету «Тевия», в которой опубликовали содержание найденного у большевиков документа. Он был оза-

главлен: «Инструкция переселения антисоветского элемента в Прибалтийских государствах».

В ней говорилось о систематическом массовом переселении эстонцев, латышей, литовцев — первом шаге «умной и предусмотрительной сталинской политики...». Подписал заместитель комиссара безопасности Серов. Пункт за пунктом были расписаны в инструкции нужные для исполнителей наставления: как составлять ордера на выселение, как организовывать транспорт, как врываться в квартиры на рассвете, как и когда применять оружие в случае сопротивления. Далее предписывалось следующее:

«Выселение антисоветских элементов из балтийских республик имеет большую политическую важность. Успешное проведение этой задачи зависит от того, как тщательно районные «тройки» и оперативные штабы сумеют выработать конструктивные планы операций переселения и своевременно предусмотреть необходимое для этого. Инструктировать оперативные группы «тройки» должны накануне операции, вечером, в сжатые сроки. Следом оперативным группам вручат списки выселяемых, для этого необходимо своевременно собрать данные...

Чтобы работа в волостях и деревнях могла начаться незамедлительно, прибыв в деревни, члены оперативных групп должны вступить в контакт с местными секретарями и председателями сельсоветов, соблюдая при этом необходимую конспирацию, с их помощью уточнять места жительства переселяемых. После обыска выселяемых необходимо известить, что решением правительства их направляют в другие районы Советского государства. Учитывая, что большинство мужчин остаются задержанными в лагерях, а их семьи направляются в дальние области страны, необходимо при задержании, чтобы мужчины свои личные вещи упаковали отдельно от других членов семьи, при этом дол-

жен оставаться неразглашенным факт их предстоящего разлучения. Разделение мужчин происходит уже на железнодорожных станциях, куда отправляются все вместе. Арестованные главы семей погружаются в заранее подготовленные для этого железнодорожные составы...»

Вот почему все такое произошло, подумалось Королю, хотели всех людей из их страны увезти и уничтожить.

— Безусловно, они бы свои начинания довели до конца, если бы не вермахт,— проговорил Килк.

— Всего этого,— начал рассказывать майор Майстер из гестапо, а доктор Килк тут же переводил,— немецкий солдат достиг благодаря исключительному руководству. Мы сделали столько, сколько не удавалось никому. Этого не отрицают даже враги немецкого государства. Правда эта настолько убедительна, что здесь ни прибавить, ни убавить... Прямо гигантскими стали успехи наших вооруженных сил с начала войны против Советов. Какие огромные пространства оккупированы! Какие огромные расстояния нами преодолены! За сто сорок один день, с июня до октября, наш вермахт оккупировал в борьбе против величайшей военной силы мира в общей сумме примерно полтора миллиона квадратных километров земли. Эта территория намного больше, чем Франция, Англия, Бельгия, бывшая Югославия и бывшая Чехословакия, вместе взятые, ферштеен?.. Прибавим сюда еще оккупированные Советами в тридцать девятом бывшие части Польши, Литву, Латвию, Эстонию, Белоруссию, советские провинции от Смоленска, Орла, Калинина, Тулы, обратно взятые территории Финляндии и Ленинграда вместе с Карелией, ферштеен?

Он оглядел всех и продолжал:

— ...Итак, наш вермахт со своими союзниками захватил в борьбе с Советами на триста тысяч квад-

ратных километров больше, чем при всех предыдущих военных походах, ферштеен? Если обратить внимание на неизмеримые трудности в этой борьбе против хитроумного и коварного врага, действовавшего не по правилам ведения войны — из-за угла, можно лишь приблизительно представить, сколько сил потребовалось потратить нашему командованию, чтобы достичь такого военного успеха, которому нет равного в истории, ферштеен?

— Это и в самой России понимают,— согласился с Майстером Килк и рассказал, что четырнадцатого октября в Москве совершили аттендат на Сталина¹.

Это сообщение вызвало всеобщее удивление: почему другие о том не слыхали, ведь радио слушают все?

— Когда из Кремля выехали пять одинаковых автомобилей, бросили бомбу. Одну машину разорвало в клочья. Аттендат вызвал панику. Среди населения беспокойство. В поезда, на которых из Москвы удирают партийные работники, летят камни. В городе строят баррикады, в учреждениях сжигают документы.

— Хорошо, находясь в Журавлях, наблюдать, что делается в Москве,— констатировал Алфред.

— А говорят, Советское правительство удрало из Москвы... Во всяком случае, по сведениям из Стокгольма, в тюрьме на Лубянке расстрелян маршал Красной Армии Буденный. Убийство маршала не удалось скрыть, что возбудило брожение в общественности. Среди высшего военного руководства сообщение об убийстве Буденного произвело впечатление разорвавшейся бомбы...

— В Ленинграде холод и голод убивают столько людей, что их уже не убирают с улиц...

---

¹ Слухам в те дни верили не сомневаясь, к тому же негде было выяснять, насколько они соответствовали действительности.

— О, ля-ля! Швер¹, — сказал Отто Швальме авторитетно, а Майстер добавил, что швер особенно из-за мерзких дорожных условий в России, шлым, сеер смуциг². А почему проиграл войну Наполеон? Главным образом из-за транспорта. Он не имел возможности доставлять со своих баз продовольствие, двигался вперед, надеясь на скорое сражение и победу. Его изнурили, ферштеен? Бездействие и голод вконец доконали. Сейчас положение другое: сегодняшние моторы позволяют преодолевать любые расстояния. Железные дороги, конечно, можно рвать, что русские и делают. Но их можно и отремонтировать, что и заставляют делать самих русских. Операции в Бельгии и во Франции показали, что самое неприятное на железной дороге — взрыв туннелей — в России неприменимо... Ведь равнина, а древесины для ремонта мостов вокруг достаточно, ферштеен?

По расчетам Короля, Хелли Мартенс как будто уже должна была прийти из своей прачечной, где она вечно занята, как известно, стиркой белья теперь для великой германской армии. Уже приближался час, считавшийся по расписанию, составленному Алфредом, временем ужина, а приготовлений к нему и в помине не было. Король и не подозревал, что Хелли, узнавшая о гостях Алфреда и о том, что все они увлечены гигантскими делами в мире и презренной ею политикой, преспокойно досказывала Марии Калитко историю красной кремлевской царицы с того самого места, где ее давеча оборвал приход Алфреда.

«...Послушайте! — сказал Анне Владимировне товарищ Сталин. — Вы бы приняли одно предложение, которое гарантирует вам наилучшие условия жизни?» Испуганная Анна Владимировна прошептала тихо:

---

¹ Тяжело (нем.).

² Скверно, очень грязно (нем.).

«Да». Она стала опять свободной. Конечно, она должна была поклясться, что никому этого не откроет. Сталин обставил для встречи с ней в Кремле уютную квартир-ку, в которой часто проводил вечера. Любовницы коммунистов на верхах проживали в роскошных особняках. Сталин хотел подарить и Анне такой. Она отказалась. Ему с трудом удалось поселить ее в простом доме. Гордость даже теперь не позволяла Анне Владимировне принимать подарки от человека, который ее всего лишил. Остальных большевистских деятелей раздражала эта странная связь Сталина, возникло недоверие. Они в ней видели врага и опасались ее влияния.

В один прекрасный день Сталин известил своих помощников о том, что собирается вступить в брак с Анной Владимировной. Его ближайшие соратники дали ему понять, что вряд ли он проживет дольше дня бракосочетания. Это было предупреждением. Сталин, который в глубине души боялся этого, послушался. Он оказался пугливым и безвольным. Несмотря на это, связь Сталина с Анной Владимировной даже укрепилась. Ее влияние на Сталина росло. В Москве говорили, что именно результатом этого влияния явились акции «чистки» в партии. Многие соратники Сталина лишились голов, например троцкисты, которые пытались работать против госпожи Ранке, так называли у них Анну Владимировну. А Сталин без слез расставался со многими старыми соратниками, поэтому нечего удивляться, если и «красную царицу» постигнет такая же участь, как многих гулявших на кровавых сталинских застольях...

Вот что пересказывала соседке увлеченная Хелли, ненавидящая политику как самую вредную из всех видов человеческой деятельности. При этом она совершенно не понимала, кто такие троцкисты, что такое «чистки» и многое другое из того, что ей в ее прачечной столь же страстно рассказывала недавно Адель Килк,

приносившая свое белье. Хелли не отказывалась подзаработать, ибо Адель не скупилась, она платила чисто ганом — сахарином. В груди белья, которую приходилось переворачивать да обрабатывать Хелли, бельишко Адели — сущие пустяки.

Семья Килков, включая и пропорционального Арви, как видно, действительно с полным правом могла считаться в городе одной из более осведомленных и всесторонне развитых. Килки чувствовали себя на высоте не только в доме Алфреда. Они ходили по многим домам, заседали за кофе и говорили на политические темы. Они знали все, лишь не знали одного: куда подевался из города этот юркий гражданин Векшель? Этого никто не знал, но, учитывая разговоры, какие тот когда-то вел, их политическую направленность, можно было полагать, что он удрал с красными. Вероятно, он был тоже из тех, кто требовал добровольного присоединения к Советам нашей страны.

Королю в деле добровольного присоединения нечего было и разбираться, тут путались более опытные мыслители. Тайдеман, правда, объяснил ему как-то, что красные — неумно делают, когда кричат, будто все эстонцы хотят стать советскими гражданами, — неумно потому, что такого не может быть хотя бы по той простой причине, что большинство людей в стране относятся к политике примерно так же, как Хелли: она — маленький человек, политикой не занимается. Но и те, которые занимаются, половина из них, конечно, против Советов, иначе бы не было освободительной войны в восемнадцатом году, когда и русских, и немецкий ландесвер одинаково из страны у моря выгнали. Гораздо логичнее было заявить, считал Тайдеман, что коммунисты, воспользовавшись политической обстановкой в стране, завладели руководством — это другое дело; что, учитывая ситуацию в мире, помощь сильного государства была

бы разумной, и так далее. А утверждать, что все — и эстонцы, и латыши, и литовцы — договорились и сразу, как один, ринулись бегом в семью Советов, в тот самый час... когда советские войска почти заняли территории всех трех государств — это грубо. Но, считал Тайдеман, сталинская политика тонкостями не отличается, особенно в отношении тех, с кем он не находит даже нужным считаться, этот «солнцеподобный отец народов» был всегда и во всем брутален.

Эти свои мысли Тайдеман скорее всего пробубнил себе под нос без расчета что-либо разъяснить Королю. Довольно часто пожилые люди, и не только пожилые, предпочитают беседовать, например, с собакой, считая совершенно справедливо, что собаки во многих гуманитарных и политических вопросах понятливей людей.

ГЛАВА III

В немецком яхт-клубе опять можно было играть, там теперь не ставили часового, говорящего тоже неприятное слово «ферботен»¹. Яхт-клуб стоял заброшенный, во многих комнатах стекла выбиты, двери настежь, если вообще были в наличии. Однажды народ Тори наблюдал с квадратной башни яхт-клуба, как со стороны Абука мчались быстроходные катера. Народ Тори уже знал, что у этих катеров, которые назывались десантными, авиамоторы, потому они такую скорость и развивали. Примчались катера в бухточку, часть причалила к Тресковой церкви — тоже яхт-клуб, — часть к эстонскому, часть к немецкому яхт-клубу.

Прибывшие на катерах немецкие солдаты-десантники расположились на отдых, кто где: сидели на мостиках, на полу в комнатах, на подоконниках, ели, ба-

---

¹ Запрещено (нем.).

лагурили на своем языке. Народ Тори слонялся между ними и тарашил свои любознательные глаза. Некоторые военные, расстегнув ремни, небрежно тут и там повесили или бросили в стороне большущие револьверы. Уже потом Король узнал, что это парабеллумы, в переводе с латыни означает «готовься к войне».

Большое искушение захватило Короля украсть один очень уж заманчиво безнадзорно висевший парабеллум, но соблазн этот пересилил страх, и слава богу, что так: трудно и предсказать, что было бы, если бы соблазн оказался сильнее. Как-то, когда у них в небесно-синем доме в торжественной комнате гостил Отто, а его шинель и ремень с маленькой изящной кобурой висела в прихожей, Король открыл кобуру, вытащил небольшой браунинг и любовно эту штуку рассматривал, и опять им овладело искушение присвоить эту игрушку. Однако он предвидел последствия такого поступка, кое-какие уроки Алфреда он отлично усвоил... Но тяга к оружию была, что тут говорить.

Да и как не быть, когда они, народ Тори, постоянно воевали в пустовавшем яхт-клубе, стрельба там умолкала разве что на ночь, не потому, что стреляющие остерегались тревожить сон горожан своей пальбой — ее никто бы не услышал, — а потому, что сами бойцы по ночам смотрели цветные сны. Эту стрельбу и днем никто не слышал, поскольку выстрел, как таковой, производился каким-то неподражаемым ларингологическим приемом, создаваемый звук отдаленно напоминал выстрел, когда, к примеру, он передавался в радиоспектакле, при этом звук рот «стрелявшего» как-то неестественно растягивался, превращаясь в щелочку, изображался при этом этакий оскал злой собаки и раздавался звук, который письменно трудно выразить, примерно: крххх!

Кто в кого стрелял? Бывало по-разному. Когда полицейские в гангстеров, когда гангстеры друг в друга,

но, как ни странно, несмотря на то, что шла война и существовали красные и немцы, — таких персонажей в играх народа Тори не было. Войне, как таковой, здесь не подражали, а почему — этого никто объяснить бы не сумел. Оружие у каждого было такое, какое каждый был в состоянии занять или изготовить сам. Нацелив его на «противника», делали ртом — крххш! — и «убитый» выбывал из игры. Секрет успеха в такой стрельбе заключался в таком же принципе, как и на настоящей войне: чтобы выстрелить в противника, надо его обнаружить раньше, чем он успеет сказать — крххш! — в твой адрес.

Все это, конечно, превосходно — крххш! Но... на горизонте беззаботной лучезарной и вольной жизни показалась мрачная туча. Алфред прочитал Хелли за завтраком объявление в газете, которое Король потом, оставшись один на один с этим типографским листом, сам досконально изучил. И вот что там было:

«Школы начнут работать 1 ноября. Открытие должно пройти торжественно. На домах необходимо вывесить флаги, у кого нет, необходимо сшить. Германский государственный флаг шьется так: ярко-красный фон, в центре белый круг, на нем черная свастика.

Общее расписание мероприятий:

1. Флаги на домах целый день.
2. Ученики одеты торжественно (празднично).
3. В актовом зале школы приглашаются родители и почетные гости. Представители местных властей.
4. Торжественное открытие в актовом зале, примерно час. Начало в 10.00.

Расписание торжественной части:

1. Хорал.
2. Молитва.
3. Освящение помещений классов.
4. Хорал: «Услышь Иисуса Христа — владыку всемогущего».

5. Речь Вождя Самоуправления республики — доктора Гора — прочитает ученик старшего класса.

6. Общее пение.

Молитву и освящение произведет приглашенный священник. Директор школы в речи разъяснит опасность коммунизма как причину возможного уничтожения нашего народа и значимость его спасения вождем немецкого государства. Затем, построившись по классам, пешая экскурсия к могилам немецких героев, павших за свободу нашего острова, и возложение венков.

Подпись: Вождь Самоуправления республики
доктор Гора».

Ниже стояла небольшая утешительная заметка такого содержания: «Поскольку в городе Журавлей большевики привели здание школы в негодное состояние, ее невозможно открыть 1 ноября, тем не менее открытие школ на Большой Земле у нас следует отмечать тем, что украсить дома немецким и национальным флагами».

Его Величество Король Люксембургский внимательно прочитал эти объявления два раза, затем еще раз вслух, и стало ему ясно: начинается нервотрепка. Отсрочку дали, но в этом мало утешительного. К тому же неизвестно, на сколько отсрочка, написали же, что сообщат дополнительно.

Поскольку же в данном вопросе от него ничего не зависело, Король продолжал делать свое дело — гонять на велосипеде, за тем — крххш! — в яхт-клубе, вечером шпионаж в небесно-синем доме, где заседания взрослых в торжественной комнате стали традиционными, госпожа Килк называла их светской жизнью, в которой конечно же плавала, как рыба в воде.

Ко всем прочим огорчениям, Короля преследовало и беспокойство. Он опять случайно увидел, как встретились Вальве Земляничка и Алфред. Это случилось, когда Алфред закончил работу, а Король прибирал в

мастерской, Хелли еще раньше ушла готовить ужин. Мужчины закрыли производство и вышли на улицу, а в это время из-за угла показалась Земляничка и...

— Ах! — она скользнула взглядом по Королю и зашебетала: — Это... вы? Как? Уже закончили работать? Домой идете?

Алфред ответил ей приветливо, что вот он с «помощником», и похлопал Короля по плечу, собираются на ужин, что да, конечно, они потрудились на славу. Потом, словно вспомнив что-то, сказал Королю:

— Чертежи оставил, ты иди, я сейчас, догоню. Автоделом решил заняться, — объяснил он Вальве, словно между прочим. — Да вот оставил...

Алфред вынул из кармана ключи и вернулся в мастерскую, Король побежал к небесно-синему дому, Вальве Земляничка перешла улицу и зашагала в свою сторону. Но когда Его Величество завернул во двор небесно-синего дома, ему показалось, что слишком сильно отстала эта Вальве Земляничка. Тем не менее, понимая, что никто не в состоянии двигаться с такой же скоростью, как у него, влетев в дом, он известил Хелли, что Алфред забыл чертежи...

Почему-то эта случайная встреча Алфреда и Землянички напомнила ему о Марви... При чем здесь Марви? Ну да, Марви — любовь, его тайная любовь. Король догадывался, что между Земляничкой и Алфредом существует какая-то тайная связь. А какая же еще может быть в такой ситуации другая тайная связь, кроме любовной?

Алфред искал чертежи долго. Когда же он наконец пришел, Король уже спал в своей комнате.

Утром, отстояв в очереди за хлебом, он привез домой — на велосипеде, разумеется, — оставшееся от буханки. А что от нее могло остаться? От такого теплого, вкусно пахнувшего хлеба с соблазнительно хрустящей корочкой? Собственно, осталось все, кроме корочки...

То есть мякоть, ее он в целости доставил Хелли, которой, наверное, хотелось бы получить хлеб вместе с корочкой, но они с Алфредом давно убедились в том, что никакое убеждение на Короля не действовало. Теоретически он понимал, что корочка и мякоть — две обязательные составные части хлеба — должны быть вместе, но на практике это было неосуществимо.

Потом он взял гитару и поехал в штаб «эстонской молодежи», расположенный в доме на углу Парковой улицы. Здесь он играл в оркестре. Занятия музыкой немного отвлекали от мыслей о Марви. Не стал бы он членом этой организации «Эсти Ноор»¹, но его привлекала перспектива играть с оркестром в актовом зале школы, и таким образом его увидела бы на сцене она... Ради этого в определенные дни он должен был ходить в дом «Эсти Ноор» на репетиции и таскать с собой инструмент. Встречные с любопытством посматривали на него, когда он шел с гитарой, и почему-то такое внимание ему нравилось. Он старательно ходил также на собрания, хотя никому не был здесь нужен; он делал вид, что ему интересно, понимая, что неинтересно, а почему неинтересно — не понимал. Он ходил сюда — что поделаешь! — иначе в оркестр не попасть, а без оркестра нет хода на сцену, а если нет хода — Марви его не увидит; ежели же увидит, как он играет на гитаре, тогда...

Потом он решил смотаться в Звенинога. Решения приходили к нему всегда неожиданно и быстро, не приходилось их долго дожидаться или выискивать в себе. Было уже холодно — на то и осень. Если живешь без огонька, то лучше, когда тепло, с огоньком же можно что угодно предпринимать круглый год. В тот день он с утра был невероятно покладистым, все поручения Хелли исполнял без писка — ну, а что хлеб без корки,

---

¹ Эстонская молодежь (эст.).

то не в счет. Пришел с репетиции, наколол дров, натащил их на кухню, сбегал в производственный дом, разжег огонь в железной печи, чтобы растопить для Алфреда древесный клей. В результате ему наговорили приятных слов, и было похоже, он всем нравился. Тогда-то он и заявил, что поскольку сделал все, требуемое от него цивилизацией, то не прочь привезти от Ангелочка еще и саареского меда со сметаной; приняв колеблющееся согласие домашнего персонала за бурную радость по такому случаю, Король отправился в путь, обещая ради обогащения своего светлого ума не забыть вернуться к началу школьных занятий.

Хелли, правда, пыталась уговорить его не пускаться в путь на ночь, но что возьмешь с женщины! Что значит на ночь, когда всего-то нужно преодолеть какие-нибудь восемнадцать километров с хвостиком. На таком скоростном аппарате, как велосипед, это вовсе не расстояние. Что ехать надо, стоя на педалях сбоку,—неудобно, кто же спорит. Он сначала вставал с левой стороны рамы, просунув правую ногу, потом, когда левый бок уставал от такой неловкой позы, пристраивался с правой, просунув другую ногу. Так и мчался, меняя положение по надобности. Но тоска по Марви...

Из-за нее-то и получилось, что ехал он теперь не один. Как однажды с Эльной на финских санях, теперь мчался с Марви. Что и говорить, менял Король женщин как перчатки. Она, естественно, «сидела» на заднем сиденье, которому полагалось в воображении гонщика находиться там, где был багажник. Случалось, сей летательный аппарат, напоровшись на рытвину в дороге, опрокидывался, и пилоту приходилось, отряхиваясь от песка, просить прощения у своей дамы, продолжавшей «восседать» как ни в чем не бывало. Падения не причиняют боли, когда красавица Марви, похожая на Сирлей Темпл¹, безраздельно с ним.

---

¹ Американская кинозвезда.

Как они мчались! Да ведь они спасались!.. Он спас ее. От чего? Это неважно — он спас ее от опасности. Увидев впереди километровый столбик и приближавшуюся навстречу повозку, он говорил себе: успею до столбика раньше повозки, мы спасены. Он жал на педали изо всех сил и успевал, а Марви им восхищалась: «Как же мне повезло, что ты вовремя успел вырвать меня, я и не знала раньше, что ты такой...» Неудивительно, что они быстро добрались до Звенинога и вскоре подъехали к воротам хутора Сааре.

Здесь их ждало значительное разочарование: их приезду ни одна собака не удивилась. Даже Вилка, увидев их, потянулась, вытянув задние лапы, зевнула, долго скулила и лишь потом стала пользоваться хвостом по его прямому назначению.

Первой их увидела Ангелочек. Она посмотрела с привычным для Короля выражением снисходительного любопытства: мол, что из себя представляет сие творенье божие, блуждающее в потемках своего непрозревшего сознания? Казалось бы, приехал любимый внук... не один, хотя об этом (что не один) известно, действительно только господу богу, но приехал же на велосипеде! Самостоятельно! Ангелочек лишь улыбнулась, стекла очков, отражая свет заходящего солнца, лукаво поблескивали, и сказала она всего-то:

— Ты Манчи не видел на дороге?

Король вздохнул безнадежно и, обращаясь к Марви, заметил: «Не обращай внимания, она такая...»

— С утра поехал в лес за дровами... Алфред разве с тобой не приехал?

«Вот какие у нее заботы,— сказал Король Марви,— а то, что мы сами на велосипеде прикатали, никого не интересует. Подумаешь, дрова...»

В воздухе ощущался специфический запах топящейся бани, присущий тем дворам, где она имеется.

— Не видел я Манчи,— ответил он Ангелочку.— Алфред грузовик строит, когда сделает, сам приедет, а мы... одни.

— Заходи же,— скомандовала Ангелочек.— Прибудет Манчи, будем в баню собираться.

— Эх! — воскликнул-пискнул Король молодцевато.— Давно не парился как следует!

На это Ангелочек весело расхохоталась. Она любила этого «парильщика», а ведь не так-то у нее много внучат, от стольких-то детей! Эдгар на материке, жена у него тоща, дети малокровные, двое, сын и дочь. Бывали они на Сааре, но Ангелочек не может сказать, что они ей очень понравились, хотя дети как дети. Хуго, когда отыщется, кого-нибудь сотворит с Мелиндой да с божьей помощью, если, конечно, Мелинда сама раньше что-нибудь не сообразит в этом плане уже без божьей помощи, уж очень она игрива с этим «бычком» с хутора Ребра. И в армию того никто не берет, возрастом Эйнар подошел бы, но у него плоско-стопие, а так жеребец, каких только на сельскохозяйственной выставке показывать,— племенной.

Манчи... Этот скорее всего с Лейдой вот-вот обзаведутся ребенком... А живут в грехе, невенчаные, не-регистрационные. Зато у Алфреда — да, шустряк. Давно ли этот молодец верещал у нее в парилке, как поросенок, а теперь.... Но Ангелочек довольна, уж действительно будет приличный продолжатель рода, если бог даст.

— Надо бы его и завтра в лес погнать,— размышляла она вслух, имея в виду, конечно, Манчи,— а то когда же? К дню Свечей чтоб успел, а то лодырь лодырем.

«У Ангелочка,— пояснил Король Марви, которая, вероятно, уже слезла со своего сиденья, ведь летательный аппарат стоял, прислоненный, вывернув кокетли-

во переднее колесо, к колодезному срубу,— у нее все дела распределены по Дням. А Дней у нее столько!» Например, в День Мадиса не положено работать, вечером даже огня не полагается в доме зажигать. Летние работы в хозяйстве полагается начинать только после Юрьева дня. В День Кадри, упаси боже, встретиться охотнику! Ко Дню Михкеля чтобы поля были вспаханы. Больше всего не любил Его Величество, само собой, День Тоомаса. В этот день моют, подметают — пыль столбом. От сажи все черно. Ведь Черный Тоомас — он и есть сажа.

Но где же Марви? Вот проказница! «Обнимает» Ангелочка, что-то нежно ей воркует, подлизывается. Ангелочку, конечно, такое всегда нравится. Она с виду строгая, но с десятков детей бог все же позволил ей завести... Правда, сейчас она вообще-то ужасно сердита из-за церкви в Мыннусте, где красные варварски обошлись со святым местом. Они там, подцепив тросами церковную башенку к двум танкам, опрокинули ее, внутри все изломали, окна повыбивали, ведь солдаты жили в церкви, как в казарме, а дымоход они смастерили из водосточных труб и высунули прямо в окно. Алтарь сожгли, церковный архив спалили, а ведь он здесь сохранялся с 1895 года. Когда же теперь в этой церкви можно будет молиться?

Хлопнула дверь, на крыльце дома показалась женщина маленького росточка, достаточно старая, по мнению Короля, но совсем молоденькая по разумению Ангелочка.

— Лейда, к нам сын Алфреда прикатил, ты помоги Юхану в бане, мне гостя накормить...

Лейда, неизвестно чему, звонко рассмеялась. Король не знал, как ему с ней быть, он лишь сказал вежливо «терэ», и опять она засмеялась, тут же побежала на хозяйственный двор. Ангелочек не сочла нужным что-либо объяснять Королю насчет Лейды.

А летательный аппарат? Так и будет валяться брошенный у колодца?

— Я велосипед поставлю, — сказал он Ангелочку, и едва успел отвезти его под ригу, как закричали ворота, раздалось фыркание Серой, сопровождаемое звонким смехом коротконожки Лейды. Манчи что-то буркнул ей. Король увидел нагруженную длинными сосновыми хлыстами повозку, из ноздрей Серой шел пар, как от паровоза. Красиво смотрелись сосновые хлысты в фиолетовых лучах заходящего солнца.

Увидев Короля, Манчи приветливо вскрикнул:

— Ого! Те-рэ!

Появился Юхан и тоже сказал: «Ого».

Коротконожка засмеялась, а Король недоумевал: что это она все время смеется? Манчи напоил лошадь и выплеснул оставшуюся в ведре воду ей под хвост, как поступал всегда, потому что был хулиганом, так считала Ангелочек; Серая с укоризной посмотрела на присутствующих, мол, видите, на что это похоже? Манчи успел заметить под ригой что-то никелированное.

— Ты уже на велосипеде?! — спросил он. — Наконец-то! А то я подумал, что пешком прискакал.

Манчи извлек на свет велосипед и стал критически его рассматривать.

— Ты уже умеешь ездить... — не то спросила, не то удивилась Лейда. А у Манчи к велосипеду, как, впрочем, и у всех парней в Звенинога интерес повышенный. В это сложное время велосипед не всем был доступен, тем более что их всюду изъяли, но не везде вернули обратно. В свое время Алфред «разорился» для Манчи и Хуго, подарил им велосипеды, но их конфисковали для военных нужд. Отсюда и интерес Манчи к велосипеду.

— Твой теперь? — спросил Манчи со скрытой завистью.

Король вспомнил, как они с Манчи вдвоем ходили на пастбище: жаворонки, цветы, зелень, лазурь над ними, назойливые слепни; Манчи пытался объяснить юному принцу смысл борьбы, увиденной Королем случайно ночью «во сне», и совершенно честно попробовал растолковать, что это такое, когда борешься с девушкой в сене.— Его Величество ничего не понял: боролся с девушкой, а зачем?

Конечно, обидно было Манчи. Где теперь ему взять новый велосипед? Он же еще молод, немного озорной, ну и что? Чуть-чуть лодырь, как считает Ангелочек, так он же не ждет в наследство хутор Сааре, такое только Хромоножке снится, потому что, по мнению Манчи, все хромоножки злые и интриганки. Манчи тоже хотелось получить обратно свой велосипед, и Король понимал, что он добрый человек, на него даже Серая не обижается, когда он ей под хвост воду выплескивает.

— Мой,— признался Король и решил соврать: — Алфред твой тоже найдет, я слышал, он Хелли об этом говорил.

— Разве найдешь? — ответил Манчи безразлично, но Королю показалось, что своим враньем он ему угодил, Манчи поверил, а как теперь с этим быть?

Король услышал какое-то шипение за спиной — Юхан свистел свою мелодию. А ведь он только что рубил старые яблони в саду.

— Сосны сухой там было вроде больше... — Юхан посматривал придирчиво на то единственное, что достойно серьезного человека, — на воз с древесиной. — Справа будто бы, на опушке, где наш лес граничит с участком Ребра... Должен быть сушняк, сосна.

Дед рассуждал вроде бы сам с собой. Манчи переключился с велосипеда на дела в их лесу. Король поспешил увезти под ригу летательный аппарат. Тут все услышали с крыльца дома команду Ангелочка гото-

виться в баню. Юхан с Манчи взялись разгружать воз, Его Величество отправился к женщинам и очень обиделся, когда Коротконожка не соизволила поздороваться с Марви, которая — подхалимка из подхалимок! — «сидела» у печи на пне и «листалала»... Священное писание, то есть Библию.

По-домашнему ударили настенные часы с нарисованными на циферблате красными яблоками, к одной гире привязан довесок — старый амбарный ключ, видать, плохо стала тянуть гиря.

Ангелочек приготовила белье, полотенца, простыни. Весь дом наполнился запахом свежее испеченного хлеба и сепика¹.

Со скрипом открылась входная дверь, вошел без стука Эйнар с Ребра, проговорил скороговоркой, ни к кому не обращаясь:

— Я после всех подскочу, попарюсь, а ты, Манчита, все тарачишься-заливаешься? — и засмеялся своим «нежным» голосом. — А ведь удачно у меня вышло, да? Манчита... Твой будущий муж — Манчи, значит, ты — Манчита. Как в Испании. Он — Иммануэль, а она — Иммануэлиха.

Не прощаясь, он хлопнул дверью и был таков.

Манчита-Иммануэлиха с опозданием заморгала детскими глазками и залилась в долгом смехе. Смейся не смейся, но если тебе дали прозвище, то на всю жизнь, и быть тебе теперь Манчитой, как по приговору. Обижаться нет нужды. Манчита — это все же благозвучнее, чем, скажем, Коротконожка, хотя, что и говорить, росточком она не вышла.

Теперь Король догадался, кто такая Коротконожка, Манчита, — невеста Манчи, он на ней женится, на Лейде с хутора Пости (почтовый). Король знал этот хутор, он стоял у самой омнибусной дороги в деревне

---

¹ Сепик — хлебец из ячменной муки.

Кангруспина. Король догадался, что Манчи уже тогда бегал туда через пастбище напрямик, когда растолковывал ему суть борьбы в сене, а Король не разобрался, ведь прямо за пастбищем, через осинник, и стоит хутор Пости. Наверное, Манчи тогда в сене с Лейдой и боролся... Король попытался теперь вдогонку вспомнить, в чем заключается принцип борьбы, ведь Манчи ему объяснял, но не мог — столько времени прошло.

А где же Сесси? Король высматривал ее, дожидаясь, думал поначалу, что она, наверное, где-нибудь в деревне, что к бане придет. Но ее все не было, тогда он спросил у Ангелочка.

— Эта вертихвостка на Ару, где же еще, — ответила она.

В ответе Ангелочка послышалось недовольство. Однако же она не стала более ни о чем говорить. С Королем-то никто особенно не считался, во всяком случае, в подробные отчеты не пускались. Король же сообразил, вспомнив, как Манчи дразнил Сесси и Антса женихом да невестой, что, наверное, Антс Арусский женился на Сесси.

А Марви? Сколько можно сидеть на пне у печи? Да еще с Библией, в которой ничего не смыслишь. Однако что же ей делать? Все пошли в баню, а с Марви в баню Король и мысленно пойти застеснялся. И Ангелочек с ним не пошла, а взяла Манчиту. Король парился с дедом и Манчи, и он им показал... бабушкин класс! Они у него кряхтели и охали, наконец сползли с полки — слабаки.

После бани собрались в большой кухне за огромным столом, пришел и Эйнар, попарившись после всех. Ангелочек поручила Манчите накрывать на стол, сама чем-то занялась в комнате Хуго и Мелинды, последняя отсутствовала в Праакли у своей матери. Мужчины расселись за столом и выжидательно следили за манипуляциями Манчиты, которая бегала от плиты к сто-

лу, от стола в чулан: поставила огромное блюдо с вареной картошкой в мундире, принесла глиняный сосуд с соленой салакой, без которой для Юхана не существовала никакая еда. Салака и Юхан, они контактировали уже с утра: и за завтраком, и за обедом, и за ужином, можно сказать, что салака его единственная пища. Хлеб собственной выпечки Лейда нарезала, соус перелила в эмалированную миску, а мужики сидели, глотали слюнки, вилки держали в руках, ждали; за дверью заскребли, и Лейда-Манчита, пробегая мимо,пустила Вилку, которая деликатно уселась в стороне, забавно стуча хвостом об пол.

Королю представлялось, что и Марви помогает Манчите, и как она была очаровательна! Как мило развевались ее локоны на бегу, какой легкой была ее поступь, как раскраснелось личико.

Все ждали. Дед нервно постукивал по столу своим ножом — он признавал только свой складной нож. Дед смотрел хмуро, можно было подумать, что он чем-то недоволен. Но он всегда смотрел хмуро, когда доволен — тоже. Он смотрел сейчас на картофелину, которую облюбовал, чтобы воткнуть в нее нож. Но Ангелочка все нет да нет. Из комнаты Хуго слышалась какая-то ее возня, что-то гремело, о чем-то она сама с собой говорила. Наконец дед окликнул ее.

— Сейчас, сейчас приду...

Все продолжали ждать. Эйнар начал рассказывать страшную историю, как на Большой Земле, в Тартуском округе, где-то на хуторе, мать доила корову, а сын задушил ее ремнем, потом вместе с женой они перетасили ее на чердак и привязали к стропиле, затем заявили в полицию. Все словно застыли за столом, Лейда разинула рот и воскликнула:

— Иссанд Юмаль! ¹

---

¹ Господи боже! (эст.)

Эйнару понравилось, что он овладел всеобщим вниманием и продолжал рассказывать, что убили эту женщину за то, что она хотела аннулировать завещание своего покойного мужа, по которому хутор после его смерти перешел к старшему сыну, но при условии, что он до конца жизни станет содержать мать и до совершеннолетия брата и сестренку. А он к детям относился плохо, даже жестоко, за это мать и хотела попросить суд аннулировать завещание, тем более что молодого человека знали как выпивоху и драчуна. Приговорили его к смерти через повешение, а его жену к каторжным работам пожизненно. Вот такая страшная история.

— Иссанд Юмалы! — воскликнула опять Манчита.

— Скоро ты там?! — закричал дед в соседнюю комнату, ему надоело пялиться на облюбованную картофелину.

— Сейчас приду, — услышался голос Ангелочка из комнаты Хуго.

Дед с вождением поглядывал на соус с салакой. Салака, конечно, достойная еда, настоящая крестьянская еда, но более всего обожает Юхан макать хлеб в ее рассол; в рассол нарезан репчатый лук, черный перец... с горячей картошкой-то... Эйнар завел новый рассказ о том, как в Тарту на улице Роози жила тридцативосьмилетняя вдова, владелица двухэтажного дома, звали ее Елена. Она познакомилась с Июлюсом, влюбилась, и тот обещал жениться. Он сделал ей кое-какие практические предложения, проявляя опыт в житейских вопросах, и Елена продала дом за четыре тысячи крон. Три тысячи взял жених, чтобы подыскать дом подешевле, но исчез, и его не видели до тех пор, пока не задержала полиция. При нем оказалось только четыреста крон.

— Иссанд Юмалы! — всплеснула руками Манчита и залилась в смехе.

— Присудили его к одному году и погасить задолженность в две тысячи шестьсот крон, но на исполнение последней части приговора ни у кого надежды не было,— закончил Эйнар свой рассказ.

Картошка безнадежно стыла. В конце концов терпение деда кончилось. Махнув на все рукой, он воткнул свой нож в картофелину, им выбранную, и... ужин начался. Ангелочек так и не появилась, продолжая греметь в комнате Хуго.

А Вилка? О, она перестала стучать хвостом об пол, значит, была занята.

После ужина Манчита отправилась кормить кур, Манчи — свиней, дед — поить Серую, Король... Ангелочек отправила его в постель в «их» бывшей комнате. На чердаке спать теперь холодно. С собой он взял — изменник! — книгу, озаглавленную «Детская радость». А Марви? Ничего! Его Величество вспомнит о ней опять... утром. Во всяком случае, обратно в город они, конечно, так и возвратятся вместе,

ГЛАВА IV

Король спал бы да спал, но когда собрался повернуться на другой бок, старые часы с амбарным ключом отбили ровно десять, послышался лай Вилки, и он вспомнил, что находится на Сааре.

Хутор Ару...

Собственно, их два хутора Ару — Малый Ару и Большой. Правильнее было бы сказать Хару, что означает ветвь. Называются же обе усадьбы так потому, что ведет к ним через каменные пастбища и можжевеловые кустарники колейная дорога, которая, раздвоившись, заканчивается хуторами на обеих ветках.

Антс с матерью и дядей жил на Малом Ару. До Большого отсюда напрямик по тропинке с полкилометра. Оба хутора располагались за пастбищами обо-

собленно на краю леса. У Малого Ару стояла старая голландская мельница, которой уже лет двадцать, наверное, не пользовались. Хутор назывался Малым Ару по простой причине — всех земель не больше шести гектаров, леса своего никакого, дом крошечный из комнаты да кухни, пристроек — небольшой амбарчик, баня; коровник пристроен вплоты к жилому дому и соединялся с ним дверью. За домом сад, за ним начинался смешанный лес, преобладали дубовые и осиновые рощи, дальше они переходили в ельник, тянувшийся до самой омнибусной дороги.

Эту сторону Звениногого Король знал плохо, к тому же хутор Ару не считался относящимся к Звениного, а к соседней деревне, но для Его Величества важно знать дорогу до него, поскольку, не повидав Сесси, он решил в город не возвращаться, ни один, ни с Марви. Дорогу он знал, и летательный аппарат домчал его мигом.

Как здорово ехать в такой солнечный день! Утром слегка подморозило, сейчас уже разогрелось. Несмотря на холода, то тут, то там еще среди можжевельных кустов понуро стояли лошади, принюхиваясь к пожелтевшей холодной траве, которую им явно не хотелось щипать. Серую уже не выводили на пастбище, она теперь хрумкала сено в тепле, если, конечно, не было работы. Тепло теплом, но уже в который раз осудил Король образ жизни лошади: всю зиму в помещении... Работа — конюшня и, наоборот, — разве это жизнь! То ли дело он, Король, свободен как птица... и мчится в море прозрачных красок; кругом до того красиво, что он даже слез с велосипеда и шел, толкая рядом свой аппарат. Как все чисто кругом! Как свежо! Как тихо! Слышны лишь какое-то шелк-чилк, издаваемое серой птичкой на можжевельнике, — ягодки клюет. Раздавались и другие, невидимые глазом, звуки лесной жизни.

Как ему нравилось жить!

Он подумал, что жизнь — какая же удивительная вещь! Как могло быть, что когда-то его совсем не было на свете? Просто не существовало! Это же преступление: что его среди такой красоты столько времени не было. Но где же он был, когда его не было? Загадка. Интересно бы установить. Человека нет и вдруг, нате вам, он объявился, и светит солнце, и глазам открывается такая красота, которую и осмыслить невозможно, потому что разумом ее не объять, а только всем существом, в котором где-то стучит сердце. Нет, он понимал, что здесь, конечно, не Африка: нет пальм, других тропических чудес. Но, кто знает, может, в Африке нет можжевельника? Африка — мечта. Но и остров, если так вот встать в утреннее солнце, когда тающий иней все вокруг покрыл прозрачными слезинками, — это чудесно!

А ведь как давно-давно или... недавно это было, когда с Алфредом и Хелли приехали на остров и он, Король, не умел еще кататься на велосипеде, которого и не было, а теперь... Сколько событий пережито! Сколько страшного и непонятного он уже видел! И обман, и притворство, и вероломство, которые он еще не осознавал, не осмысливал... Но в это утро он шагает среди можжевельника, и все остальное словно ушло, прошло мимо, удалилось далеко-далеко...

Король уже дошел до Ару, когда его догнала девушка на велосипеде. Маленькая, тоненькая, как Сесси, она сошла с велосипеда, причем Король с завистью отметил, как легко она это проделала: велосипед же дамский. В белом шерстяном платке, сером пальто в крупную елочку, на ногах ботинки, из-под платка выбиваются темные курчавые локоны. Король отметил, как она красива и похожа на Марви, словно старшая сестра. Девушка улыбнулась Королю и поздоровалась.

— Терэ.

— Терэ,— ответил Король, продолжая идти вперед. Не садиться же на велосипед, не просовывать же ногу при ней, как циркач, не кривобочиться же. Она пошла рядом, а широкие ворота усадьбы Малого Ару уже были видны.

— Как вас зовут? — спросила девушка подчеркнuto вежливо и, улыбаясь, представилась,— меня Ниргит.

Смешное имя, подумалось Королю, ему такое имя раньше не доводилось слышать. Конечно, Его Величество представился, сказав коротко, что он... Король Люкс. Вошли во двор усадьбы. Здесь встретили женщину с седыми волосами, несшую в руках керамический кувшин. Без пальто, в белом переднике, на босых ногах галоши. Ее серые глаза приветливо смотрели на пришедших.

— Кто же это к нам пожаловали?

— Да это Ниргит с мужем,— раздался чей-то баритон.

Откуда-то вынырнул длинный худой дядя с большими тараканьими усами. Все весело рассмеялись, а усач объяснил:

— То молодой хозяин Сааре за Ниргит ухаживать вздумал. Смотри! — пригрозил он.— Ее жених тут неподалеку, на Большом Ару живет, будь осторожен.

Разговаривая, вошли в дом. Здесь наконец Король увидел Сесси и Антса, сидящих чересчур близко друг к другу, как показалось Королю, причем Сесси сматывала в клубок шерстяную пряжу, вязку Антс держал на вытянутых руках. Пряжа была отброшена, Его Величество закружили-завертели, и пошли расспросы про жизнь в городе.

Король с удовольствием рассказывал, как Алфред делает грузовик, осталось совсем немного и тогда они поедут на Медвежье Озеро раков ловить, а бензин им не нужен, потому что за кабиной водителя или сбоку,

Король точно не знает, будет стоять большая железная печка, в кузове же ящик с маленькими березовыми чурочками, их забрасывают в печь, они сгорают, а от дыма мотор заработает.

— А еще что?

А еще, пожалуйста, у них у всех велосипеды есть, и «Филипс» вернули, и люди приходят по вечерам слушать, как и здесь в Звенинога, и Алфред играет на аккордеоне, но никого не подстригает, все сидят в торжественной комнате, пьют кофе, ликер и поют и говорят на немецком языке.

— А кто говорит на немецком языке? Не может быть!

Как так не может, когда может! Разве непонятно, что с немцами, если они не говорят по-эстонски, можно общаться только на их языке, на немецком? А Отто Швальме, майор Дитрих, Фриц Нойманн и другие — они, к сожалению, не говорят по-эстонски. Да. Но он, Король, все равно в курсе, о чем они говорят, потому что и Алфред, и доктор Килк переводят для тех, кто не понимает, особенно Килк, любитель демонстрировать, что он по-немецки говорит даже лучше, чем по-эстонски. А Адель про мужа именно так и говорит, что он даже сны видит на немецком языке.

— Ах, ах, а кто же не понимает там немецкий?

— Как кто? А Хелли? А Вальве Маазик? Которая после случайной встречи с Алфредом принесла Хелли шикарную пряжу, чтобы та связала ей и ее Йентсу камзолы, за это она и Хелли дала столько же пряжи, чтобы и Королю и Алфреду связать камзолы. Она приходила на примерки обычно тогда, когда в торжественной комнате собиралось общество, и ее тоже пригласили. Даже госпожа Морелоо с улицы Моря, мамаша Морского Козла, та тоже стала заходить вроде бы случайно тогда, когда у Алфреда были гости. Непонятно, конечно, Королю, как она узнавала об этом, хо-

тя дом Морелоо отделялся от производственного дома Алфреда всего лишь дощатым забором. О, господи! Многие же ходят к ним, разве всех упомнишь.

Рассказывая, Король промолчал лишь о том, какие невеселые думы одолевают его самого при встречах с Вальве. Понятие вероломства как-то туманно представлялись ему, тем более во взаимоотношениях взрослых, в этой путанице.

— А Векшель не показывается случайно? — спросили почти одновременно Антс и Ниргит.

— Нет, Векшеля Король больше не видел, но Алфред полагает, что тот удрал с красными. О нем говорили, что он писал доносы на людей, чьим имуществом хотел завладеть. Он доносил на них агентам ГПУ, которые тех людей потом убили в замке.

— А Тайдеман что делает? Он приходит, когда у Алфреда гости?

— Конечно! Тайдеман всегда приходит. Он, в-первых, говорит по-немецки даже лучше, чем Килк, но бывает у них чаще тогда, когда Король один, или с Хелли, или с Алфредом.

— А что в доме у реки?

Ну сколько можно расспрашивать, в конце концов! В доме у реки все ободрано, сломано, стекла выбиты, вместо стекол — фанера, хотя это только с виду сломано, на самом деле все в порядке, но, когда была комиссия, Тайдеман объяснил, что потолки текут, крыша худая, стены продувает и обои не держатся — так дует, что они слетают, поэтому их нет. Его обязали сделать ремонт, и он, естественно, согласился, если городское управление распорядится насчет соответствующих материалов, у него самого нет, но у города тоже нет, поэтому-то невозможно сделать ремонт, и Король летом опять поселится на веранде.

— Да, — вздохнула Сесси, — похоже, Алфред сделал все, чтобы немцам в его доме было уютно...

— А что ему остается,— сказал Антс,— уж лучше так, чем взять винтовку и в лесу людей подстреливать, а то и на фронт пошлют...

Ниргит,— Король вспомнил, как в Главном Городе в зоопарке видел красивую шустрюю зверюшку, похожую на белку, но другого цвета и крупнее, то была ласка, по-эстонски Нирк,— Ниргит предложила Его Величеству потрудиться, принести дрова из сарая для топки, и он с радостью взялся за работу. Ему казалось, для Ниргит он мог бы сделать самые невероятные вещи, все равно, что для Марви, даже спасти от чего-нибудь, от какой-нибудь опасности.

Когда он внес последнюю охапку дров, выяснилось, что гостей прибавилось: появился высокий статный человек, к нему все обращались с очевидным уважением. Он, конечно, был красив. У Короля к нему сразу же возникло смешанное чувство уважения, ревности и зависти. В его высокородном мозгу мелькнула неосознанная мысль: таким бы хотелось и ему вырасти.

— А вот и соперник твой, Калев,— засмеялся усатый таракан, как его мысленно обозвал Король, хотя имя его Мартин. Обычно добрякам свойственна этакая насмешливость в манере обращения. Калев серьезно посмотрел в глаза Его Величеству и предложил:

— Давай поборемся? Кто победит — тому и Ниргит.

Нет, видали! Нашли дурака! С такими глыбами надрываться он не намерен, не игрушка для них, в конце концов.

— Потом,— ответил Король гордо, как и подобает его рангу,— через десять лет.

Ответ вызвал всеобщее одобрение и веселье, а Калев признался:

— Победил. Стопроцентная моральная победа. Но давай делиться с тобой по-братски: ты мне оставляешь

Ниргит, я тебе даю любую из моих сестричек, хочешь — бери Роози, она самая молодая, твоя ровесница, красавица; или Линду бери, постарше, но работающая, а хочешь — Эдну возьми, немного старовата, ей двенадцать стукнуло, но тоже красавица, у нас девки все красивые.

Всем было весело, смеялась и Ниргит, воспрянул духом и Король: он показал, что не так-то прост, как могут о нем подумать, и он опять оказался в центре всеобщего внимания, однако за это надо было заплатить: усатый таракан взялся пытаться его в том же духе, что и давеча.

— Расскажи-ка... Ты сказал, что все равно знаешь, о чем там у вас разговоры ведутся в торжественной комнате... Нам не скажешь?

Отчего же не сказать, пожалуйста, на свою память Королю жаловаться еще не приходилось. Во-первых, советские комиссары бегут в Турцию, и их там помещают в специальные лагеря на Трапезунде, но что это такое — трапезунд — об этом не говорили. Во-вторых, немецкие войска молниеносно продвигаются к Москве, и доблестные немецкие солдаты уже маршируют по улицам Одессы, а где это — не сказали. А восторженные толпы людей в Одессе бросают им букеты цветов да скандируют: «Гейл Хитлер!» Так же и румынские солдаты там ловят цветы. А еще говорили, что большевики увели детей из детских домов, что в Тарту во дворе тюрьмы откопали двести человек расстрелянных большевиками, что...

Больше неинтересно? Нет так нет. Как хотите. Или не верите? Но он же это не выдумал, и взрослые люди в торжественной комнате все самостоятельные, хотя бы Алфред, или немецкие офицеры, ведь, наверное, не просто стать офицером, а Килк — врач, ученый человек, лечит коленки Короля, говорит на немецком языке даже во сне... А Тайдеман?

Однажды Тайдеман, когда немецкие гости ушли, продолжал рассказывать Алфреду, что в третьем рейхе уже в тысяча девятьсот тридцать пятом существовали планы колонизации Балтики и России. Тайдеман рассказывал про непонятную идею генерала фон Гофмана об организации отделений пропаганды в Латвии, Литве, Эстонии, чтобы захватить эти страны и Россию для нацизма: уже тогда в третьем рейхе видели в Балтике место для немецких военно-морских баз.

— Советы были бы дураками, допустив, чтобы немцы их опередили.

Алфред спросил, откуда Тайдеман все это знает.

— О, Тайдеман знает! — воскликнул старый скряга. — Тайдеман читал об этом в парижской газете «Эхо де Пари» еще тогда, когда наследнику Алфреда было только три года, статья называлась «Не забудьте про Балтику». Да, да... Литву полагали присоединить к Кенигсбергу, Латвию и Эстонию под базы, финнам стеречь у ворот Ленинграда... Да, да. Что же оставалось Советам? Они, что и говорить, действовали топором, грубо, по-варварски даже, но кто в этой политике особенно деликатничает? Конечно, смешно идти благодетельствовать своей «пролетарской» (царскую они не признавали) культурой в народы, имевшие свою достаточно развитую культуру! Но это другой разговор, да, да...

Так что Король Люксембургский все помнит, все слышит, видит и соображает, но если его не хотят слушать здесь, он не навязывается, он вовсе не расположен болтать, а согласился на это разве только ради Сесси и Ниргит, но раз они считают, что перловая каша с молоком важнее — пожалуйста, пожалуйста.

Король с удовольствием ел кашу с молоком, был доволен, продолжал находиться в центре внимания, королям нравится быть в центре внимания, поэтому,

когда пришли еще знакомая девушка с парнем,— в свое время он их принимал на веранде у реки Тори,— то стал скучать, интерес к его персоне поостыл, его словно перестали замечать, даже Ниргит и Сесси. Что ж, пусть не думают, будто он в них прямо-таки нуждается... У него дел предостаточно, у него и машина летательная есть — он улетит.

Против такого его заявления никто не возражал — обидно, конечно. Все-таки была надежда, что будут отговаривать, мол, побудь еще, и так далее. Но нет так нет — пожалуйста. Он вежливо поблагодарил за кашу с молоком, со всеми распрощался. И пошел. Проводить его они все-таки вышли, эти женщины — Сесси и Ниргит, хотя вдогонку их поторапливали.

— Вы скоро? Не задерживайтесь.

Какая наглость!

Бог с ними, с этими женщинами. Он их отпустил у калитки: идите себе, раз там так ждут — не терпится.

— Ангелочку привет передашь? — засмеялась вслед уходящему Королю Сесси. Он передаст привет, ему нетрудно. Прощайте.

Ушел гордо. Велосипед толкал рядом. Не лезть же на их глазах в эту дурацкую раму. И только когда усадьба скрылась за можжевельником, примостился на своем аппарате и начал враскачку давить на педали, развивая максимальную скорость, чуть мышь не задавил. Долой! Очень нужны ему чьи-то сестры! Какая-то Роози, какая-то Линда, какая-то Эдна... Долой отсюда!

Они доехали до города молча, ни от кого не спасались. Настроение у Короля подавленное, он даже порою забывал, что едет не один, что Марви с ним. Думать он ни о чем не думал — о чем тут подумаешь особенно, когда словно механизм, вверх-вниз, вверх-

вниз, качаешься... постоянно охота выпрямиться. Да, интересно бы знать, почему это женщинам изготавливают удобные велосипеды, а для мужчин неудобные? Какой дурак это придумал? При въезде в город наехал на камень и чуть не пролил молоко, которым его снабдила Ангелочек, несмотря на его героическое сопротивление. Доехав до тюрьмы, притормозил, чтобы поглазеть на приклеенный к стене большой белый плакат с черной каемкой, словно похоронное объявление, над текстом распростер крылья черный орел, повернув голову набок, вроде ему неохота смотреть на читающего.

«Эстонцы! — кричало с плаката. — Не забудьте, что вступление в связь с военнопленными запрещено! Стало известно, что некоторые вступали в разговоры с военнопленными на улицах, принимали от них деньги для покупки им одежды, папирос, еды. Не забывайте, что эти «непобедимые» красноармейцы отправляли ваших родственников голодать в Сибирь, убивали людей, грабили жилища. Разве уже забыты изувеченные трупы на Замковой площади? Никто не требует, чтобы с ними поступали так, как они — с нами, но необходимо исполнять требования в отношении военнопленных. По распоряжению префекта, нарушивших запрет интернируют и строго накажут по законам военного времени. Если кому-нибудь необходимо встретиться с военнопленными, для этого нужно обеспечить разрешение военных властей.

Префект полиции».

Лично Королю еще не приходилось видеть на улицах военнопленных. Конечно, интересно бы посмотреть на них, действительно они такие страшные, все уроды, каких показывают в кинотеатре до начала фильмов в «Вохен рундшау» — обзоре недели? Королю нравилось изучать оформление городских улиц и площадей: когда были большевики, то везде висели лозунги да порт-

реты людей, особенно Сталина. Он запомнил еще одного очкарика — Молотова. Теперь же вместо портретов объявления и приказы, на некоторых орел, который отворачивается. Вот на доме за ратушей, где вино продают, опять что-то есть, какие-то листики. Король пристроился изучать их, орла на них нет, на одном написано: «Призыв!» А текст гласил следующее: «Большевистский режим основан на обмане, его действительное содержание многим известно, большевики тщательно уничтожали разоблачавшие их материалы. Поэтому просим всех граждан спасти и сохранить всевозможные пропагандистские брошюры, плакаты, лозунги, свидетельствующие о советской деятельности, собрать и записать их «модную народную поэзию», анекдоты про их жизнь, песни, высмеивающие большевистский режим. Все, характеризующее этот мрачный период в жизни народа. Собранные материалы сдать в государственный архив в Главном Городе».

На листочке пониже: «Центр регистрации угнанных в Россию и мобилизованных большевиками просит срочно сообщать информацию следующего порядка: о сообщениях, сделанных на папиросных коробках и сброшенных с поездов, рисунки, письма, документы, описания мобилизации, ареста, угона».

Еще ниже: «Все владельцы моторных лодок, рыболовных судов обязаны их зарегистрировать. Выход на лов только по специальному разрешению. На лодках должны быть четко написаны номера. Отправляющиеся на рыбный промысел команды должны собраться к пограничному пункту до и после возвращения. За невыполнение распоряжения наказание по законам военного времени».

Управление пристани».

Король поехал отсюда не прямо домой, как было бы естественно, а погнал на Липовую улицу, здесь приостановился у дома, в котором проживала Марви,

затем поехал через парк в сторону Закатной улицы, и с того момента можно считать, что Марви доставлена домой в целости и сохранности.

Проезжая мимо производственного дома, он заметил, что труба не дымила, а дым должен быть, потому что холодно — это одно, Алфреду же и клей надо постоянно держать на плите, чтобы не затвердел, не говоря о Хелли, которой нужна горячая вода. Следовательно, прикинул Король, если из трубы не идет дым, значит, в столярке никого нет, значит, они в небесно-синем доме, но как же так в рабочее время? Значит, какое-нибудь событие, может, неожиданные гости, такое не раз бывало, ради этого производство закрывается и, следовательно, в торжественной комнате что-то, должно быть, происходит. Король, сгорая от любопытства, влетел во двор небесно-синего дома, чуть не наехал при этом на Жоржа Калитко, миновать которого в общем-то было сложно — настолько его качало из стороны в сторону.

«А ведь он русский,— мелькнула у Короля мысль,— но немцы его в плен не забирают». Собственно, эта мысль у него зародилась не теперь, он об этом и раньше размышлял, что Мария, Жорж и Валя — русские (хотя на самом деле они были украинцы), а немцы их не трогают, и не потому, что о них не знают: ходили по домам невзрачные господа в гражданской одежде, обо всех вокруг расспрашивали, так что и о семье Калитко им все известно, но, видимо, они только тех русских берут в плен, которые с ними воюют, а мирных не трогают.

Жорж Калитко погрозил Королю пальцем, сказал «но-но!» и, шатаясь, пошел со двора.

Вошедшему в кухню Королю стало ясно, что он угадал правильно: на плите стояли два больших эмалированных кофейника, в которых Хелли варила напиток, когда приходили гости, и по тому — один или

два кофейника на плите — можно было сказать, много или мало гостей, а сейчас стояли два кофейника. В торжественной комнате кто-то очень сердито и громко кричал на немецком языке, как будто даже ругался, и никто ему не возражал.

Потом голос Килка время от времени отчетливо переводил, и Король уразумел, что кричавший голос шел из «Филипса»: кто-то опять произносил речь. Королю не разрешалось совать туда носа, когда гости, и вообще без спросу, а приглашали нечасто. Он взобрался на кровать Хелли и Алфреда, чтобы поразмышлять о чем-нибудь, хотя бы о взаимоотношениях людей, например, Ниргит и Калева, или Сесси и Антса, или Сесси и Алфреда — все так по-разному, что-то скрыто, неясно. Размышления не получились: когда так орут... Чего это оратор так кричит? На кого и отчего такой злой?

«Когда мы в тысяча девятьсот сороковом году, — тоже сердитым голосом переводил гневные выкрики из «Филипса» доктор Килк, — впервые праздновали День Памяти Героев, немецкий народ и его армия, после десятилетиями длившихся унижений и рабства, стал снова бороться за свою свободу и будущее с его старым врагом. Во Франции и сейчас словом не касаются вопроса ответственности виновных в этой войне, лишь пытаются выяснить, почему она плохо была подготовлена. В восемнадцатом году ответственные государственные руководители Англии, Франции, Америки постановили, что Германия не должна больше становиться равносильным фактором экономически и политически, отсюда и развилась несправедливость, а рейх стал жертвой! Немецкий народ после этого не знал, куда и как повернуть свою судьбу! Последствия такого бессильного подчинения оказались для него уничтожающими! Один из самых — оратор опять стал ужасно сильно кричать — один из самых трудолюбивых на-

родов мира должен был созерцать систематическое разрушение собственного бытия!! Но развал немецкого государства не стал благотворным для его врагов, в еврейско-капиталистических странах стало возрастать число безработных, которое вскоре переросло даже количество безработных в Германии.

Сразу после победы национал-социализма в Германии, вместо того чтобы учиться на примере германских образцовых экономических и социальных преобразований, они начали проводить прежнюю пропаганду, чтобы подготавливать свои народы к новой войне. Сегодня мы знаем, что уже в тысяча девятьсот тридцать пятом в Англии и Франции, особенно в Америке, объявились влиятельные еврейские круги, решившие начать новую войну. При этом мы наблюдаем сегодня потрясающий спектакль, когда обманутый и тяжело пострадавший народ не винит виновников войны, а лишь тех, кто недостаточно тщательно ее готовил!..

...Мы достигли к марту сорок первого результатов, которые в мировой истории единственные по размаху! В беспрецедентном победном шествии мы очистили северные и западные части Европейского континента от враждебных сил. Но все, чего немецкие армии достигли в этих сражениях, отступит на задний план перед тем, что судьба наметила нашим и союзным армиям в последний год. Только сегодня мы можем осознать, в каком объеме евреи и большевизм надеялись уничтожить Европу. Судьба выбрала нас, чтобы победоносно отразить нашествие коалиции еврейского марксизма и капитализма, за спиной у нас не только крупнейшие в истории победы, но также тяжелейший пробный год, испытавший и фронт и родину. Что немцы не боятся никаких жертв, они достаточно доказали, в этот раз они выстояли не только против военной силы врага, но и ужасающих природных условий. Ибо сегодня я мо-

гу сказать — мы пережили зиму, каковой в Центральной и Восточной Европе не было сто сорок лет!»

— О, я-а! О, я-а... — зашумели на миг голоса в торжественной комнате. — Дас ист рихтиг.

«...после успешного завершения Балканской войны наши войска в тысяча девятьсот сорок первом устремились в марше на российские просторы. И одерживали победы, которые и в далеком будущем будут считать несравненными подвигами. Вместе с храбрыми союзниками встречали мы все новые и новые наступления русских, победили их и шли дальше навстречу новым полчищам врага. За четыре месяца мы проделали бесконечно долгий путь наступления, которому нет равных в истории по глубине и широте».

В торжественной комнате раздавались непередаваемые возгласы на немецком и эстонском языках, которые, смешиваясь, не поддавались расшифровке, но означали они конечно же радость и одобрение.

«...в то время, когда на Дальнем Востоке геронческий японский народ, будучи как и немецко-итальянские народы спровоцирован и оскорблен, экономически изнасилован, также разбивает мощными ударами на море и в воздухе бастионы рабства, в Европе создаются предпосылки, дающие этому контингенту истинную независимость. Невыносимо, когда жизни сотен миллионов достойных людей зависят от немногих еврейско-капиталистических убийц, от пары сражающихся против Европы, подавившие мировое общественное мнение народов. Поэтому есть только одно решение: сражаться до полного уничтожения врага. Как остальной мир формирует свою жизнь, нам, немецкому народу, безразлично. Но все попытки иноконтинентальных государств вмешаться в наши, европейские внутренние дела, мы отвергаем. В каком мире думает жить президент Америки, нам, немцам, все равно. Его же намерение скроить мир Германии... Европы... по

своему усмотрению, уничтожить ставший милым нам мир, чтобы построить для нас ненавистный,— ему не удастся. Наоборот, при этой попытке погибнет его собственный мир. Что же касается его намерения наказать Европу большевизмом, то скажу следующее: государство, которое больше всего надеется на большевизм, первым станет его жертвой...»

Когда кончил кричать этот свирепый голос, Король не знал: он уснул и не слышал дружного «Гейл Хитлер!». Не слышал и того, когда ушли гости. И что тут удивительного, ведь проехать в исключительно неудобной позе, кривобоко, от Звенинога до Журавлей, все-таки тяжело, если еще учесть, что сзади сидела Марви, которая в данной «материализации» хотя и не весила ничего физически, тем не менее заставляла ехать осторожно, напряженно, чтобы не было ей больно на ухабах... Заодно, чтоб не расплескалось молоко.

Король проснулся, пожалуй, от тишины, оттого, что оборвались усыпившие его крики и ругань из «Филиппса». Король проснулся, когда Хелли убирала со стола в торжественной комнате. За столом остались сидеть Алфред и Тайдеман, последний говорил, что вот как проставлены мировые акценты в прослушанной речи: оказывается, уже в тридцать пятом в Европе готовились к нападению на Германию, а не она мечтала овладеть Балтикумом да еще Россней...

— Однако Харьков немцы взяли, там тяжелая промышленность и девятьсот тысяч населения.

— Что Харьков?.. Они от Москвы на расстоянии шестидесяти километров. А из Ленинграда беженцы, которые через финский фронт пробрались, рассказывают: в городе паника, на улицах громкоговорители орут речи вождей большевизма, голод, люди предпочитают жить где-то в лесах, в землянках, а по ночам рыщет гэпэу, если кто ропщет — исчезает бесследно.

Но неужели даже и генералы у них к немцам переходят?

Альфред озабоченно вертел в руках вилку, которой дожидалась за его спиной Хелли.

— Значит, верно они Ленинград крепко схватили, если этот Андреев... все-таки генерал армии... перешел к немцам да еще со своими бойцами...

— Не со всеми, солдаты убили многих офицеров.

— Фанатики у них, что ли... Говорят, отступая, убивают своих раненых по приказу Сталина, чтобы те не могли дать немцам сведений.

Хелли схватила наконец вилку и унесла оставшуюся посуду в кухню. Она порядком устала, а тут еще посуду мыть, и Король валяется в их постели в одежде, и время подходит к вечеру, из-за этих речей у нее нарушился весь день, и целый котел белья остался невыстиранным, а этим что — сидят и рассуждают. Так она могла только чувствовать и думать про себя — мужчинам лучше об этом не заикаться, они этого не любят.

Конечно, немцы... Они приходят к Алфреду, он здешний, для них местный, говорит на их языке, музыкален, умелец, им с ним интересно общаться, тем более что у него бывают местные интеллигентные люди, следовательно, Хелли нужно быть хозяйкой их с Алфредом гостеприимного дома, и неизвестно, что будет впереди, лучше, когда со всеми освободителями хорошие отношения. К тому же они вежливы, воспитанны, у них хорошие манеры, они не едят жареную картошку ложкой, из консервной банки прямо ножом. Они знают, в какой руке надо держать нож, в какой вилку и на сколько сантиметров белая манжетка сорочки должна выглядывать из-под рукава пиджака или военного кителя; а это важно: когда человек такие вещи знает, он, бесспорно, культурный человек; эстонские интеллигентные люди, о, да, конечно,—

большинство эстонцев, — научились этому еще в семнадцатом веке, когда прислуживали немецким баронам, наблюдали, как те орудут вилкой и ножом... Из поколения в поколение это передавалось, и вот результат: многие одеваются теперь так же умело, как в свое время бароны, даже фрак носят, даже смокинг, а радиокомментаторы, говоря о печати в какой-нибудь англоязычной стране, произносят не «пост», как это звучит в нормальной эстонской речи, а «пыуст» — так произносится на английском; они, конечно, не в Англии, они это знают, но произношение у них — ого! — не какое-то там кокни: фамилию, скажем, Карлсон он произносит Қаалсон, съев мимоходом одно «а», и все-таки он сказал, как настоящий швед... этот Прийт из деревни Гусиная Нога.

Поэтому и Хелли не должна пахать носом грязь, тем более что немцы всегда галантны, делают небольшие подарочки: шоколад, духи, одеколон, даже пудру, хотя Хелли не пудрится. Приглашает Алфред, ради оживления застолья, украшения компании и разнообразия, женщин — Вальве да госпожу Морелоо, немцы с ними очень даже тактичны, не вульгарны, не навязчивы, скорее даже наоборот — Вальве и Морелоо, особенно госпожа Килк, сами всячески стараются им понравиться. Хелли проинформирована о том, что в городе у многих местных красавиц немецкие кавалеры из офицеров и унтер-офицеров, надо думать, солдаты тоже не дремлют, если удастся. Немецкий язык стал моден. Во всяком случае, Хелли полагает, у русских освободителей такого улова не было.

А другие — Килк, Тайдеман? Не с одним же Алфредом разговаривать гостям-офицерам. Тайдеманиха единственная их порога еще ни разу не переступила, ходит, как всегда, в рвань, таскает домой, что находит, и любопытно, где у них там все это помещается? Было бы интересно как-нибудь к ним заглянуть. Но

они не пускают. Они никогда к себе не зовут, даже тогда, когда Хелли что-нибудь нужно, или по дому или уплатить за аренду квартир. Тайдеманиха приоткроет дверь, примет на пороге плату, даже не удастся заглянуть на кухню.

Сам Тайдеман костюмы, разумеется, тоже не меняет — все в одном-единственном старом в полоску, совсем выгоревшем от солнца, неизвестно какого цвета, но все-таки смотрится как бережливый хозяин, впечатления неопрятности не производит, в отличие от старухи, о которой иногда можно подумать, будто она только что выбралась из помойной ямы. Немцы сначала присматривались к Тайдеману с долей подозрительности, затем освоились, привыкли. Теперь обращаются к нему «Герр Каарел».

Да, но Его Величество все это в настоящую минуту не волновало — он спал.

ГЛАВА V

Как и было объявлено, это случилось 15 ноября. Все в точности так, как должно было быть 1 ноября, когда все дети в республике пошли в школу, кроме островных: флаги, в актовом зале торжественное собрание учащихся и их родителей, речи произнесли городской голова и директор школы, затем освящение. Но Его Величество все свое внимание сконцентрировал на предстоящем концерте художественной самодеятельности, в котором принимал участие и оркестр «Эсти Ноор» — эстонская молодежь. В актовом зале школы присутствовали все, в том числе и гардеробщики с уборщицами. Одной только Марви не было...

Именно по этой причине Королю расхотелось представлять эстонскую молодежь, ему надоело таскаться с дурацкой гитарой на их сборища, репетиции, тем бо-

лее что у него имелся велосипед, а свободного времени теперь оставалось гораздо меньше. Как это ни отвратительно, но в школу ходить-то надо, деваться некуда.

Алфред закончил наконец возиться с грузовиком. Он сдал экзамены на право вождения автомобиля, впрочем, сдал не сдал, где сдавал, кому — об этом Королю малоизвестно. Хелли однажды сказала:

— Надоели мне твои учебники, весь дом ими завалил, хватит с меня и одного двоечника.

Алфред на это ответил:

— Больше их не будет, сейчас поеду в порт за грузом для немецкого склада.

И действительно, Алфред собрал свои книжки по автоделу и отнес в производственный дом. Вскоре он подкатил свою машину, и все жильцы из близлежащих домов вышли поглазеть. Не на сам грузовик, конечно, — повидали их всяких — чудом было для обыкновенных людей то, что стоит вот грузовик, а рядом с ним их согражданин, который сам собрал его, из груды металлических деталей, смонтировал, можно сказать, построил своими руками, хотя недавно и понятия не имел, как заводится мотор. Присутствовали и Мария Калитко, и Тайдеман, единственный человек, которому Алферд пересказал в очередной раз детальный процесс создания машины: когда и что ему удалось раздобыть, где, как и какие детали сработать, что изменить в конструкции, что заменить, что скомбинировать, так что невозможно было даже определить, какой марки его автомобиль — не то форд, не то крейслер, — важен, в конце концов, результат: он сделал машину и сам на ней ездит. С помощью завязавшихся немецких связей ему удалось и работу для своего грузовика обеспечить: перевозку товаров, поступающих на немецкую продовольственную базу с порта Ползучий Остров, по-эстонски Роомассааре.

Король достигнутым гордился больше самого Алфреда. Он восхищался отцом — не всякий умеет сделать грузовик! Кому он только не хвастался! Как и в день своего рождения, он облетел всех и каждому не преминул об этом... заявить. Нет, конечно, не так прямолинейно, как раньше, человек все же повзрослел. Эдак мимоходом, вроде случайно заходил то к Арви, то к Морскому Козлу, ну а Свен с Вальдуром просто по рангу обязаны знать, и он в подробностях пересказывал все, что рассказывал Алфред Тайдеману: где доставал детали, какие сделал замены, какие внес изменения в моторе и т. д. Только Лонни он об этом не известил, коров на пастбище уже не гоняли, а где проживала Лонни, он не знал.

В первый же вечер выгоды шоферской работы стали очевидны: Алфред притащил домой ящик смородинового повидла. Нет, не полный ящик, конечно, в нем чуть больше половины, но вы подумайте — в такое время просто даром достать столько повидла! Оказалось, с грузовика, едущего впереди, на ходу свалился ящик и, естественно, разбился. Слава богу, что повидло было густое, масса не расплзлась. Алфред его подобрал, и Король пришел в дикий восторг, он давно подозревал, что в этом автомобиле скрыты неограниченные возможности. Разумеется, и Хелли отнеслась к повидлу благожелательно.

Когда Алфред прокатил до Закатного Леса и обратно сначала Хелли, затем Короля, чтобы осознали они всю важность произошедшего, Хелли была, конечно, довольна, хотя виду и не показывала, чтобы... Ведь из чего сделаны мужчины? Из осла, и бычка, и мыльного пузыря — так считали некие народные мудрецы. А посему Хелли осталась довольна поездкой, одобряла, сказала, что практично, не надо будет теперь саресскую Серую гонять в город с дровами, на машине можно больше привезти.

Король же садился в машину с непередаваемым чувством праздника, но по дороге до Закатного Леса в нем внезапно произошла перемена настроения. Он смотрел на мчавшиеся мимо знакомые места, на пастбище Лонни, на встречные повозки, затем взгляд остановился на руках Алфреда, державших руль, и потом все к ним возвращался, хотя на руках Алфреда ничего не было нарисовано... Король вспомнил татуировку голой тети с сиськами...

Он смотрел на руки Алфреда и понимал: этими руками он делает красивую мебель, и грузовик эти руки сделали, значит, они умные. Король испытывал горячее желание, чтобы и у него были такие умные руки, он решил, что будет слушаться во всем Алфреда, когда он велит ему что-нибудь сделать в мастерской, наверное, только так можно научить руки быть умными. А Карп... У него тоже были умные руки. Он вспомнил, как Карп сделал ему винтовку, и понимал: будет об этом помнить всю жизнь. Так искусно эти руки вырезали из обыкновенной доски винтовку. И автомобиль водили эти руки умело. Еще вспомнил, как рука Карпа застыла на воображаемой высоте на уровне живота, и как он сказал: «Вася»...

Королю расхотелось кататься с Алфредом в его грузовике: он вспомнил Карпа, его руки. Воспоминания перенесли его за город, в дорожную пыль... потом в замок... Он знал, что Карп был хорошим человеком, поэтому воспоминания о нем причиняли боль. Но не сознавал еще: что и увиденное в замке сохранит в памяти и в сердце на всю жизнь.

— Карп был добрый,— сказал он как-то Алфреду в раздумье, словно самому себе. Алфред закончил мытье грузовика в реке Тори,— сюда многие военные грузовики каждый день приезжали «мыться», водители помогали им очиститься от грязи, черпали ведрами воду из реки и выплескивали на загрязненные места.

Грязная вода каскадами сливалась обратно в реку, грузовики стояли по оси в воде. Алфред, помыв грузовик, вытирал его тряпками.

— Наверное,— ответил он безразлично, не задумавшись даже, отчего вдруг вспомнил о Карпе Его Величество, он сам о нем, возможно, и вспоминал случайно, но эти воспоминания не имели для него никакого значения. Для Алфреда Карп был таким же солдатом, как все другие. Он даже не являлся заказчиком, последние значили для него больше. Так же безразлично, для того лишь, чтобы сказать что-нибудь, он спросил:

— Ты его помнишь? Разве Карп добрый был?

Конечно, это не очень толковое продолжение разговора. Чтобы Король этого не знал! Да, они с Карпом и говорить-то не говорили, только и делали, что хохотали... Ну и что! Собака ведь тоже говорить не умеет или же смеется про себя, а все равно понимает, когда хороший человек, когда плохой.

В школе у Короля дела пошли так себе. Хорошего мало.

Марви на него совершенно не обращала внимания, он был ей безразличен, и Король мстил тем, кому она улыбалась, с кем разговаривала. С Королем Марви не разговаривала, она не удостаивала его ни одним словом, разве что с кем-нибудь из девочек о нем сплетничала, хихикали, как дурочки,— обидно. Король за это, естественно, мстил единственно возможным путем — бил морды тем, с кем она была дружна. Они не были слабаками, эти ребята, но и Король тоже уже давно не был таким простачком, как когда-то в Звенинога, в драчном деле он преуспевал, в чем ему немало помогал и Морской Козел, причем не требуя за это награды...

Король умело находил предлоги для нападения на свои жертвы — не из-за Марви, упаси Боже! Об этом

никто и думать не смел! — и избиения следовали за избиениями. Как они только не защищались! Этим только разжигали Короля. Попробовали они объединиться и, бывало, подкарауливали его где-нибудь. Он это нюхом чуял и всегда находил лазейки, чтобы выйти из положения. Его Величество, благодаря постоянной опасности попасть в засаду, стал небывало наблюдательным. Его враги только проходили, или встречались случайно, или в классе переглядывались, — а Король уже знал, что у них на уме. Он с легкостью разгадывал любые их манеры, сам же улавливал момент и разделялся с ними поодиночке.

Ральф Неллис — красивый паренек и хороший ученик, и на Марви, скорее всего, не претендовал, — перестал ходить в школу. Приходил отец Ральфа, вызывали к директору Короля: почему преследует Ральфа? Король едва избежал скандала, едва не дошло до вызова в школу Алфреда, обещал оставить Ральфа в покое. Ну, а разговоры о нем!.. Наплевать ему было на все.

В успеваемости кое-как тянул, по математике, если тройки, считай, хорошо. Он явно не тяготел к точным наукам. По другим предметам получились тройки, попадались четверки, изредка пять, но это он уже и сам считал за оскорбление. Собственно, только по двум предметам ему доставались пятерки: за уроки труда, гимнастику и родную речь. Рисовал же хорошо только поросят — неизвестно, чем его привлекали хрюшки.

Его занимали загадки, тайны, причины: почему Тайдеманиха неряха и крохоборка? Почему Тайдеман все обо всем знает? Почему Вальве целуется тайком с Алфредом? Почему Хелли каждый раз плачет, когда говорят или пишут в газетах о жертвах красных, о трупах, где-нибудь найденных? Почему они с Алфредом, когда нет близко Короля, говорят об этих ужасах?

Когда же он входит, замолкают? И почему, собственно, этот террор был возможен? Почему одни взрослые люди убивают других, таких, которые даже не воевали ни с кем? Почему существует война? Почему Сесси больше не приходит в город?

Но нет — всех загадок, занимавших Короля, невозможно перечислить. Причем с каждым днем их все прибавлялось, и решить все было невозможно: Хелли и Алфред ничего ему не объясняли, потому что Хелли сама мало что понимала, — так казалось Королю, Алфред же явно считал, что ему нечего совать нос, — так можно было судить по тому, как он от него отмахивался, отделяваясь ничего не значащими «подрастешь — поймешь» или «пока тебе еще не понять»... Тайдеман же не всегда оказывался рядом, да и неудобно к старому человеку без конца приставать.

В Журавли назначили нового ортскоменданта — гауптмана Шалле, об этом рассказал Отто, говоря о новом коменданте слегка осуждающе, называя его и гордецом и выскочкой, которого Алфреду, — Отто поддружески похлопал Алфреда по плечу, — не удастся пригласить на кофе. С приходом нового ортскоменданта было напечатано объявление, расклеенное по городу. По распоряжению военного командования 11 ноября в Торгу расстреляли двух женщин за то, что они скрывали красных комиссаров и других граждан, служивших большевистским интересам.

Когда приходил Майстер, то рассказывал, что в Ленинграде на артиллерийском заводе имени Ворошилова объявлена забастовка, а воинские части вышли из повиновения и не участвуют в подавлении забастовки. В Серпухове же восстал воинский гарнизон. В Горьком на вокзале взорвалась грузовая машина, за ней сгорели еще двести грузовиков — саботаж красных частей, с ними командование якобы ведет переговоры. На Кавказе восстание. Из-за отсутствия снаб-

жения продовольствием взбунтовались вооруженные рабочие, отказываются идти на фронт, стычки с войсками НКВД.

— Москва похожа на кипящий котел, здесь нет уже и речи об организованности или управлении. Ясно, что Москва созрела и вот-вот падет. А на Крымском полуострове на сторону германских войск перешла 111-я дивизия вместе со своим командиром, генералом Соколовым, в дивизии не оказалось ни одного комиссара или политрука...

А в Америке где-то существует клуб-пари, здесь заключают пари на политические события во всем мире. Одним из пари стал вопрос: уничтожат ли полностью Красную Армию к 31 декабря 1941 года или нет. Положение пари сейчас 4 : 1 в пользу немцев. Вторым заметным объектом пари явился вопрос: договорятся ли Япония и Америка в дележе азиатской территории Советского Союза или нет. Положение в этом пари пока 1 : 1.

Общее положение страны у Балтийского моря осветил по радио в своей речи «о будущей структуре» доктор Гора: он сказал, что пользуется случаем, чтобы прояснить некоторые вопросы, интересующие общественность. Прежде всего относительно нашей политической структуры в будущем, как она будет функционировать до конца войны, после чего и решат окончательно все политические вопросы относительно строительства Новой Европы.

Все территории, приобретенные у побежденной России, подчинятся особому, вновь созданному министерству, названному «Рейхсминистерииум фюр ди бетзетчен Остгебиетс»¹. Государственным министром является Алфред Розенберг. Ближайшая часть бывшего Советского Союза носит название Остланд и де-

---

¹ Министерство восточных территорий (нем.).

лится на четыре генерал-комиссариата: Белорусский, Литовский, Латышский и, после окончания у нас военного правления, также Генерал-Комиссариат Эстонский.

Эстонским генерал-комиссаром станет при внедрении германского правления оберстгруппенфюрер Лицман, сын известного в первой мировой войне генерала Лицмана. Действительное управление страной осуществляет учреждение, названное Эстонским Самоуправлением, уполномоченное примерно теми же задачами и тем же составом, которые имеются сегодня при военном правлении.

— Во главе нашего самоуправления,— сказал доктор Гора,— приказом фюрера назначен я.

Как у генерал-комиссариата, так и у самоуправления общая цель: построение будущего страны у Балтийского моря. Гора предложил уже теперь обратить внимание на то обстоятельство, что с приходом генерал-комиссара ничто чуждое не входит в национальную жизнь. Наоборот, генерал-комиссар, как доверенное лицо фюрера, очень близок сердцу народа страны у моря, поэтому общие задачи и совместная работа решаются особенно сплоченно.

Итак, Король опять должен уделять внимание школе. И здесь Его Величество отбывал срок так же, как и в предыдущие разы. Конечно, что-то в школе стало по-другому, но для него это никакого значения не имело: арифметика как была, так и осталась ею, также разные другие малоприятные предметы. Единственно, что в его памяти сразу засело прочно,— так это следующие сведения: рождественские каникулы должны начаться двадцать третьего декабря, а затем снова каторга со второго января 1942 года, первое же полугодие должно завершиться уже 31 января, второе: если мороз превысит минус 20°, уроков не будет; третье: уроки не состоятся, если учеников соберется менее пя-

тидесяти процентов. Поэтому Король, заходя каждое утро в класс, пересчитывал учеников и полученный счет умножал на два... Однако его надежды редко сбывались: или не выполнялись инструкции, или на одного всегда оказывалось больше. Последнего входящего в класс он был готов иногда прибить...

А в мире уже повсюду господствовала война.

Канада, Индокитай, Никарагуа, Коста-Рика объявили войну Японии.

Маньчжурия считала, что находится в состоянии войны с Англией и выразила готовность участвовать со своим сорокадвухмиллионным населением в борьбе за Новый Порядок в Восточной Азии.

Опять же и Канада, и Новозеландия, и Индия объявили войну Финляндии, Венгрии и Румынии.

В Абиссинии поднялось восстание против Негуса.

Болгария же с Хорватией, Словакией и Румынией, также Венгрия, в свою очередь, объявили, что считают себя в состоянии войны с Соединенными Штатами, эти же государства одновременно вступили в войну с Англией.

Можно считать, что во всем мире каждая страна с кем-нибудь воевала, тем более что и Его Величество Король Люксембургский, а также остальной народ Тори его возраста считали себя в состоянии войны с народом Юмбу.

Конечно, Король Люкс понятия не имел, почему их так называли и кто их так окрестил, но что это означает, он скоро усвоил, потому что давно привык до всего доходить своим умом.

Юмбу...

Ну, скажем, синонимом юмбу могло бы быть понятие чижик, хотя чижик в сравнении с юмбу очень даже благородное существо. Юмбу мог бы означать прыщ, но прыщ — это нечто другое. Юмбу сами немцы из своей среды называли людишек мужского рода, но

с поведением трусливой бабы. Юмбу появились на острове вскоре после песен «Унтер ден Линден» и «Лили-Марлен» вместе с немецкими офицерами и их фрауен. Юмбу были их дети, сыновья.

Если, обращаясь к немецкому мальчику, сказать: Буби! — это означало, что сей мальчик милашка, что ему следовало дать конфетку, а затем по ушам и отпустить с богом на все четыре стороны. С юмбу нужно было поступать иначе: выбить ему глаз или откусить нос, или воткнуть что-нибудь острое в одно место. С точки зрения Короля, юмбу были последними дураками, и не только с точки зрения Короля, но и других людей Тори, а также из других районов города. Юмбу были толстые, откормленные, ленивые, но и тощие, шустрые, маленькие, побольше, большие — всякие.

И если кто-то пел Лили-Марлен, а кто-то про эстонский неумирающий мужественный нрав, то народ Тори также имел свою песню на слова: «Мое сердце тоскует по волнам, оно жаждет моря и крови...»

Юмбу имели в городе своего жожака, это был сын самого доктора Шредера — окружного комиссара, который обосновался на улице Парковой в двухэтажном особняке недалеко от кинотеатра. Этот доктор... Король в точности не знал, что это за птица, но флаг над крыльцом, и автомобиль, и шофер, и слуги, и отношение к нему военных и гражданских, по всему этому люди Тори заключили, что доктор Шредер, который никого не лечил и не принимал больных, был на острове еще большим начальником, чем, скажем, Отто Швалме и вся ортскомендатура, вместе взятая. Внешне он выглядел даже симпатично — высокий, в очках, в кожаном пальто черного цвета. Сын же его, главный Юмбу, выглядел отвратительно. Он немного напоминал Морского Козла, но был покрупнее, с более тяжелым задом, лицо плоское и высокомерное. По сравнению с этим главным Юмбу Морской Козел про-

сто красавец, хотя, как говорили, его маму уже видели с немецким офицером.

Юмбу очень важничали в своей униформе, они носили кортики. Первые стычки начались у кинотеатра, когда выяснилось, что юмбу беспрепятственно пропускают на те фильмы, которые до четырнадцати лет запрещены. Островных мальчишек не пропускали, а эти... шагали в кино, как будто это их не касалось, даже те, которым не больше, чем Королю. Отчего? Оттого, что они в черной форме? Что на головах пилотки? Что свастики на рукавах и на рукоятке кортика?

А кино на Островной Земле и в городе Журавлей являлось основным развлечением, потому и образовывались очереди каждый день за три часа до начала сеансов и стояли тут все, молодые и старухи, тихо-спокойно, в карты играли, пересказывали содержание просмотренных фильмов: русских, американских, немецких. Компанию Королю главным образом составлял Альберт с Абука. Он, как уже известно, рыжий, но спокойный, и кино очень уважал.

Иногда случались с ними неожиданные казусы, вернее, с их киновидением и его осмысливанием. Например, в одном фильме Вилли Форст — актер, погибал, а его героиня, певица Марлен Дитрих, пела в концерте, потому что ей до зарезу необходимо было на этом концерте петь, но она знала, что Вилли уже погиб, она пела, а слезы лились из ее глаз... Слезы лились и из глаз Альберта и Короля: Вилли Форст — симпатяга, каких мало. Каково же было удивление и неожиданная радость, когда друзья в следующем фильме увидели совершенно живого Вилли Форста, который крутился уже около другой красотки — подлец этакий, но все-таки живой! Как это понять?

Итак, эти со свастиками и кортиками вели себя так, словно положение «до четырнадцати» их не каса-

лось, а билетерши словно и не видели, что юмбу такие же короткоштаные, как и люди Тори. Юмбу, конечно, держались соответственно своему рангу — Гитлерюгенд. Они никого из людей Тори не задевали, они были кошмарно воспитанны в том смысле, что вежливы, просто-напросто они никого из людей Тори не замечали, то есть они вообще никого не видели в упор — они сами и были люди. Так не могло долго продолжаться!

Но и люди Тори тоже не сразу решились на военные действия. Хотя и обидно было очень, так что кулаки чесались, ведь до прихода юмбу к людям Тори в кинотеатре — даже если приходилось заглядывать по очереди в замочную скважину — относились с уважением, хотя и не называли никого по отчеству, как этого требовал маленький Иван.

Так что обидно. Сперва люди Тори думали, советовались со старшими ребятами — из них главный конечно же Ингвар, — а Король даже своему главному советнику, Тайдеману, намекнул, что вот такие дела, а как быть, никто не знает, ведь... немцы все-таки, тоже освободители, народ культурный, потому что и Колумб, говорят, был немец, во всяком случае, иностранец...

— Дискриминация! — буркнул на все это старый Тайдеман. А Королю так и не удалось ни вынюхать, ни дойти своим умом до понимания — что это за зверь, дискриминация. Он, однако, не сомневался, что дискриминация на языке Тайдемана означает величайшую подлость. А к подлецам существует только одна мера воздействия...

Король давно уже для себя выбрал — своего врага. Тот, враг, еще об этом даже не догадывался, он по привычке не замечал всяких там местных ничтожеств, аборигенов, он смотрел на них так, как и должен смотреть на эстов далекий потомок тех, кто этих

людишек отучал пню дубовому молиться и осчастливил приобщением к истинно христианскому божеству. Во всяком случае, он знает — кто он есть и чей он сын и знает свою судьбу, а она его устраивает, она ему по душе.

Всего этого не знал Король Люкс.

Он знал другое: он «этого» выбрал своим врагом, а значит, он должен на него напасть, и он обязан победить. Напасть на такого было вообще-то рискованно. Даже как будто страшно. Очень этот юмбу был мясистый и большой. Что же заставило Короля именно его выбрать для себя врагом, ведь мог же с ним разделаться Ингвар? Но ни Ингвар, ни личные вассалы Короля в лице Свена — Вальдура, никто не знал о том, что Его Величество каждый раз, когда встречал где-нибудь своего юмбу, присматривался, примеривался, куда и как следует бить, чтобы наверняка, чтобы выбить из него дух. Но надо не загонять его в такое место, откуда ему некуда будет бежать, отступить. Король помнил, как ему когда-то доставалось от Морского Козла лишь потому, что тот был загнан в безвыходную ситуацию... Именно поэтому он выбрал для себя в жертву этого чванливого немца, что был он так похож на Морского Козла — это давало уверенность, что он такой же размазня, как и Козел. Но на войне всякое может случиться...

Король вспомнил, как учил его первый тренер в лесу у Брюкваозера — Элмар: нападать надо первому и бить сразу ударом свинг в солнечное сплетение, а удар этот потому называется свинг, что как только рубанешь в нужное место, в ушах у противника тут же зазвенит. Так Король и решил: свинганет немца сразу в солнечное сплетение, а там видно будет.

Пока что его враг, потомок высокородных Шредеров из Ольденбурга, разгуливал вместе со своими придворными в Аренсбургском (как считалось им)

парке и надменно наблюдал примитивное развлечение этих дикарей, которые в одном из больших помещений Курзала кувыркались, как поросята в соломе. В том помещении Курзала стоявшие здесь русские обозники устроили склад для сена, которого после них осталось много. Если подняться по внутренней лестнице небольшой башни, то можно было добраться до люка, открывавшегося в зал с сеном. Ох, и здорово же отсюда прыгать примерно с пятиметровой высоты!

Сам Король, его свита, даже Арви с пропорциональными ногами, и даже Ингвар со своими приверженцами — кто здесь только не прыгал! Иногда заходили и юмбу на эту забаву любоваться и посмеяться на это дурацкое веселье, когда эти образины барахтались в сене, как свиньи, все в пыли и грязные. Впрочем, они снисходительно относились к освобожденным от русского ига аборигенам — пусть прыгают.

И не подозревал юный Шредер, что он... что на него кто-то из... этих! посмеет напасть.

А Король тем временем думал о том, где совершить нападение. В Курзале? И как? При свидетелях из своих или без них? С одной стороны, лучше при своих — хочется показать всем. С другой стороны, если тот вдруг его самого... свинганет? При своих-то? На войне всякое может случиться. Да и советоваться с кем-нибудь рискованно: своим скажешь — отступить некуда будет, тогда в любом случае надо действовать. Можно вообще от затеи отказаться, и никто не узнает, что он хотел это делать, но он не может отказаться — почему? Он не знает, объяснить себе этого не умеет, но кажется ему, что это месть за что-то. Все-таки он осторожно, намеками, с Тайдеманом попробовал поговорить.

— Узнает Алфред, он тебе эту проблему разрешит, будь спокоен, — объяснил Тайдеман, хитро глядя через очки своими серыми глазами на Повелителя. — Но

к бою-то надо готовиться... Надо тренировать волю. Побеждает не сильный, а смелый. Я когда-то... В общем, надо быть тренированным.

Сколько же надо тренировать эту волю? — задавал себе вопрос Король. К тому же он не потому во все хочет разделаться с этим юмбу, чтобы кому-то что-то показать, он испытывает к этому юмбу ненависть, он не знает ее причин, а как узнать? Надо просто делать дело и тогда он, может, и причину узнает.

Действовать же надо смело — Карла прав — и неожиданно. И в любом месте, даже там, где тот меньше всего ожидает. Опыт — Король не раз в этом удостоверился — великое достижение: вспомнил Король, как ему Ингвар, встретившись на Каменном Мосту, глаз подбил. Силы здесь, правда, распределены в обратном порядке: нападавшему было уже пятнадцать, а жертве — девять. Теперь же нападавшему — десять, а жертве пятнадцать. Ростом же юмбу повыше Ингвара вымахал. Но неожиданность и еще... Ржавая, двухкилограммовая гиря, найденная в старой кузнице во дворе небесно-синего дома...

Атака произошла в «территориальных водах» противника, тот прохаживался недалеко от своего дома в парке, начищенный и внушительный, как всегда, и, видимо, дожидался кого-то из своих. На приближающегося Короля он не обратил ровно никакого внимания, во всяком случае не больше, чем на только что пробежавшую дворняжку. Поравнявшись, Король ловко ударил гирей, которую засунул в старый носок. Натуральный свинг! Юмбу свалился и тут же получил еще парочку свингов по надменной физиономии, второй свинг оборвал его жуткий крик, не успевший, к счастью, превратиться в сирену. Конец его верещания Король услышал уже за уборной, рядом с Курзалом, здесь начинались камыши в старом замковом рву.

А ведь правильно говорят в народе: где есть делающие — присутствуют и наблюдавшие. Аттендат на юмбу увидел Жорж Калитко.

Что же касается юмбу, он был повержен своевременно: в те дни начинались фильмы с участием Тхео Лингена, Хейнца Рюмана, с Хансом Мозером и Хансом Альберсом, особенно же, конечно, любимец Короля — Тхео Линген, комик, привлекал всех. Лишь только Тхео показывался на экране, еще не сказав ни слова и ничего не сделав, зал уже надрывался от безудержного смеха. Мастер! И в такое время — какая радость! Ни один юмбончик не показывался. Их во-жак, видать, выглядел так, что показаться в общественном месте не мог. Следовательно, не показывались и остальные юмбончики.

— Сына нашего комиссара изуродовали, — рассказал вечером Отто.

Это сообщение осталось без должного внимания, потому что сын какого-то комиссара — не сам комиссар.

— Хулиганы. Зубы выбили, лицо разбито зверски. Подозревают, что в городе действуют диверсанты. Приказано искать, но сам Шредер в диверсантов не верит. Да и правда, были бы диверсанты, так на него самого напали бы. Шредер во всем обвиняет своего Геркулеса, такое имя у парня, что не смог за себя постоять, а еще спортсмен! И еще, мол, Шредер называется — позорище! Но искать велено. Главное, никто не видел, не слышал...

В мире господствовала война, везде воевали. Из-за чего? Да все из-за материального благополучия. Так, во всяком случае, считал Тайдеман. В газетах печатались бесконечные объявления, чтобы вернули имущество того или другого, присвоенное во время пере-

хода власти от освободителей к освободителям нечистыми эстонцами с нечистой душой, обязательно делалась приписка: «Личности, присвоившие чужое, известны»... Так что, если не отдадут, то... Отдавали, видимо, редко. Вероятнее всего, не отдавали совсем. В связи с этими имущественными проблемами кто-то вспомнил, как после завершения революции в России эстонские адвокаты ездили туда по поручению белоэмигрантов за оставленными там драгоценностями. По советским законам, за найденные ценности отдавали 25 процентов их стоимости. Многие получили тогда валютой или самими ценностями из своих спрятанных в России сокровищ. Но часто адвокаты ездили и без толку: изменились названия улиц, снесены дома, одним словом, уже не смогли обнаружить ценности,

Палусалу — двукратному чемпиону мира по борьбе в тяжелом весе — и еще тремстам мобилизованным красными гражданами нашей республики удалось уйти из России через финскую границу. Они прибыли в Главный Город.

Рузвельт пригласил в Америку Сталина, чтобы вместе с Черчиллем распить бутылочку виски. А немецкий генерал — фельдмаршал фон Браухиц решил перестать воевать и уйти на отдых; он сообщил своим солдатам, что отныне сам фюрер лично станет руководить армией и поведет ее, несомненно, к победе. Албанское королевство официально сообщило, что тоже объявило войну Америке... раз уж все кругом воюют. Шавка, конечно, эта Албания, поспешила подобрать, что падает со стола крупных... заблаговременно вилить хвостом, чтобы саму не сожрали. Рузвельт же стал усиленно заботиться о неграх, помогать им экономически. А как же! Ходили слухи, что соберутся еще один фронт образовать в Европе, где и американцам необходимо участвовать, так что негры в конце

концов тоже люди, во всяком случае, американские.

Египет прервал дипломатические отношения с Францией, Болгария с Финляндией. К женщинам острова и всей страны власти обратились с хорошими словами: «Какие вы добрые, нежные, чуткие, красивые, за вас сражаются мужчины, вяжите им, пожалуйста, побольше теплых носков, а то холодно». И стали нежные и красивые усиленно вязать. Не только к женщинам обратились с хорошими словами, но и к молодежи, чтобы вступала она в трудовые отряды хотя бы на один год, объяснили, что служба в этих отрядах спортивного характера, дает возможность зарабатывать деньги, заодно бороться мирным оружием — лопатой и киркой — с коммунизмом (в России коммунизм начали строить лопатой и киркой, здесь этими же инструментами ломать). А холод то тут, то там давал о себе знать серьезно. По этой причине стали собирать по стране одежду: шубы, полушубки, пальто на вате, бараньи шкуры. Но префект полиции предупредил островитян официально, чтобы те не надевали трофейное, найденное в лесах, окопах русское военное обмундирование: это может ввести в заблуждение рышущих в лесах людей из службы «СС» и самооборонны, выискивающих бандитов.

Что же до трудовых отрядов, то ведь труд — дело чести. В точности так призывали трудиться и Советы. А если о труде везде так одинаково говорят, то иначе вряд ли может быть. В настоящее же время понадобились добровольцы для работ на восточных территориях, освобожденных от Советов. Но что там делать? Землю пахать? Зимой?.. Обещали форму.

А в Англии члены общества Дружбы запели «Интернационал» — докатились!

На восточном фронте, как сообщило верховное командование, переход от наступательной тактики к оборонительной — временно в зимних условиях. На

других фронтах продолжают успешные операции вермахта.

Окружной же комиссар Шредер в отместку за избивание Геркулеса объявил, что вводится карточная система на все виды продовольствия. Итого: хлеба на неделю два кило, мяса четыреста пятьдесят граммов, жиров сто, молоко только детям до четырнадцати лет — пол-литра в день. Продажа молока на рынке и на улицах запрещалась. Сколько полагалось сахара Королю, не сказали, хотя этот вопрос его больше всего интересовал. Эйнар с Ребра сообщил, что вино дают только тем, кто сдал бутылки с пробками в нужном количестве, их, оказывается, в Главном Городе на заводе недостает. Официально же водку продавали гражданам мужского пола, достигшим двадцати лет, лишь в определенные дни перед праздниками, а если кто-нибудь — не дай бог! — не успевал вовремя выкупить свою норму, то его водочка возвращалась на склад безвозвратно. Вино и водку давали только по предъявлению паспорта, по чужому не выдавали.

Когда же и по радио, и в газетах опубликовали очередной призыв ко всему населению страны, то есть только к мужчинам от семнадцати до сорока лет, чтобы поступали они добровольцами в национальные воинские части, дабы бороться против большевизма в тылах восточного фронта (гарантировалась бесплатная форма, бесплатное питание плюс богатое вознаграждение по нормативам немецкой армии), Алфред Рихард провел конфиденциальное совещание со своими немецкими друзьями, которые сочли с его стороны весьма осмотрительным, если, во избежание худшего, он вступит в организацию самообороны города Журавли. Во-первых, остров и Журавли — территория страны у моря, следовательно, островитяне сами себя и обороняют от саморазложения, в этом им поможет

немецкая ортскомендатура, подскажет нужные ходы, научит, как нужно вести службу и тому подобное. Это намного лучше, чем рыскать по тылам (русским деревням) немецкой армии и «воевать» со старухами. Причем начальнику ортскомендатуры очень нравятся люди, которые дослужились до фельдфебеля в эстонской армии. Конечно, ортскомендатуре нравятся и капитаны, и майоры, и даже генералы, хотя генералов...

Нет, нет, ортскомендатура и генералов приветствует, но предпочитает своих, поскольку их достаточно. Еще куда ни шло, если бы русские генералы, это лучше, чем местные, но русские генералы к немцам идут все-таки в ограниченном количестве. Поэтому для ортскомендатуры больше подходят фельдфебели, поскольку они лучше знают местные условия, чем национальные генералы, которые никогда не интересовались местными условиями. К тому же национальные генералы знают, что не станут немецкими маршалами, национальный же фельдфебель может не терять надежды стать хотя бы национальным генералом...

По улице шагали в строю люди, одетые в форму не то эстонской, не то немецкой армии, и распевали песни о том, что мужественный национальный нрав все еще дышит. В стороне, не в строю (фельдфебель в строю ходил редко — начальство!) стал ходить и Алфред.

Где-то в городе скрывался маленький Иван. На пограничном кордоне развевались два флага: красный с черной свастикой в белом круге и национальный триколор: синее небо над головой, черная земля под ногами, чистая душа островитянина. Одни островитяне с чистой душой уехали с русскими в Россию. Другие — тоже с чистой душой — удрали в Швецию и дальше. Третьи с чистой душой маршировали по городским улицам, искали в лесах несчастных русских солдат, оставшихся в живых, чтобы добить их или

посадить в лагерь. Кто же из этих граждан имел самые наилучшие души, интересно было бы узнать?..

ГЛАВА VI

Алфред ехал в Звенинога. Юхан прислал с Эйнарсом слово, чтобы он с Манчи вывез из леса сухой сосняк, помог распилить и поколоть на топливо и увез к себе в город. Ведь у него теперь грузовик имеется, а места для дров довольно. Подчиняясь рукам Алфреда, машина послушно лавировала между ухабами и рытвинами на дороге. Мысли водителя вертелись вокруг вопроса, который в последнее время его занимал постоянно: что ему делать в создавшейся ситуации, когда Хелли с одной стороны, и Земляничка с другой?

Он понимал: Хелли хорошая жена, хозяйка, работающая, рукодельница, заботливая мать, но... Разве этого достаточно, чтобы быть желанной женой?

Отличная жена...

Желанная жена...

Алфред подумал, что для него предпочтительнее менее отличная, но более желанная жена. Вальве, конечно, легкомысленна в сравнении с Хелли. Особенно его раздражала ее готовность со всеми зубоскалить, всем улыбаться, то есть всем мужчинам. Даже трудно сказать, что именно в этой легкомысленной Вальве его больше всего раздражало, но особенно не нравилось, когда Вальве расточала улыбки немцам, хотя, право же, он именно для этого и приглашал ее на кофеития с ликером. Тем не менее это его раздражало, тогда как в Хелли ничто не вызывало раздражения. Хотя нет, и в Хелли много такого, что не нравилось, но спроси его, что именно, он не ответил бы. А жаль...

Чего же недоставало Хелли? Чтобы она стала его раздражать в таком «особом» смысле? Вероятно, подумал он, надо исходить из того, почему он на ней женился. Хелли — четвертая дочь богатого хуторянина на Большой Земле, но не из-за богатства он ее выбрал, тем более что ровно ничего из родительского наследства ей не перепало. Оказавшись после военной службы в деревне Березы, в работниках у хуторянина по соседству, он стал ухаживать за Хелли, провожать... В общем, обычная история с поцелуями, сеновалами, горячим шепотом, глупыми, ничего не значащими словами, которые тем не менее привели его и Хелли в церковь поселка Гусиная Нога, где их руки соединил пастор с подобающими в данном случае словами, сделавшими их мужем и женой, затем: аминь.

Аминь-то аминь, но чего-то в ней не хватает. На одном «аминь» далеко не уедешь. Днем-то с ней хорошо, когда она занята в прачечной, а он в столярке, и в кухне она на месте, когда гости, ведет себя достойно, в разговоры не вмешивается, больше прислушивается, печенье у нее получается превосходное, кофе — тоже... Но ночью хочется вернуться к ней спиной. А с Земляничкой, наоборот... Дело, видимо, в том, какой в постели стороной тебе хочется вернуться к женщине.

Подъезжая к Сааре, он посигналил, чтобы открыли ворота, и распахнул их Хуго. Алфред сперва растерялся, потом осторожно въехал во двор.

— Ты ли это, Хуго? — приветствовал он брата, выбираясь из кабины грузовика. — По моим расчетам, ты должен сейчас угождать Богу, служа в русском войске...

— А ты угождаешь Господу, — усмехнулся Хуго и потянулся рукою к уху, чтобы почесать, — служа немецкому командованию...

На крыльцо вышла Ангелочек и всем сразу стало

ясно, что в данное время обоим братьям да еще Манчи с Юханом следует угодить Господу Богу работой во дворе Сааре, где рядом с баней были свалены сосновые бревна, предназначенные на топливо. И все принялись за дело: пели пилы, колуны дробили чурки. Женщины — Ангелочек, Манчита, Сесси и конечно же Мелинда — сновали взад-вперед по двору и по дому, как и положено в дни, когда кто-то приезжал, когда что-нибудь работалось на хуторе, а также готовилась баня.

Сосновые бревна были распилены лишь к вечеру, у бани выросли аккуратные поленницы дров, грузовик же был нагружен доверху, а все работники, попарившись в бане, сидели за огромным столом в большой кухне Сааре. Только теперь Алфред узнал от Хуго его историю, которую тот рассказал со всеми подробностями.

Взяли-то их восьмого августа, — о том помнили на Сааре. Сперва держали в Журавлях. Но уже одиннадцатого погрузили на «Тыну», и поплыли они в Ленинград. Прибыли туда благополучно, несмотря на мины. В порту дежурила женщина-милиционер. В Ленинграде везде разрушения. «Колбасы» над городом напоминали о том, что война близко. Погода стояла дождливая. Вечером всех построили и повели в столовую. Больше в городе не были. В эту же ночь повезли дальше. Город затемнен, из окон вагона ничего нельзя рассмотреть. Ехали в вагоне третьего класса. Это, насколько известно, единственный эстонский эшелон, который отправился в пассажирских вагонах.

Легли спать. Проснулись, когда поезд приближался к Тихвину. Выглядывая из окон, они видели серые безликие здания, сломанные заборы. Кругом следы бомбежек. Часть вокзальных построек в Тихвине разбита. Отсюда перебросили в Вологду. На стоянках к поезду подбегали дети подбирать объедки, которые мы

выбрасывали. Комиссар эшелона или начальник, русский, прогонял детей и женщин, на вопросы эстонцев, почему он не разрешает подбирать им объедки, отвечал, что все они лентяи, не хотят работать, поэтому им нечего есть. На самом деле в этом округе два последних года была засуха, потому и голод.

— Иссанд Юмаль! — вздохнула Лейда.

— Дальше через Киров и Молотов приехали в Свердловск, — продолжал Хуго. — Здесь постояли два дня. Большевики, видимо, не знали, что с нами делать. На вопрос: «Куда нас?» — отвечали, что отправят дальше, туда, где квартирные условия получше, поскольку в Свердловске много эвакуированных, нас негде разместить. Последовали на север через Нижний Тагил и Серов...

Это было двадцать третьего. Проснулись, посмотрели в окно и увидели, что едут они мимо лагерей. Большие квадратные территории, окруженные высокими частоколами и колючей проволокой, по углам возвышаются деревянные вышки. Как они позже узнали, лагеря ГПУ везде одинаковы, обычно состоят из восьми—десяти бараков, землянок или же просто брезентовых палаток, в каждой из которых размещены до двухсот заключенных. За территорией лагеря, как правило, расположен поселок, с жилищами для охранников и их семей. Лагеря сопровождали их на всем пути следования.

Прибыли в Ивдель. Там эшелон принял директор местного манганового завода, сказал, что прибытие эстонцев для него неожиданность, поэтому он не может предложить им приличные условия для жизни. Поселок состоял из деревянных строений, на которых трепались под ветром поблекшие рваные лозунги. Невозможно было определить их первоначального цвета. Здесь им дали работу. Большинство направили в мангановую шахту или на строительство железной дороги.

Первое время условия жизни и питания были терпимые, жили в бараках, некоторые в домах. В бараке размещалось до двухсот человек, прибыло же их примерно в два с половиной раза больше. Хуго с пятью другими поселили у местного золотоискателя, русского. Интересным оказался человеком: до прихода Колчака был председателем исполкома, за что получил пятьдесят ударов розгами. С тех пор и перестал интересоваться политикой. Жили мобилизованные в одной половине дома, за перегородкой же обитал золотоискатель с женой, курицей и козой. Часть оконных стекол заменяли куски фанеры. В доме было очень холодно и очень сыро...

— Сначала меня поставили в контору шахты,— вспоминал Хуго,— затем, сообразив, что я не знаю русского языка, уволили и определили извозчиком. Начиная с октября кормить стали значительно хуже, главным образом жидкой пшенной кашей, рыбными супами. Рыба или соленая или испорченная. Давали похлебку из ржаной муки без мяса. Основное питание — хлеб. Картошки в этом районе мало, поскольку зимы длинные, земли плохие и колхозов поблизости нет. Все продукты привозили из других районов. Платили за работу от 170 до 200 рублей в месяц, едва хватало, чтобы выкупить продуктовые карточки.

Видели в Ивделе и заключенных из поляков. Их как раз освобождали и отправляли в польскую армию. Они были физически истощены, усталые, слабые. Мы прикидывали: вряд ли из них получатся хорошие солдаты. Поляков держали в лагерях по обвинению в контрреволюции. Когда Советы оккупировали Польшу, их вывезли в Сибирь. Многие не выжили. На тамошнем кладбище их осталось немало. Всего в этом районе, говорили, около трехсот тысяч заключенных.

Мы обратились к начальнику НКВД в Ивделе, чтобы узнать о нашей дальнейшей судьбе: кто мы есть,

заклученные или мобилизованные? Нам не ответили. Позже объяснили, что мы эвакуированные. Но документов у нас не было, из района выезжать нельзя было. Зима стояла суровая, морозы доходили до 52 градусов, а зимней одежды не выдавали...

— Иссанд Юмаль!

Вскоре все, кто моложе тридцати пяти лет, получили приглашение прибыть в Серов. Ходили слухи, что составляются военные соединения прибалтийских стран, что будут формировать и эстонскую дивизию. Еще говорили, что Таллинн эвакуировали, что уничтожены крупные предприятия.

В Серов ехали в нетопленых товарных вагонах. По дороге работники НКВД проверяли, вылавливали тех, кто не имел приглашений. В Серове проходили комиссии. Спрашивали лишь: «Как здоровье?» «Не состояли ли в «Союзе Защиты?»» Кто состоял, тех отправляли обратно в Ивдель. Мужики, конечно, все врал: обратно ехать никто не хотел. Потом всех загрузили в эшелоны, сказали, что отправят в Красную Армию. Но до Красной Армии на этот раз дело не дошло, дорога была забита эвакуированными, не пробраться.

Отправили в Красноярск на военные работы. Ремонтировали транспортные средства, грузили-разгружали различные товары. В Красноярске, между прочим, медные рудники да фабрики, изготовляющие серную кислоту. Встретились здесь с эстонским рабочим батальоном.

Хуго попал на медный рудник транспортным рабочим. Надо было разгружать с железнодорожных платформ оборудование эвакуированных сюда заводов. Разгружали с помощью канатов, досок, ломов, другой техники не имелось. Бригадир, татарин, требовал стахановского энтузиазма, поэтому случилось, что один электромотор соскользнул с досок и свалился на землю. Бригадир ругался, орал, потом велел забро-

сать мотор снегом, чтобы не было видно. После этого они и другие моторы затолкали в канаву и закидали снегом. Платили за количество освобождаемых от грузов железнодорожных платформ. Что станет с оборудованием, это никого не интересовало...

— Иссанд Юмаль!..

— Из Красноярска повезли в сборный лагерь в Камышлове, где формировался эстонский запасной полк. Прибыли вечером, разместили к утру. Мест мало, теснота. Ночь провели на улице при сорока градусах мороза. Поселили в землянках. Питьевую воду возили из реки на лошадях, дров не хватало, лошадей тоже, запрягались сами, чтобы тащить сани с дровами за пять километров. Побывали в этом запасном полку две недели, затем повезли нас в Челябинск в Чебаркульский лагерь, куда добирались несколько суток. В Свердловске три дня ждали поезда. Здесь накопилось много эвакуированных. Их условия были тоже тяжелые. Страдали они от холода. На ночь их из вокзала, единственного места, пригодного для жилья, выгоняли на мороз, и вокзал закрывали до утра. Люди замерзали до смерти. Трупы загружали в вагон и вывозили из города...

— Иссанд Юмаль!..

— В Чебаркуле выяснилось, что землянки без печей, нары давно сожгли. Сюда прибыли и островитяне из трудовых лагерей. Они в Котласском районе строили железную дорогу до Яранска. Бежать было невозможно, кругом глухие леса. При царе в этих местах никто и не жил. Советская власть стала тянуть сюда железную дорогу: на свинцовые рудники понадобилась рабочая сила. Сперва завезли украинскую и белорусскую интеллигенцию, за ними последовали наиболее преуспевающие крестьяне, прибывали все новые эшелоны: кавказцы, казаки, татары, до эстонцев были поляки. Железную дорогу продолжали строить. Одна

ветка должна была вести в Архангельск, пробиться до Белого моря. Другая направлялась в Печору и до Ледовитого океана. Летом малярия, зимою убийственные морозы. Работу, которую повсюду в мире выполняют машины, здесь делали люди. Район Котласа — могила миллионов, — заявил Хуго и продолжал рассказывать: — Жители Яранска называют себя не русскими, а северянами, хотя говорят по-русски. Яранск — столица Коми. Издали оставляет приятное впечатление белыми куполами церквей и монастырей. Когда-то это была Северная месса¹. Коми — угро-финская народность. От русских они отличаются и внешне: тоньше, высокие, у них есть и свой язык, по-русски говорят нечисто. В здешних лесах медведи, лоси, волки. Мобилизованные опасались, что их здесь загонят на каторжные работы, но сделали их лесосплавщиками. Относились к ним все же, как к будущим красноармейцам...

В августе приказали переместиться в деревню Каряшна, отправились на плотях. Жили терпимо. Но однажды весь их батальон выстроился без приказа и спел эстонский гимн. Начальники перепугались, исчезли. Сразу же положение изменилось, тем более что на фронте многие эстонцы перешли к немцам. Объявили приказ Ворошилова. В нем распорядились всех эстонцев убрать с фронта, собрать в тылу и сформировать из них рабочие батальоны. Строили аэродромы. Одеты плохо. Кормили плохо. Жизнь стала невыносимой. Тогда организовали пассивное сопротивление: отказались работать. Комиссары бесились, начали всех по одному допрашивать, каждого спрашивали отдельно: будет он работать или...

Так пару рот принудили опять взяться за работу. Многих сажали в карцер. Принялись за дело и сотруд-

---

¹ Ярмарка в средние века.

ники НКВД со своими приемами, долгими допросами. Самых упрямых отправили на лесные разработки, составили из них штрафные роты, которые разместились в пятидесяти километрах от Котласа, в городе Авитонове. Здесь было много поляков, жили они на нищенском положении. В большинстве из интеллигентов — врачи, инженеры или из состоятельных. Один инженер-поляк рассказывал: без преувеличения, местная железная дорога стоит на наших костях, под каждой шпалой отдыхает, по меньшей мере, один поляк.

По прибытии эстонцев их как раз отпускали. Но и другие народы здесь оставили своих... Про украинцев рассказывали такие кошмары...

— Иссанд Юмалы!..

— Голод, холод, клопы... Жить становилось изо дня в день хуже, одежда и обувь изнашивались. Отказывались работать. Нам объявили: покупайте себе продукты сами. За работу обещали платить соответственно выполненным нормам. За день успевали выработать по полтора рубля, продукты на один день питания стоили три...

Пропал интерес к работе. Ну, а без работы — голодная смерть. Начали пропадать вещи, у кого что было. Одежда, другое-разное, сохранившееся из захваченного из дому, вплоть до зубных щеток. Бригады по своему усмотрению распоряжались хлебом: давали — не давали. И умело этим пользовались. Однако грабили и более брутально: заметив, что у людей есть еще стоящие вещи, выстраивали перед баракom и приказывали высыпать содержимое вещмешков на землю. Бригады ходили и выбирали себе кому что приглянулось.

Хотя бежать было бессмысленно, многие рисковали и пропали безвестно. Люди сильно сдали, ослабли, лежали безучастно. Бывало, на ходу падали и уми-

рали. Ели все, что хоть мало-мальски годилось для еды. Бригады издевались. Избиения стали обычным явлением. Одолеет скорбут. Руки, ноги обмораживали — то естественно. Из-за голода употребляли много соли, стали пухнуть. Морали не стало: за кусок хлеба были готовы на все.

Однажды из Москвы приехал генерал проверить, как продвигается выучка воинских частей, можно ли их отправлять на фронт. Поскольку у нас не было даже обмундирования и вообще ничего, то какая могла быть выучка? Генерал кричал и ругался, он нашел, что воинских частей, как таковых, нет и в помине. Начали выдавать обмундирование... летнее...

В это время вспыхнул тиф...

— Иссанд Юмалы!

— Землянки превратились в больницы, в них холодно, сыро и грязно. В день умирали до десяти человек, хоронить не успевали. Не находилось никого, кто бы мог копать могилы, в сарае-покойничкой скапливалось по несколько десятков трупов. Они лежали вповалку, голые, одежду у них отбирали. Гробы делать было не из чего — так и хоронили без них. Случалось, покойник, уже похороненный, являлся в часть и требовал свою одежду, которую у него в «больнице» отобрали: оказывалось, что вместо него захоронили другого, ошибка открывалась лишь потом.

На этом месте Хуго остановил свой плавный до сих пор рассказ, он угрюмо уставился в окно, а слушатели — на него в ожидании продолжения, в предчувствии чего-то необычного в дальнейшем повествовании. Хуго словно подыскивал нужные слова, а ведь он действительно обычно не отличался особой словоохотливостью...

— Как-то раз мужик, дежуривший в сарае-покойничкой, — начал Хуго наконец, — прибежал в штаб и, лязгая зубами, заявил, что боится там дежурить: один

мертвец якобы сказал, что ему холодно, отдай, дескать, свою шинель. Оказывается, санитары, оттащили туда еще живого...

— Иссанд Юмаль!

Женщины, сидевшие за столом, пришли в ужас, исключая, впрочем, Ангелочка, сохранившую свою обычную авторитетную невозмутимость; а ведь на фоне всего до сих пор рассказанного Хуго — что особенного в том, что кого-то живьем оттащили в мертвецкую... Что ж тут такого?! Но дело было в другом...

Если бы присутствовал здесь Король, он, вероятно, припомнил бы те разговоры про одного из его дядей, который якобы когда-то давно в Главном Городе застрелился из-за женщины: «...вставил дуло ружья в рот и большим пальцем ноги нажал на курок...» Король тогда долго ломал голову над вопросом: почему из-за женщины надо вставить в рот дуло ружья?.. До сих пор он это явление так и не сумел объяснить. Теперь же из дальнейшего рассказа Хуго стало известно еще более страшное обстоятельство, в котором Его Величество уже как-то разбирался.

Хуго уточнял про тот случай с живым покойником.

— Он основательно замерзал у покойничков, так что утром все-таки помер. Другого и быть не могло, весь он был посиневший, опухший, глаза слезились да и разговаривал с трудом — даже не человек с виду. А ведь знакомый был... — Женщины опять заохали, который раз называли Иссанда, а Хуго добавил: — То был приятель Антона, и убил-то нашего Антона он... Сам и признался.

За столом воцарилась гробовая тишина, стало отчетливо слышно тиканье настенных часов, жужжанье мух над плитой. Не все присутствующие знали про Антона, другим было известно, что погиб из-за женщины, но чтобы...

Оказывается, история-то обыкновенная: друг Антона, с которым, будучи у брата в гостях как-то в Главном Городе, познакомился Хуго — убил Антона из ревности уже известным способом, то есть выстрелом в рот, потом все обставил очень ловко, создав версию самоубийства. Теперь, на чужбине, узнав Хуго, который подавал ему пить и ухаживал за ним по возможности, угнетаемый угрызениями совести, он и признался в содеянном. Видать, понимал уже, что умирает.

— Звали-то его Роби... Роберт,— объяснил Хуго.

За столом продолжалось тягостное молчание, конечно, здесь для всех это имя ничего не значило. Юхан положил на стол свой нож, которым пользовался и как вилкой. Он молча смотрел перед собой. Все другие выжидаячи обратили испуганные взоры на Ангелочка, она же продолжала спокойно собирать со стола грязную посуду, унесла ее к плите, на которой стоял таз с горячей водой, и уже оттуда обратилась ко всему живому в мире, в частности и к Хуго:

— Бедный... Несчастный Роберт,— сказала громко.— Хорошо, что подал ты ему пить, ибо всякий несчастный есть ближний твой, нуждающийся в помощи,— как правый, так и падший, пребывающий в нечистотах людских; легко делать добро во храме светлом — ты делай его в месте диком, где другие пройдут мимо. А значит, Антон-таки не пошел против Бога...

Похоже, она простила убийцу за то, что тот снял с ее сына грех самоубийства.

Ангелочек гремела посудой, а Хуго, не столько чтобы подчеркнуть заслуженность похвалы Ангелочка, а в продолжение рассказа подтвердил, что действительно санитарками там были женщины, добровольно эвакуировавшиеся из Эстонии, не испытывающие к ним жалости, часто насильно срывающие обручальные кольца с пальцев обессиленных людей.

— Наконец начались учения с деревянными винтовками. Большинство уже побывали в эстонской армии, многие, кто постарше, даже на войне, а тут опять... деревянные винтовки.

Приезжали члены бывшего эстонского правительства. Были митинги. Разъяснили необходимость создания эстонской дивизии, поскольку Эстония ждет своих солдат, чтобы те освободили ее от фашистских оккупантов. Нас эта пропаганда не тронула, все понимали, что из себя представляет это бывшее правительство. Про систему выборов у нас говорили так, когда Советы станут цивилизованным государством, о таком правительстве будут даже у них вспоминать, как о неудачном анекдоте. Продолжалась деятельность НКВД, многих вызывали в спецотдел, и больше их не видели. Другие сбежали, про них политруки говорили: пойманы и приговорены трибуналом к смерти.

Каждое утро по тридцать минут проводилась политинформация по газетам «Известия», «Правда», «Красная Звезда». Раз в неделю политподготовка, когда разъясняли приказы великого товарища Сталина, их «глубокий» смысл. Питание стало лучше. Начальство — командир дивизии, интендант, еще некоторые — питались по первой категории, адъютанты приносили им шницели, жаркое, супы, даже сладкое. По второй категории питались директор столовой (русская), буфетчик (еврей), завскладом и работники интендантства. Для них была отдельная столовая. В третью категорию входили старшие командиры, некоторые лейтенанты, к ним мог приобщиться тот, кто умел ладить с директором столовой. Остальные питались по четвертой категории. Рядовой состав вообще питался не в столовой, а на улице под навесом, сначала и навеса не было, тогда каждый глотал свою порцию, как и где хотел.

Стали вербовать в партию. Особенно интенсивно перед отправкой на фронт. Сначала агитировали стать кандидатом в члены партии, а то и сразу членом выборочно, потом чуть не в приказном порядке надавили. Надеялись, что члены партии не перебегут к немцам, потому что пропагандисты постоянно внушали: немцы партийных расстреливают без допросов. Однажды наш комиссар в разговоре признался: «Сейчас настолько трудно, что делать нечего, приходится принимать в партию и тех, у кого контрреволюционное прошлое». Считалось: не хочешь вступать в партию — враг. Спрашивали: почему не хочешь в партию? Объясняли: это обеспечит будущее, откроет дорогу, сделаешь карьеру. Не пожелавшим вступать в партию угрожали отправить в рабочие лагеря. Многие поэтому и вступили. Порядок был такой: из политотдела дивизии поступало распоряжение в политотдел полка — к данной дате набрать в партию столько-то членов. И началась карусель, чтобы план по набору в партию выполнить к назначенному сроку.

Один партийный главарь в бывшем эстонском правительстве от имени всех эстонцев давал Сталину клятву: отдадим последнюю каплю крови в борьбе с фашизмом. Про вывезенных из Эстонии стало известно, что в большинстве своем они в Кировской области: некоторые из наших получили от них письма. Одна девушка писала, что работает на лесоповале, другие — на торфяных болотах.

В декабре получили приказ перебраться в Калинин и разместиться в военном лагере имени Ворошилова. Прибыли утром. Погода скверная, весь день лил дождь. Пробыли в лагере пять часов, получили новый приказ: вернуться в Калинин. В лагере имени Ворошилова должна разместиться совсем другая часть... из русских. Люди голодные, уставшие, идти тяжело. В дороге догнал приказ: идти в Коломну.

В Коломне пробыли недолго: отправили на фронт, к деревне Селижарово. В пути пропали дивизионные документы: разведданные дивизии и полка. Полагали, работа шпионов. Наш маршрут изменили, отправили к Великим Лукам. Поход в четыреста пятьдесят километров был самым трудным за все это время. Шли ночами, отдыхали в лесах.

В начале похода нам дали лошадей, которых еще не запрягали. Они, непривычные к грузам, быстро обессилели, и их пришлось расстрелять. Из-за бездорожья питание доставлялось плохо. Было предусмотрено десять автомобилей, но не оказалось ни одного. А если бы и нашлась хоть одна машина, негде взять бензина. Бывало, солдаты распрягали лошадь, грузили ее на повозку и тянули воз вместе с ней. В сущности, лошадей почти всех съели. Из их шкур изготавливали обувь, шкурами обматывали ноги, ведь обувь у всех разорвалась, а взять другую было негде.

Пришли в район Великих Лук. Декабрь. Про обстановку на фронте ничего не знали: где противник, где свои? Кто соседи, какие части? Самим приходилось устанавливать контакты. В тылу политработники обещали на фронте показать пример, как надо воевать. Теперь же они куда-то пропали, отстали... Перед отправкой на фронт каждый из нас должен был написать заявку-расписку, в которой указать, за что и сколько фашистов он намерен убить. Соответствующие коррективы должны были в дальнейшем вноситься на его личный счет. Но до этого дело не дошло...

Прибыв на фронт, узнали, что будут изменения в форме солдат и офицеров Красной Армии: вводятся погоны. Они должны были вводиться в январе 1943 года. Незадолго до этого, а именно двадцатого декабря рано утром, пришли на позицию. Где немцы, где большевики, мы и понятия не имели. Приказали окопаться. Люди настолько устали, что сил на рытье

окопов не осталось, уснули в снегу, и я подумал, что вот теперь я должен где-то в незнакомой стране, среди чужих людей, стрелять в других чужих людей, убивать их, и мне за это ничего не будет, если... не убьют самого. Потом и я заснул. Проснулся от грохота и криков, выяснилось, что мы находимся уже в тылу... немецком. Кругом мимо нас рвались вперед немецкие танки и солдаты. Мы побросали винтовки и сдались в плен. Наконец-то, подумали, освободились от красного ада.

Немцы стремились вперед, а сдававшиеся в плен красноармейцы им как будто мешали, тормозили темп, за что они от злости лупили нас прикладами. Мы орали: «Мы — эстонцы!» Но они не понимали по-эстонски. Наконец нас собрали человек сто и повели — по-нашему — вперед, по немецким понятиям — назад в деревню, название которой мы так и не узнали.

Среди нас нашлись также, кто говорил по-немецки, они стали уверять немцев, что мы перебежчики. Немцы орали «Доннер-Веттер!», какие это перебежчики, которые только тогда бросили оружие, когда оказались фактически в Германии, то есть на территории, захваченной доблестными германскими солдатами, и о сопротивлении не могло быть уже речи. Мы объяснили, что проспали. Это, конечно, смешно. И погнали нашу колонну в сторону Пскова. Этот переход проходил еще хуже, чем последний, когда шли на передовую.

Добирались трое суток, не кормили совсем. Недалеко от Пскова нас загнали на участок с квадратный гектар, огражденный колючей проволокой, здесь оказалось много пленных. Бараков нет, уборными служили две ямы по углам. Усталые, расположились прямо на земле, где нашлось место. Как мы провели здесь еще четверо суток, об этом нет даже охоты рассказы-

вать. Стало ясно: хрен редьки не слаще. О редьке я рассказал, о хрене как-нибудь...

— Иссанд Юмалы!

— Теперь я дома,—закончил Хуго рассказ,— наконец нас отпустили. Когда установили, что мы мобилизованные балтийцы, которых в Сибири использовали как заключенных да голодом морили. Наш вид сам за себя говорил. Дали возможность всем поехать на родину, отдохнуть недельки две, а потом мы должны явиться в немецкую военную комендатуру зарегистрироваться.

Мелинда тут вспомнила, что еще в прошлом году где-то на берегу нашли бутылку, в ней письмо мобилизованного. Он не сообщал своих данных, названия корабля из-за боязни, что письмо попадет в руки комиссарам. Обстановку же описал: «Родина от нас примерно в десяти километрах. Находимся в пути в сторону Нарвы. С нашего корабля сброшено много бутылок в надежде, что их однажды найдут. Ищите бутылки на берегах! Знайте, сообщения в газетах о восторге, с которым якобы встретили мобилизацию, вранье. Мы здесь словно звери в корабельном трюме, в случае кораблекрушения нет даже возможности выбраться. Мы подчинились мобилизации, лишь бы спасти наши семьи: красные мстят безжалостно. Будущее темное. Врачей нет, кругом грязь. На палубу выпускают редко».

— Скажи, Хуго, действительно ли комиссары едят трупы своих солдат? — Мелинда сгорала от желания узнать что-нибудь эдакое.— Ты же там все видел.

А ведь ее интерес был обоснованный: в газете на самом деле печаталось, будто немцы сами видели, как русские солдаты ели своего мертвого товарища сырым... Их было четверо, они вырезали кусок из груди покойника, когда их взяли в плен. Хуго от души посмеялся:

— Там много дикости, но такого я не встречал. Они же все-таки люди. Умные не умные, но... люди, как и все мы.

Алфред с этим согласился. Отто говорил ему, что сын Молотова, Георгий Скрябин¹, попавший в плен, выступал по радио и опровергал слухи, будто немцы пытаются русских военнопленных. Наоборот, они к ним идеально относятся. Скрябин утверждал, что лично к нему и к другим военнопленным, которые с ним, отношение исключительно хорошее. Хвалил условия труда немецких крестьян, по сравнению с которыми условия жизни советских колхозников нищенские. Рассказ Хуго, его личные наблюдения это подтвердили.

Алфред ехал домой. Став фельдфебелем самообороны, он сохранил свой грузовичок. Хмуро смотрел он на бегущую навстречу дорогу, его занимали серьезные мысли: он оказался на трудном участке жизненного пути, когда кажется невозможным разобраться в обстановке. Если принять во внимание, что газеты врут, где гарантия, что написанное про Хатынь правда? Теперь пишут, что советские войска зверски убили десять тысяч польских военнопленных офицеров и закопали. Ведь одно дело — несколько десятков убитых в замке города Журавлей, тут невозможно сомневаться, Алфред — свидетель, Король тоже... А гестапо разыскивает Павловского — начальника военной разведки красных на острове в сорок первом. Зубных врачей, мужа и жену, помощников этого Павловского, схватили, их допрашивают Майстер и его особая команда. Но где он сам, кто это знает? Наверное, в России, где же еще. Здешние убийства невозможно свалить на немцев, которых в помине здесь не было, когда они производились. Но когда, спустя полтора

---

¹ У В. М. Молотова не было сына.

года, вдруг открываются такие массовые убийства... Полтора года? Здесь, в Журавлях, несколько десятков сразу нашли, а там десять тысяч... только через полтора года?..

Тайдеман сказал, что десять тысяч человек не так просто незаметно убить, даже по приказу Сталина, или Ежова, или Берия. Чтобы убить столько людей, необходима национальная ненависть, старая, исторически сложившаяся ненависть, которая зудит в крови столетия, чтобы однажды разразиться, словно эпидемия. У русских, считал Тайдеман, к полякам такой ненависти не должно быть уже потому, что те и другие славяне. Другое дело немцы: известно же, сколько били польские короли крестоносцев. Здесь такая исторически сложившаяся ненависть возможна вполне. Но если бы немцы — не стали бы они об этом на весь мир кричать, постарались бы даже внимания не привлечь... Логично!

Хотя, думается Алфреду, мастера убивать и те и другие. Но как быть ему, Алфреду, человеку осмотрительному, которого осторожность и предусмотрительность вынудили поступить на службу к власти имущим в данное время? Русские все-таки дикие люди, — успокаивал он себя затем, — недавно военнопленные, взятые из лагеря для работы на хуторе, убили семью в Латвии: хозяина пятидесяти лет, жену, сына и батрака. Затем убийцы сбежали; но были настигнуты полицией на восемнадцатом километре от хутора. Они скрывались в пустовавшем доме. Открыли огонь по полицейским, одного убили. Два погибли в перестрелке. Вообще-то полагают, что убийство ими совершено как месть: накануне хозяин требовал от них более старательной работы, угрожал вернуть в лагерь военнопленных. Нет, Алфред не воспользуется услугами военнопленных русских, хотя Отто рекомендовал такую возможность. Свой небольшой хуторок его семья в со-

стоянии обработать самостоятельно, без посторонней помощи.

Алфред приостановил грузовик, открыл дверцу, высунулся и, поднявшись на передний угол кузова, заглянул в газогенератор: необходимо подбросить топливо. Он забрался в кузов, открыл ящик с березовыми чурками и совковой лопатой подбросил в печь. Сколько же древесины уходит на машину, мелькнула мысль. Семьдесят тысяч мужчин, тридцать тысяч лошадей ежедневно в республике добывают в лесах дерево на топливо для автомашин.

Да, с Хелли, куда ни шло, спиною ты к ней ляжешь в постели или... Это ее не очень волнует. А вот Тайдеман...

Казалось, какое ему дело до Тайдемана, есть он или нет его. Тайдеман с Тайдеманихой — чужие люди. Но он есть, этот Тайдеман. Он владелец всех домов, которые арендует Алфред, он его гость, когда у него приемы. Не потому, что владелец, а потому, что Тайдеман... Потому, что умен. Рассуждения Тайдемана часто непонятны, даже смущают. Алфред невольно стал смотреть на свои дела с точки зрения этого старого... Может, он все-таки еврей? Но немцы его не трогают. Уж они-то еврея за сто метров под землю учуют. Никто не доносил? Чего ради, когда в его квартире он с ними за одним столом сколько встречался.

Лично Алфред против евреев ничего не имел, хотя в республике к ним издревле настороженно-насмешливое отношение. Очень уж они ловкачи, эти евреи. Правда, Ангелочек ссылается на то, что и Христос был еврей. Но тут еще неизвестно, был ли он вообще на свете, этот Христос. А что Маркс еврей, в этом сомневаться не приходится. Правда, и против Маркса Алфред тоже ничего не имеет: учил чему-то народ, писал свои книжки, умер уже давно, ну и бог с ним. Учения этого Маркса Алфред не знает и знать не хо-

чет. Он, Алфред, слава богу, сам с головой. Однако немцам Маркс со своим учением как кость в горле, раз они из-за Маркса-еврея ополчились на весь еврейский народ, несмотря даже на то, что и Христос, которого они признают, еврей.

Христу, как сыну божьему, они поклоняются. Странно! Будь сегодня Христос живой, как бы с ним поступили в гестапо? А ведь, если Христос — сын божий, следовательно, его отец, то есть сам Господь Бог, — тоже еврей? И следовательно, все евреи как бы его родственники? Как же тогда связать, что бог чему-то надоумил Гитлера! На внеочередном заседании рейхстага в прошлом году фюрер, он же и канцлер, в своей речи именно то и подчеркнул, что если бы Господь Бог вовремя не дал ему озарения о начале «его борьбы», то должны были бы пожертвовать жизнью не только миллионы немецких солдат, но и все народы Европы.

Относительно войны на востоке Гитлер заметил, что сидящие дома едва ли представляют себе, какие огромные испытания выпали на долю немецких солдат в России. Но Алфред понимал: испытания в войне не могут быть односторонние. Значит, еще большие испытания или такие же должны выпасть и на долю русских. Тайдеман же сказал, что у русских должно быть тяжкое время, даже если в Ленинграде и не торгуют человеческим мясом. Могут же и торговать, ведь преступление вездусущее и в мирное время, когда в окружении такой голод, оно вполне способно выйти за пределы нормальности.

Тайдеман сказал: в России тем более страшно, что государство неразвито, а власть в неопытных и в нечистых руках; старая российская культура затоптана массами, новая не успела образоваться. А специалистов в любой области жизни у них еще мало, отчего и терялись комиссары, когда у велосипеда спускалась шина.

Какого хрена они пришли на Запад насаждать свою культуру? Алфред недоумевал. Народ в стране у моря, может, знает о культуре не более того, что хватал, прислуживая немецким баронам, но и это уже кое-что!

А тут приходят люди его учить, которые и вилок-то не привыкли пользоваться, которые и в глаза не видели полированной мебели, а жили в тесной комнате в коммунальной квартире, а это что-то наподобие казармы... Пришли к Алфреду и распоряжаются: шкаф у тебя должен стоять здесь, сервант там, трюмо у двери, кровать за дверью. Без вас разберемся! Научились мебель изготавливать, сумеем и расставить без подсказки сталинских культторгов.

Но, с другой стороны, как размышлял о русских Тайдеман: люди они, конечно, темные, но в мире существуют и потемнее. Например, китайцы. Беднее китайца, говорил Тайдеман, на свете нет человека. У китайцев не дом, а соломенная хибарка в десять квадратных метров. Рядом столько же земли, на которой он выращивает рис, уже в земле принадлежащий не ему. В хибарке место для китайца, его жены и детей, все они спят вокруг бочонка с экскрементами: чтоб не украли. Дороже этого бочонка у китайца ничего нет, почему и помещается в жилище.

Тайдемана не поймешь. Он, конечно, старый человек, побывал в разных частях мира, неудивительно, что много знает, но за кого он в этом политическом водовороте — не разобрать.

ГЛАВА VII

Едва Алфред стал фельдфебелем самообороны, как его обязали посетить урок политического обзора, — экскурсия в недавнее прошлое, — который проводил офицер, приехавший из главного города республики —

Таллинна. На этот раз обзор политических событий в Европе вел пожилой уже капитан Дуболист, служивший еще в союзе защиты республики. Он рассказывал о том, как красные присоединили республику к Советам, как потом организовали выборы и так называемые голосования. Все это происходило в те дни, когда Алфред подстригал на Сааре звениноговских мужиков, которые приходили на хутор послушать заодно и «Филиппс», чтобы анализировать европейские события; именно тогда и пригласили республиканского министра Селтера в Москву на переговоры. Когда звениноговские мужики считали, что министр иностранных дел республики разгуливает в Москве под ручку со Сталиным и принимает парады, на самом деле происходили совсем другие дела.

В Москве должны были подписать договоры о торговле между Советами и Республикой эстов. Для этого было прислано из Москвы в Главный Город соответствующее приглашение. Причем, когда посол Советов в Главном Городе передал приглашение, он подчеркнул, что в Москве были бы особенно рады, если бы вместе с министром иностранных дел республики прибыла и его супруга. Подобное здесь всех удивило, но важнее всего иное: министр попросил по телефону своего посла в Москве получить подтверждение, что от него, кроме подписания договора о торговле, ничего не потребуют и не затронут других вопросов. Ответ из Москвы успокоил: что — да, не потребуют, не затронут.

Уезжавшего в Москву министра иностранных дел и его супругу пришел провожать на вокзал и посол Советов с букетом роз. В Москве гостей встречали заместитель наркома иностранных дел Лозовский и заместитель наркома внешней торговли Степанов, комендант города Москвы, члены посольства республики и послы Латвии и Литвы. Уже через несколько часов после прибытия их в Москву в Таллинн от министра

поступила телеграмма: он прибудет самолетом, до его прибытия никаких решений не предпринимать.

Для правительства содержание телеграммы явилось загадкой, могли только догадываться: в Москве что-то случилось¹. Еще до поступления этой телеграммы московское радио известило мир о том, что «неизвестные подлодки», выходя с баз, предоставленных им Страной У Моря, торпедировали и потопили близ берегов республики советское торговое судно «Металлист».

Зная приемчики Москвы, можно было уже по этому радиосообщению догадаться, что против Эстонии готовится какая-то акция. Уже 19 сентября московское радио известило, что Эстония якобы нарушила нейтралитет, позволив уйти интернированной польской подводной лодке из порта Главного Города. При этом московское радио отмечало наличие в портах других Прибалтийских стран иностранных подводных лодок. Тон московского радио, адресованный к Прибалтийским странам, звучал угрожающе. По всему было видно, что уход из Таллинна интернированной польской подводной лодки «Орзель» стал желанным предлогом для Москвы. Излишне утверждать, что после ухода «Орзель» она в Балтийском море никого не атаковала и плаванье в водах нашей страны продолжало быть безопасным, как и прежде. Здесь можно лишь добавить, что «потопленный»¹¹ «Металлист» пару месяцев спустя как ни в чем не бывало стоял на приколе в порту Палдиски.

25 сентября после обеда стало известно из доклада прибывшего министра, какие требования предъявили Советы Эстонской республике.

---

¹ Распространяемые в то время слухи.

...24-го вечером в 21.00 Молотов принял Селтера в Кремле. Присутствовали посол эстонцев в Москве и комиссар внешней торговли Микоян.

Первая часть беседы вертелась вокруг вопросов торговли между Эстонией и Советами. Затем Молотов повел разговор о политике следующим образом: «Торговые отношения между нашими странами, похоже, в порядке, но политические совсем даже плохие». Он привел историю «побега» польской подлодки «Орзель» и заявил о том, что это событие доказывает, как правительство Эстонии не считается с безопасностью Советов; что оно или не хочет или не в состоянии придерживаться в своей республике порядка, что это угрожает безопасности Советов, что письменное объяснение по этому вопросу не является удовлетворительным.

Было сказано, что Советы, имеющие на Балтийском море огромные интересы, ничем не защищены против подобных сюрпризов в будущем. Устье Финского залива в руках других государств, в то время как Советы должны довольствоваться тем, что другие государства в устье Финского залива творят. Так далее продолжаться не может, Советы нуждаются в более существенных гарантиях безопасности. И Москва решила потребовать от людей У Моря этих гарантий и делает предложение заключить договор о взаимопомощи, который будет гарантировать право держать на территории Страны У Моря опорные части флота, а также авиационные базы.

Селтер не согласился с поднятыми обвинениями против своего правительства, связанными с побегом «Орзель»: уход подлодки всего лишь непредвиденный случай, из чего нельзя делать вывода, будто Страна У Моря не в состоянии защитить собственный нейтралитет, тем более внутренний порядок. К тому же, сказал Селтер, у него нет полномочий вести переговоры о пакте взаимопомощи и базах — такое предложение

не соответствует политике маленькой страны и она не захочет отойти от нейтральной линии своей политики, заключая военный союз с большим государством, и так далее. Молотов заявил, что люди У Моря имеют такой договор с Латвией, почему бы не иметь его и с Советами. Селтер подчеркнул: Латвия — малое государство, союз между двумя малыми странами не противоречит их нейтралитету в отношении огромного соседа. Молотов же продолжал уговаривать: маленькой Стране У Моря нечего бояться, пакт о взаимопомощи не принесет ей никакой опасности, Советы не станут навязывать коммунизм ее народу и не захотят задевать ее суверенитета, а также внутреннего распорядка — Эстонии гарантируется ее самостоятельность.

А на то, что Советы не имеют оснований и прав предъявлять республике столь радикальные требования, Молотов ответил, что Советское правительство считает случай с подводной лодкой очень важным симптомом... Ситуация, мол, в целом неестественна: Советы вынуждены мириться углом Финского залива, в который его зажали двадцать лет назад. Так продолжаться не может. Советы теперь — супергосударство, чьи интересы требуют, чтобы с ними считались, они нуждаются в выходе в Балтийское море. Если же республика не пожелает заключить пакта о взаимопомощи с Советами, придется искать другие пути. «Не заставляйте нас, — сказал Молотов, — применить силу в отношении республики». Отсюда следует, что и сила... есть путь.

Принимавший участие в переговорах посол республики высказал такое соображение: поскольку отношения Германии и Советов закреплены ненагрессивным договором, то на Балтийском море отсутствует опасность, против которой Советам необходимо себя застраховать при помощи баз и пакта о взаимопомощи. На это ответил Молотов: советский договор с Германи-

ей не долгосрочный, и обе стороны не разоружаются. В Балтийское море в будущем могут прийти и другие силы, чтобы угрожать Советам. Также, видно из случаев («Орзель»), что безопасность советских кораблей на море недостаточная, оттого, естественно, Москва возьмет в собственные руки ее обеспечение...

Капитан Дуболист... Он мог бы и колонелем (полковником) быть по возрасту, даже генералом, наверное, Лайдонеру же, наверное, не больше от роду... Дуболист же был капитаном, суховатый и телесно и характером, и, как таковой, свел свой обзор к следующему заключению:

— Продолжался торг... Вы — нам, мы — вам... Кто кого перехитрит. Но смешно и думать, что Селтер стремился обмануть Молотова. Солдаты, вы представляете, как о смысле свободы и собственной защите могут спорить кот с мышью или волк с зайцем?— И поскольку солдаты могли такое представить, они подтвердили это хохотом.— Молотов был любезен: «Прощу через прямую связь... дело срочное... не надо докладывать ни о чем парламенту — подпишите». Селтер возражал: «Я не уполномочен». Молотов: «Нам некогда, не играйте на нашем терпении, а то мы поступим, как нам удобно, на Германию и Англию вам нечего надеяться, а с нами вы как у бога за пазухой». Селтер же не хотел оказываться за пазухой у кого бы то ни было...

Дуболист разрешил самооборонцам закурить и продолжал лекцию:

— Спать нашей делегации в эту ночь не пришлось: в Москве при Сталине дела предпочитают делать когда стемнеет, то есть ночью. Настаивали: подпишите текст о пакте, хотим, образно выражаясь, обосноваться в вашем доме у следующих окон: в Главном Городе, Пярну, обязательно на островах, можно и в Палдиски, ну, еще где-нибудь. Большевики стягивали к

нашей границе сильные воинские части, особенно много моторизованных.

Пограничная служба республики в Петсери состояла из шестисот человек военных, у Нарвы — из двух тысяч человек. Танки отсутствовали. Орудий противовоздушной обороны не имелось. Советские военные самолеты кружили над всей нашей страной.

Из штаба военного командования дали распоряжение не стрелять по советским самолетам. Самолеты летали над Тарту, Таллинном, летали вызывающе низко, провоцируя, чтобы по ним открыли огонь, затем удалялись на восток. Очевидно, они следили за происходящим в стране: не проводится ли мобилизация. А с границы поступали тревожные сообщения о больших скоплениях на стороне Советов войск вместе с танками.

Что же касается помощи извне, тут Молотов не ошибся: помощи ждать было неоткуда. В какую бы сторону ни оглядывались люди Эстонии, везде двери для них были закрыты, уши у всех кругом поражены глухотой.

На совещании в Главном Городе пришли к решению: сопротивление не может продолжаться долго, в противном случае истребление народа неминуемо. Продолжали затягивать переговоры с Москвой, пытались достичь таких условий, которые по возможности наименьшим образом ограничили бы самостоятельность республики. Положение было безвыходное. Для заключения «договора» решили послать к «Солнцу» делегацию во главе с Селтером.

Делегацию принимал Молотов, в своем кабинете. Присутствовал и Микоян. Делегация доложила о готовности продолжить переговоры, обсудить советские предложения. В ответ советский министр зачитал сообщение ТАСС о торпедировании советского парохода «Металлист» (который позже объявился невредимым)

неизвестной подводной лодкой в районе Нарвы и декларировал, что в изменившейся ситуации Советы уже не могут ограничиться предъявленными в прошлый раз предложениями и настаивают на праве держать на территории республики тридцатипяти тысячное войско, дабы воспрепятствовать втягиванию Советов и республики в военные события в Европе.

Это требование поразило эстонскую делегацию как гром среди ясного неба. Ее члены пытались выразить сомнение по поводу торпедирования «Металлиста», доказывали, что это могло быть провокацией, поскольку время военное, а ситуации бывают разные. Когда же позиция эстонской делегации прояснилась и стало очевидно, что к общим заключениям трудно прийти, Молотов предложил пригласить для участия в переговорах Сталина, который тут же и объявился и «доступно» объяснил, что пакт Советов с республикой эстонцев может вызвать диверсии и провокации со стороны западных поджигателей. Во избежание этого необходимо разместить в республике советские воинские подразделения в тридцать пять тысяч. Эстонцы соглашались принять десять тысяч. Сталин добавил еще пятнадцать. В результате остановились на двадцати пяти тысячах человек.

После совещания был составлен протокол, и стороны подписали Пакт о взаимопомощи между Советским государством и Республикой эстонцев. Подписали его Молотов и Селтер. Присутствовали Сталин и Микоян. Пятая статья Пакта содержала святую клятву Советского Союза уважать самостоятельность Республики, гарантии от вмешательства в ее внутренние дела: Однако уже в мае сорокового года все морские маяки потребовали отдать под контроль Советов, что не было предусмотрено в Пакте. В связи с успехами немецких войск в Западной Европе изменилась и международная ситуация в мире, становясь напряженнее.

В субботу, 15 июня, некоторые опасения эстонцев приобрели реальный характер. Поступили сообщения о задержании пароходов советскими военными судами, ими же был подбит самолет, следовавший в Хельсинки. Из этого заключили, что страна отрезана от внешнего мира, через море и по воздуху связи нет. В это же время стало известно, что советские войска вошли в Литву, поэтому и на суше контактировать с внешним миром эстонцы уже не могли. 16 июня утром они узнали из сообщения ТАСС, что Латвия, Литва и Эстония заключили между собой союз против Советов. А в 15.30 Москва предъявила ультиматум. В нем повторялись обвинения и требование роспуска правительства как недружественного к Советам, которые потребовали формирования нового правительства, согласного обеспечить обоюдное выполнение взаимной помощи, также потребовали беспрепятственно пропустить советские войска на территорию Республики. Ответ должен быть дан не позднее 24 часов московского времени.

В тот же вечер под председательством президента состоялось совещание правительства республики. В названное время в Москву сообщили об исполнении требований. 17 июня ранним утром советские войска перешли границы республики. Численность войск составила более 50 тысяч человек. Представители ТАСС в Главном Городе семнадцатого вечером сообщили в Москву, что «трудящийся народ встретил Красную Армию восторженно, с цветами». Из Москвы прибыл Жданов, окруженный многочисленной охраной, видимо необходимой в новой союзнической стране. С приездом Жданова определились дальнейшие шаги в осуществлении программы образования нового правительства республики. 21 июня были организованы митинги с участием танков и броневиков...

— Такова арифметика по-сталински...— закончил капитан Дуболист,— тридцать пять минус десять равняется... на пятьдесят. «Коммунизм мы вам не навязываем, суверенитет ваш сохраняем», но... правительство поменяем. Такая, видите ли, математика...

Тайдеман и в данном вопросе имел свое особое мнение. Надо же, повезло как, что именно такой странный тип оказался владельцем домов, которые Алфред арендовал. Алфред, будучи и сам достаточно наблюдательным от природы, не верил слепо тому, что внушалось через печатное слово или по радио всякими разными властями, но чтобы быть так уверенным в собственной правоте, необходимо наличие опыта, знание жизни и людей.

Тайдеман странный, загадочный, знает языки, побывал повсюду в мире, богат, а чем он в жизни конкретно занимается, никто не знает. Что при этом Алфреда больше всего удивляло, это отношение Тайдемана к русским. Оно не было дружелюбным, но и не враждебным. Пожалуй, можно сказать, что точно так же он относился и к немцам, и к жителям республики у моря. Про выборы же, когда создавалось новое правительство, то самое, которое, едва вылупившись из яйца, поспешило послать мудрому Сталину телеграмму благодарности за лучи солнца, в которых республиканцам выпало счастье погреться, и заверить в верноподданических чувствах, про эти выборы Тайдеман высказал следующую мысль: «Не бывало еще, чтобы где-нибудь в мире какой-нибудь народ целиком придерживался единого мнения, везде есть довольные и недовольные; если есть богатые и бедные, значит, бедные недовольны; если где-нибудь есть удачники и неудачники, значит последние недовольны; так же и в республике у моря: бедных немало, и почему бы им не быть коммунистами? Почему бы им не желать справедливого строя, чтобы всем жилось одинаково хоро-

шо? Одно только следует сказать: если кто-то начнет что-то строить, он должен прикинуть, успеет ли закончить при жизни, а если не успеет, то потом другие его строение черт знает во что превратят, все равно дом ли это, фабрика или новое общество. Кого и что имел в виду этот Тайдеман?

Действительно, думал Алфред, как это ни печально, но Тайдеман и здесь прав: республика мала и республиканцев один миллион, но как они завистливы и как несплоченны. Какая же она в таком случае нация? Даже немцы вынуждены были это констатировать, даже дирекция внутренних дел объявила, что серьезные беспокойства причиняет поток жалоб республиканцев друг на друга, и поток настолько велик, что отнимает у сыщиков основное время, нужное для выполнения серьезной работы. Словно нет у народа других дел, как друг на друга жаловаться. И не придет же никому в голову, какое от этого скверное впечатление создается у немцев. Они-то объясняют это по-своему: лавина жалоб — наследие большевиков, принадлежность системы большевизма, где по доносам производят аресты и расправы, где отец следит за сыном, а сын за отцом, где брат доносит на брата, где друг про друга не знает, агент он НКВД или нет. Немцы именно такое свое мнение о республиканцах и высказали в печати: «Большевики внедрили систему жалоб и доносов, это помогло сократить число штатных агентов ГПУ и держать всех под наблюдением. Большевизм не только уничтожил наших людей, но привил им зловерные привычки, от которых необходимо излечиться. Почти ежедневно поступают жалобы, будто ИКС или ИГРЕК при большевиках носил красный знак на груди; будто А или Б сказали, что с большевизмом надо смириться; будто К или Л видели участвующими в демонстрации; будто К или О были на митинге и только лишь поэтому эти граждане являются коммунистами».

Сам Алфред, лишь вступив в самооборону, видел жалобу, в которой сообщалось, что один чиновник от-вратительно относится к сослуживцу, отсюда вытекало, что чиновник конечно же большевик. В другой жалобе объяснялось, что госпожа Анна однажды беседовала с девицей Ольгой, которая пару месяцев служила няней у коммуниста Вехмаа, отсюда следовало, по мнению жалобщика, что госпожа Анна — коммунистка или, во всяком случае, связана с коммунистами...

Все это наводило на мысль: при большевиках тоже от подобных жалоб и доносов могли страдать люди, которых, наверное, обзывали фашистами лишь потому, что они не являлись коммунистами...

Пишут доносы теперь, значит, писали и тогда. Но теперь... Немцы почему-то равнодушны главным образом, когда это касается евреев. Алфреду непонятна эта всеохватывающая, почти фанатичная ненависть фюрера к евреям.

— Немцы сегодня считают,— объяснил Алфреду Отто Швальме,— что только тот, кто знал Германию в годы ее унижения — после крушения в 1918 году,— может понять, почему именно в Германии борьба с евреями приняла столь основательную и беспощадную форму. Ведь нацисты считают, что именно евреи подорвали дух сопротивления немцев еще во время мировой войны, а после заключения Версальского мирного договора они единственные снимали урожай с этой катастрофы Германии. Уже в 1916 году двадцать членов рейхстага под предводительством еврея Хаазе посмели открыто противиться немецким военным интересам и отказать в военном займе. Противники немецкого милитаризма, особенно во Франции, торжествовали. «Последнее заседание рейхстага равно победе наших вооруженных сил»,— заявляли они. Немцы считают, что в те годы в Германии осуществлялась власть

евреев, которые якобы достигли наконец желаемой цели.

Этот период времени нацистами определяется еврейско-республиканским, когда у власти были марксисты, а тысячи евреев заняли лучшие места в руководстве экономикой, также в культурных центрах; принято считать, что тысячи еврейских юристов исказили законы, дошло до того, что министром юстиции назначили еврея. Евреи стекались в Германию из Галиции и других восточных стран. Печать, театр, кино были в руках евреев. В экономике, торговле евреи обеспечили себе влияние на 90 процентов. Из-за инфляции обанкротились предприятия, обеднели широкие массы, а евреи за бесценок прибирали к рукам их имущество, фабрики. Евреи-миллионеры росли как грибы после дождя. В результате Германии был нанесен ущерб в тридцать восемь миллионов марок, государственный банк подорвали два брата-еврея Шлакеры, причинив ущерб на двенадцать миллионов марок. Дошло даже до того, что правительство было вынуждено назвать еврея Гольдшмита директором финансов Германии. Таким образом, в руках евреев сконцентрировались основные средства влияния на власть. После чего в стране все делалось по желанию Гольдшмита. Евреи господствовали и чувствовали себя, как считали нацисты, близко к заветной цели — владычеству над всем миром. И во время этого рабства немцев подрастает Адольф Гитлер — спаситель! Придя однажды к власти, он начал уничтожать евреев, и, похоже, для него все люди мира постепенно становятся евреями...

Отто Швальме представлялся Алфреду самым интеллигентным из его знакомых немцев.

Алфред гнал свой грузовик к городу и размышлял о жизни на земле, обгоняя повозки с лошадьми, шахрающимися от его машины. Он вспомнил, как сам недавно разъезжал на саареской Серой, которая тоже

боялась автомобилей. Что и говорить, он сумел сделать автомобиль своими руками, это было трудно. Однако еще более трудно разобраться в механике мировой политики. Что грузовик! Как понять, во имя чего евреи в Германии хотели стать владыками мира? А коммунисты? Тоже стремятся к господству во всем мире? Как они все ловко проделали: «Мы не будем вам навязывать коммунизма, живите, как хотите, только пустите за порог...» Ну, а немцы? Им что же — не нужно господство во всем мире? Они лишь евреев уничтожают? Но как с этим справиться, если, говорят, евреи рассыпаны во всем мире?..

А пока что, прикинул Алфред, достаточно кому-нибудь написать на Тайдемана, что он еврей, и он больше не домовладелец. Кому Алфред будет тогда платить арендную плату?

Грузовичок Алфреда поднялся на возвышенность Тахула, отсюда до Журавлей четыре километра и городишко хорошо просматривается. С запада, с моря, подул сильный ветер, норвя со свистом ворваться в кабину сквозь неплотно подогнанные стекла в дверце. Морозы в этом году нешуточные, скоро уже новый год, и интересно бы узнать, как сложатся дела Хуго. Что с ним будет теперь, уже известно: Хуго отпустили в отпуск, а потом мобилизуют, на этот раз в немецкую армию. Будет воевать на восточном фронте с русскими. Их отпустили на таких условиях. И спорить не приходится: кто платит, тот заказывает музыку.

Алфред знает, многие прячутся в его батальоне от восточного фронта: самооборона — не в окопах на морозе ждать пули, в самообороне даже лучше, чем в батальоне лейтенанта Лиса, которого недавно наградили железным крестом. Его батальон рыщет в немецком тылу, воюет со стариками да старухами, а попросту говоря, занимается недостойным делом, которому только одно название: бандитизм. Здесь же, в

самообороне, ты у себя дома, а в борделе всевозможных освободителей это лучше всего. Но люди разболтанны, это Алфред давно заметил, им нет охоты нигде служить, маршировать не желают, только на стрельбища за пастбищем Лонни едут охотно, пострелять не прочь, это у них вроде развлечения. На Алфреда, который требует от них дисциплины, поглядывают косо, хотя, конечно, подчиняются. Но что же будет, если и он на дисциплину рукой махнет? Нет уж, вопрос стоит так: или служить или нет. Если служить, то как положено. Если нет — уходи и сам за себя отвечай. А то хотят и целыми оставаться, и ноги не волочить... Такого он не потерпит, его с детства учила Ангелочек: когда что-то делаешь где бы то ни было, то делай на совесть.

Конечно, в этом политическом бардаке каждый во что-то верит и за это страдает, ведь и в России не просто от скуки революцию сделали, что-то толкнуло на это людей, но стало ли лучше? То же и немцы, ведь верят фюреру да еще как! Значит, им при нем стало лучше. Так же и эстонцы поверили президенту, поверили в то, что можно создать и сохранить свое маленькое государство, и за это умирали, но с маленькими никто не считался... Даже Финляндию чуть было не захватили, а она больше, чем другие страны у моря.

Въезжая в город, Алфред опять подумал про Хелли: что-то все же надо будет решить, потому что едет он домой, а хочется ему к Земляничке. Король... Да этот уже скоро самостоятельным будет. Алфред задумался: это и плохо, что самостоятельный, значит, все поймет, но еще мал, чтобы осмыслить. Может, перевести обратно в школу у Брюквоозера? Будет жить на Сааре...

Ладно, успеется. Сейчас он приедет и надо будет поспать, вечером в казарму. Надо выделить дежурных в город, в помощь полиции. Сейчас запрещены вече-

ра танцев (даже курсы танцев) в связи с тем, что идет война, где-то люди храбро умирают, а тут... танцы. В директории образования нашли, что такое не годится, и танцы запретили. Но люди-то... Ноги у них словно чешутся. Того и гляди где-нибудь затанцуют, задрывают, закружатся в веселом вальсе.

ГЛАВА VIII

В комнате дежурного по батальону жарко натоплено. Алфред задумчиво держит газету. Его сильно озадачила незначительная заметка под заголовком: «Подарок, достойный подражания». В ней говорилось о том, что земельный советник Карл Маллик подарил отрядам лесозаготовок четыре напильника и что сей благородный поступок является примером гражданам, у которых имеются напильники, и далее о том, что напильники принимаются и в качестве подарков, но также и покупаются лесничеством...

Незначительная заметка, а что-то в ней заставляло задуматься. У Алфреда в столярной, насколько он помнил, штук двадцать, по меньшей мере, напильников разной величины, как и должно быть у столяра-краснодеревщика. Конечно, он не собирается отдавать свои напильники лесозаготовителям. Он понимал, что рано или поздно опять продолжит свою основную работу, не вечно же в мире будет продолжаться война. Но эта заметка... И другая о том, что тысячи женщин вяжут носки для фронтовиков... Указывалось время приема-сдачи носков, выражалась надежда, что женщины успеют к назначенному сроку их связать и сдать. Такого рода заметки почему-то не нравились Алфреду. Ему не нравился тон: он был какой-то унижительный. В нем звучала не просьба, хотя вначале это была просьба: дескать, будьте добры, вяжите, пожалуйста, носки для солдат, у них ноги мерзнут. Те-

перь уже звучала не как просьба, а как указ, даже требование, приказ: дескать, сдать не позже, и надемся, будет выполнено. Так же и с напильниками... Такая вот мелочь! «Достойный пример для подражания»... Сдал напильник — чуть ли не герой. Почему бы не наградить за это железным крестом?

Опять же вот это: «Уезжающие с восточных территорий в Германию или генерал-губернаторство немцы ставятся в известность, что на границе они обязаны проходить прожарку, чтобы избавиться от вшей».

Нарушивших это постановление страшали тюремным заключением или каторжными работами.

Доктор Гора, выступая ежедневно по радио, призывает людей обоего пола к лесоразработкам: лес, мол, нужен для благополучия всего народа, во имя избавления от коммунизма. Значит, носки для солдат — во имя избавления от коммунизма. Значит, собрать кости животных, старые железные бочки, стриженные волосы — во имя спасения от коммунизма. А волосы... Один венгерский ткач открыл способ создания пряжи из человеческих волос. Пряжа сия соответствует качеству овечьей шерсти. Учреждение, проводившее испытания, сообщило, что 20 тысяч килограммов волос ежедневно обеспечат работу одной крупнейшей ткацкой фабрики Венгрии. Вопрос: где взять столько волос? Где взять столько старых железных бочонков, носков, леса, чтобы избавиться от коммунизма? И напильников? И пил?

Немецкое командование, в порядке демонстрации немецкой силы, ее избыточности и гуманности, освободило кое-каких политзаключенных. В Журавлях это происходило в театре в присутствии окружного комиссара господина Шредера, который выступил с речью. Он сказал: «Вождь немецкого народа, Адольф Гитлер, начал войну с коммунизмом и евреями, и он их уничтожит не только в России, но и в Англии и Америке.

От насилия коммунистов уже освобожден народ вашей республики, из среды которого большевики угнали более шестидесяти тысяч человек посредством высылки и мобилизации. Сегодня опасность большевизма отсюда навечно удалена немецким кулаком, также волей народа республики. Виновники, участвовавшие в коммунистической деятельности, получают по заслугам. Сегодня же многим дадут амнистию, их простят в надежде на то, что из них получатся примерные граждане. Идите домой и трудитесь».

Амнистированные благодарили, давали подписи, клялись остаться честными и исполнительными. В этой связи Тайдеман вспомнил времена барщины, когда здешних крестьян пороли за их провинности, но, бывало, некоторых помиловали, и они тогда гладили ляжку барана, давая клятву впредь быть послушными.

Собственно, немецкое командование выказало народу республики и другие знаки исключительного расположения. В честь Дня Независимости, помнится, от генерального комиссара Лицмана передали народу подарки: две тысячи цветных портретов фюрера, семьсот пятьдесят немецких государственных флагов и две тысячи настольных немецких флажков. Подарки распределялись между министерствами и городами. Но и народ республики не остался в долгу. Островная Земля, например, пожертвовала Германии тридцать пять тонн семенного зерна. Цифра небольшая, но все же...

Альфред был в задумчивости и в тот день, когда из штаба фюрера горделиво сообщили о прорыве русских защитных укреплений у Сталинграда. Потом, десятого сентября, немецкие войска вышли к Волге, а пятнадцатого сентября вошли в город, и Майстер произнес речь: «Волга! Вы даже не представляете себе, какая она большая — намного больше Рейна, площадь ее бассейна с вытекающими из нее реками превышает

территорию самой Германии после Версальского договора. Когда немецкий солдат доберется до ее устья, Волга принесет огромные богатства своим немцам, то есть человечеству».

И Алфред спросил себя: может ли такое в действительности осуществиться? Майстер рисовал малопонятные фантазии о Берлине как будущей столице Европы и распространялся о прибылях с Украины: что скоро сахара будет в достатке, потому что украинские сахарные фабрики снова работают. А на Украине сахарная свекла всегда была основной хозяйственной культурой, и Украина — сахарной базой Советов. Когда большевики оставили Украину, они пытались уничтожить сахарные заводы, но быстрое наступление наших войск помешало им это осуществить. Теперь с помощью немецких специалистов и доставленного из Германии недостающего оборудования сахарные заводы опять в работе. Даже работают фабрики, изготавливающие спирт и коричневый сироп — мелассу.

Майстер известил, что в украинских городах после суровой зимы везде царит оживленная деятельность. Немецкое управление вместе с трудолюбивым местным населением успешно проводит восстановительные работы.

Алфред не был в курсе всех событий в мире, ему к тому же приходилось время от времени на своем грузовике возить от порта Ползучего Острова особо секретные грузы в те бараки, которые немцы построили у самого болота за скотобойней. Возможно, оттого и оставили в его распоряжении грузовичок.

Поэтому откуда ему было знать, что немецкому послу в Турции фон Папену был сделан аттендат, после чего фюрер поздравил посла с благополучным уцелением. Как там теперь турки себя чувствуют? И лишь от Отто Швальме узнал Алфред, что канадские, американские, мексиканские индейцы избрали Сталина

почетным вождем... за большое умение в ведении войны.

За укрывательство сражавшихся красноармейцев расстреляли трех человек — мужа, жену и брата последней, это как не узнаешь! В батальоне зачитали приказ. Еще расстреляли 18-летнего парня, убившего своих родителей, причем оказалось, что в сорок первом паренек принимал участие в комсомоле. Отсюда всех и известили, что свой мерзкий поступок он совершил под влиянием комсомольских убеждений. О том, что прошлой осенью под Москвой погиб знаменитый Стаханов — создатель известного рабочего движения, Алфред также узнал случайно, и это конечно же потому, что Советское правительство больше полугода скрывало этот факт. Да и честно говоря, Алфред вообще-то и знать не знал, что существовало какое-то стахановское движение.

Недавно Алфред сам стал домовладельцем... условно. Из-за национализации многих домов в городе у Тайдемана возникла мысль: могут подумать, что у него чересчур много домов... Они с Алфредом потолковали, и Тайдеман оформил дарственную на имя Алфреда. Таким образом, дом, где размещалась столярка, стал как бы его собственностью, и хотя все это было вроде не всерьез, Алфред в глубине души не то что надеялся, но подумал, что в жизни всякое может случиться, особенно когда человек уже в таком возрасте. К тому же в газете появилось объявление о необходимости создания для каждого немецкого дома национальной мебели (также немецко-эстонского дома), чтобы было просто, модно, практично и удобно. А главное, чтобы каждый тишлер¹ мог ее изготавливать. Обращение адресовалось специалистам, чтобы помогли разработать эскизы такой мебели. Алфред посмеи-

---

¹ Тишлер — столяр (нем.).

вался: у него без эскизов получается отличная мебель. Он даже хотел уйти из службы самообороны, взять учеников, раз в этом деле видят государственное значение, но Отто объяснил, что это в будущем, сейчас же фельдфебель нужнее. Алфред на всякий случай вырезал из газеты статью, прикрепил ее кнопками над верстаком: при необходимости покажет кому надо в доказательство, что тишлер — работник государственного значения.

Тем не менее в последнее время он все чаще стал задумываться.

Его настораживали различные незначительные наблюдения, ведь по природе своей он был очень осмотрителен. Осмотрительные люди, как правило, обладают развитым нюхом и наблюдательностью или даже, скорее всего, интуицией, которая заставляет задуматься. О чем же? А вот о чем: с одной стороны, немецкие солдаты уже на улицах Днепропетровска, Сталинграда. В газетах, журналах кричащие, ликующие заголовки и фотографии несравненных и непобедимых войск вермахта. С другой стороны, он хорошо помнил это, как в точности то же самое еще не так давно распевалось в адрес Красной Армии...

Следовательно, подумалось Алфреду, всякая армия непобедима... пока ее не победили, пока не разбили. «Человеческая жизнь — наша самая большая ценность», — говорил в одной из своих речей фюрер. Алфред уже слышал аналогичное высказывание и от тех, кто пришел освобождать республику с востока, а из рассказа Хуго он мог заключить, что как одни, так и другие сильно врут: человеческая жизнь нигде не ценится, поэтому необходимо самому относиться к своей жизни уважительно.

В печати бесконечно стали писать о массовых убийствах в России, и старый Прийду с хутора Рямпли, будучи в городе, как-то зашел к Хелли и высказался

по этому поводу так: «Удивительно, что в России еще есть живые люди, по немецким данным, там убито больше, чем их было до начала войны»...

Потом, скажите пожалуйста, и доктор Гора и другие разные величины стали ораторствовать о том, что Республике, дескать, доверяют создать собственный легион из добровольцев, чтобы республиканец сражался за свое будущее наравне с немцами, что парням республики откроется возможность заслужить награды и ордена в собственном национальном войске, и надо быть за это благодарными вождю...

В то же время почти ежедневно появлялись строгие наказания, предупреждения, указы: какие радиостанции можно слушать, какие нет. Неоднократно печатался список дозволенных станций. В нем не было, разумеется, Москвы, Ленинграда, Лондона и Вашингтона. Многих станций мира не было в этом списке. Так что, когда крутишь приемник и случайно нарвешься на Лондон или — не дай бог! — Москву, живо крути дальше, чтобы твое ухо не ранило непотребное слово с антифашистской начинкой. В случае непослушания — угроза отобрать приемник и другие наказания «военного времени»...

Уж в который раз объявлялось «последнее предупреждение»... Неоднократно обращалось внимание на опасность, исходящую из вражеского радиовещания, что нельзя злоупотреблять доверием, оказанным германским командованием, оставившим радиоприемники гражданскому населению на прибалтийской территории. Тем более что немецкое радио и печать достаточно ориентирует в военной ситуации, в то время когда еврейская пропаганда создает путаницу, тем более если безответственные радиослушатели считают нужным лжесвидетеля распространять среди других. Рейхкомиссар восточных территорий объявил приказ о применении особых мер относительно нарушителей, эти

меры внушат каждому, что у него нет никакого права удовлетворять свою любознательность по собственному усмотрению и при этом отрицательно влиять на собственный боевой дух... У войны свои, особые законы, и задачей вождей является сохранение сил Германии и находящихся под ее защитой народов, направленных к единой цели — к Победе. Поэтому не исключается необходимость применения самых строгих мер...

Похожие наблюдения заставляют задуматься, хотя ты и являешься фельдфебелем самообороны.

Задумываться Алфреда заставляла также забота о Короле Люксембургском, который продолжал жить в своем собственном мире — в королевстве детских фантазий, не вникая во взрослые проблемы, тем более политические. Ему было глубоко наплевать на Сталина, который якобы 7 ноября «орал», требуя, чтобы дали ему второй фронт, что ему надоело ждать, Королю и на второй фронт было наплевать, и на восточный и западный тоже; ему было начхать на то, что японцы захватили Сингапур и перекрестили его в «Сияющий Юг»; его мало волновали трудности с солью, а мяса лично ему хватало, во всяком случае, в его тарелке оно всегда плавало, хотя лесным рабочим в это время давали только рыбу; его не касались призывы к мужчинам вступать в батальоны полиции обороны, поскольку короли не служат нигде; его не волновали сведения из Ленинграда, по которым там якобы ежедневно умирали десять тысяч человек; зато ему было чрезвычайно интересно: что станет делать господин генеральный комиссар с той пони, которую ему подарили, когда он посетил остров. Короля не касалась торжественная отправка добровольно мобилизованных в эстонский легион, который вскоре отправится учиться в лагеря Германии.

Но самому Королю учиться очень не хотелось, и

эта необходимость его глубоко задевала, даже как-то оскорбляла. Однажды осенью его назвали вандалом, хотя и непонятно в связи с чем. С тем, что участились кражи яблок из садов? Причем многие яблони совершенно опустошались и ветки ломались. Общепонятно решили тогда положить конец такому вандализму. «Что такое вандализм?» — поинтересовался Король у Алфреда, который даже не соизволил ответить. Дело в том, что Короля тогда как раз поймали с поличным...

Когда Его Величество шел в школу, он обычно со страшной силой завидовал всем встречным: они могут не ходить в школу.

Возможно, в том, что Его Величество невзлюбил школу, подумалось Алфреду, виноваты и он с Хелли: еще до начала занятий в первом классе грозили, что вот «пойдешь в школу, там возьмут в работу, там покажут, поблажек не дадут, сделают из тебя человека». Возможно, именно тогда и зародилась в нем патологическая ненависть к школе как к рабству, неволе. Так думал Алфред и был, наверное, прав.

Имея к школе такое неприятие, Король как бы механически вызывал к себе похожее отношение и со стороны школы. Он не отличался умственно от других, во всяком случае, не отставал, в чем-то даже превосходил: он мог мечтать, он мог жить в сказке.

В его мечтах теперь властвовала Марви. Королю представлялось, как он совершит какой-нибудь подвиг, станет знаменитым, богатым, будет щедрым и добрым, а в доме Марви о нем будут говорить с уважением и восхищением, и вдруг она попадает в страшную беду, и он ее спасает, она в него влюбляется, но судьба надолго их разлучает: он вынужден уехать в неизвестность, может быть на фронт. А она его ждет, отказывая во внимании другим. Наконец он возвращается, и этот главный момент их встречи представ-

ляется ему особенно четко: вот она его увидела... ее сердце останавливается, она бежит, летит ему навстречу, а он стоит и ждет, неотразимый в своем великолепии. И вот... Следуют другие, невероятные, красивые мгновения...

Властвовали в нем и другие чувства, не связанные с любовью. Он долго торжествовал по поводу одержанной победы над юмбу, будучи уверенным, что об этом никто не знает, ведь ему тогда легко удалось скрыться в камышах, и одни только утки были свидетелями, как он карабкался по крутой, давно потерявшей доломитовую облицовку стене, которая когда-то была фортом, как окольными путями вышел к бухте, а оттуда как ни в чем не бывало домой. Ах, да! А гиря? Она и сейчас где-то в камышах, и там ее ни одна собака не найдет...

И не нашли. Было лето. В огородах рыли бомбоубежища. Короля Алфред тоже принудил накачивать мускулатуру лопатой.

— Слышишь, гудят? — Алфред показал глазами вверх. — Это наши. А могут прилететь и не наши, где будешь прятаться? Вот и рой.

За ужином Хелли недоумевала:

— Как мы узнаем, когда надо бежать в убежище? Самолеты все время летают, откуда знать, какие будут нас бомбить, какие нет?

— По шуму моторов, — объяснил Алфред. — Когда наши, у них моторы гудят ровно, русские бомбардировщики тяжело нагружены, у них гул моторов вибрирует: оу-оу-оу.

Но и это объяснение не удовлетворило Хелли.

— Интересно получается, — рассуждала она. — Я сплю, он летит, и я, сонная, должна определить, как у него гудит мотор: оу-оу-оу или ай-ай-ай...

Всем стало весело от шутки Хелли, и Королю вдруг

захотелось откровенно признаться, что это он Геркулеса изуродовал. Они все заливались смехом, и только с Карпом он так беззаботно смеялся, и он подумал, что очень их любит — и Хелли и Алфреда. Он уже было открыл рот, уже проговорил: «А это я...» — и осекся. Не поймут. Не согласятся. Нельзя говорить. Он продолжал хохотать вместе с Хелли и Алфредом, а смех звучал уже менее беззаботно, а глаза и вовсе оставались серьезными.

— А чтобы тебе спалось не прислушиваясь, — сказал Алфред своей жене, — выставь вот этого молодого часового. Как только услышит подозрительное «оу-оу», так поднимет тревогу... А ведь это мысль! — он стукнул себя удовлетворенно по лбу. — Это надо организовать. Пусть со всех домов такие вот солдаты по очереди дежурят на улицах — война же идет, пусть и они послужат.

Хелли что-то не понравилось в речи ее умного мужа. Она, нахмурилась, спросила:

— Кому?

— Что? — не понял ее Алфред. — Что «кому»?

— Кому они должны служить? — повторила Хелли свой вопрос.

Алфред взглянул на нее изучающе. Ее добрые честные глаза смотрели задумчиво и серьезно в зеленые, немного легкомысленные, быстрые глаза мужа.

— Ты же... — Алфред проговорил тихо, со значением, — политикой не интересуешься...

— Но все же, — не отставала Хелли, и Король не уловил сути их словесной дуэли за столом, когда один защищался от невысказанного вслух упрека, но это было неизвестно Королю, — эти двое как будто понимали друг друга вполне, и Алфред сказал ей:

— Нам с тобой пусть сослужат службу, мы же для них делаем все. Что же касается столярки... — он немного замаялся, — у меня появились кое-какие заказы,

так что буду делать мебель в... свободное от дежурств время,— закончил он поспешно.

И только Король не догадался о значении этого разговора — за столом, и о том, что Хелли было предпочтительнее не интересоваться политикой, что ей было приятнее, когда Алфред делал столы и серванты для кого угодно, чем командовать строем солдат — «Запевай!» — ходить в казарму, отсутствовать по нескольку суток, вечно спешить на вечерние проверки, на дежурства, на стрельбища, на облавы и обыски. Хотя и успокаивал ее Алфред, что его служба почти не имеет отношения к политике, что это все равно, как раньше была полиция, что и сейчас полиция существует, но время-то военное и полиции не под силу справиться со всевозможными внутренними делами, что потому они и называются службой самообороны, немцы воюют, а они сохраняют порядок, а что немцы и не русские... Скажи, пожалуйста, чем русские строевые песни лучше немецких? Ведь поем и свои, эстонские: «Эстонская земля, твой мужественный нрав до сих пор еще жив...»

Король с Вальдуром и Свенем стали нести охранную службу в первой смене, которая проходила по Закатной улице и улице Моря и длилась от десяти до двенадцати, после чего их сменяли ребята постарше.

Ночной королевский патруль вооружился кастрюлями и сковородками, по которым они должны были колотить кухонными деревянными толкушками в случае тревоги. Еще они обязаны были следить, чтобы во всех домах как следует соблюдали светомаскировку. Если где-нибудь замечали хоть полосочку света, стучали в окно и орал: «Свет!» Жутко орал, им это нравилось, обычно так дико орать запрещалось.

Но тревогу поднимать оснований не было, а так хотелось поколошматить в эти кастрюли. Как-то повезло, услышали подозрительный звук издали, словно

шмель летает. Их даже в дрожь бросило от радости. Так гудят самолеты, когда они еще далеко. Какой же они великолепный концерт устроили с криками: «Летят! Спасайся, кто может!» Какой же они грохот подняли и какая началась беготня! Городские собаки старательно их поддержали, вскоре и зенитные пушки где-то неизвестно почему заговорили. Люди выскакивали из домов кто в белье, тащили детей и котомки. Одним словом устроили великолепную тревогу, но одно плохо — самолетов не было, ни своих, ни чужих, так что, скорее всего, это действительно был шмель. А утром... били уже не деревянными толкушками и не по кастрюлям.

Но это было летом, когда жизнь прекрасна, даже если не бомбят и тебя за это иной раз накажут. Теперь же зима, а это значит, что каторга, и жизнь в целом неинтересная, и по-прежнему не бомбят.

Рождество и Новый, 1943 год выдались на этот раз великолепными, они отличались таким богатством, которого Его Величеству видывать еще не приходилось.

В торжественной комнате стояла красавица елка, разнаряженная игрушками, мятными петушками, конфетами разных сортов и величины, какие Королю никогда и не снились, разноцветные свечи, волосы русалок — тонкие, серебристые, такие же бороды гномов, яблоки, груши и конечно же бенгальские огни.

А стол! Такие блюда ни есть, ни нюхать, ни видеть Королю раньше не доводилось. Наконец, вина. В них Королю трудно разобраться по той причине, что не полагалось, но созерцать и удивляться превосходной красоте бутылок он мог. Они красивы видом, и свои и заморские. Наконец, гости! Как свои, так и заморские! Мундиры, иностранные языки. Аромат тонких папирос нравился Королю. За столом присутствовали: конечно же господин Отто Швальме, без супру-

ги — она в Германии; майор Дитрих, недавно появившийся в доме Алфреда, без супруги, — в Германии; майор Майстер, друг господина Дитриха, плотный и круглый, без супруги, но с дамой, ею оказалась госпожа Морелоо, мать Морского Козла. Король вспомнил подарок Морского Козла в свой день рождения... Тайдеман, в строгом темном костюме в полоску, на ногах старомодные ботинки с гамашами. Конечно, доктор Килк с Аделью. Король с кротостью воспитанного человека приветствовал пришедшего с ними Пропорционального человека. Как были одеты доктор и его семья — не предмет для пересказа, воспитанные люди это знают.

А как же самые близкие добрые соседи, семья Калитко? Их за столом, разумеется, не было.

Жорж Калитко Королю попадался, бывало, тут и там изредка, но ничем выдающимся не привлекал внимания его августейшей особы. Однажды, в собственном дворе, пробегая мимо и наскоро поздоровавшись, Король был удивлен — ведь такого раньше не случилось никогда, такого особого внимания со стороны этого неряшливого мрачного типа: он схватил — какая наглость! — Его Величество за плечо и произнес на сквернейшем эстонском языке с сильным русским акцентом:

— Сина юба меез! Ая-а? ¹

Похлопав Короля по плечу, он пошел в свой коричневый дом, о котором лучше всех в семье Короля могла бы рассказать Хелли, бывавшая в нем почти ежедневно, контакты ее с Марией Калитко продолжались.

Не пришлось Пропорциональному Арви развлекать себя демонстрацией собственного превосходства, рассказывая Королю о своем жизненном опыте и знаниях. Его Величество пригласили за стол взрослых, где

---

¹ Ты уже мужчина? (эст.)

он занял место рядом с Алфредом. А Арви куда-то пристроили, но Король, кажется, и не видел его более.

Сперва говорили на смеси эстонско-немецкого языка о том, в какое сложное время мы живем, взрослые выпили за то, чтобы это сложное время скорее миновало, затем зажгли свечи и майор Дитрих запел приятным голосом «Танненбаум». Все его поддержали, даже Король, эту песню все знали почти с рождения. Правда, пели на разных языках.

Последовали другие песни, которые начинал майор Дитрих. Поддерживали лишь Отто, Майстер и Алфред. Король обратил внимание на то, что Тайдеман не пьет, но жадно ест. А пел он на настоящем немецком языке. Король ждал, когда Алфред возьмет аккордеон, и когда это наконец случилось — теплая волна захлестнула его сердце, при первых аккордах он замирал и по спине бегали мурашки. Он вопросительно смотрел на окружающих: вы слышите ли? Он гордился Алфредом. А Хелли! За ней ухаживал Отто Швальме. Хелли тоже была захвачена обворожительными звуками, которые ловкие пальцы ее мужа извлекали из инструмента. Но дело разве в пальцах? Сами пальцы не более как исполнители, звуки, неважно кто их создал впервые, они ведь идут от души, от всего сердца, из всей сущности того, кто их извлекает из инструмента. Но что в этой душе творится? Может быть, это хотелось понять Хелли? Звуки льются прекрасные, но...

Король был счастлив. Такого не мог никто из тех, кто здесь был. Он также гордился Алфредом, когда заказчики, приходившие в мастерскую, восхищались мебелью, которую Алфред делал для них — такого, Король знал, не умеет никто другой. А то бы сами себе делали, но не умеют же...

Присутствующие также слушали с удовольствием, потому что Алфред на самом деле играл виртуозно.

А музыка... Она, как и смех, международна, если она — музыка, а не просто нагромождение звуков. Алфред не признавал плохой игры, для него существовало достаточно прекрасных мелодий в мире. Он их играл. Вальсы Штрауса и мелодии из оперетт Кальмана с тех пор стали любимыми Королем, особенно последние. Нет, он ничего не имел против Оффенбаха, не возражал и против Легара, но Кальман, почему — неизвестно, ему нравился больше. Вообще-то Король разделял заботы Алфреда в такое сложное время, когда каждому добытому куску чего-нибудь вкусного приходилось радоваться как большой удаче, и он понимал, как Алфреду нелегко что-нибудь раздобыть для него и Хелли, Королю не приходилось ведь ломать голову над тем, чем завтракать, обедать, ужинать. Время сложное — да, но на хуторе Сааре подрастали новые умные свиноушки, неслись куры, доились коровы. Хелли больше не стирала, это верно: все-таки ее муж — фельдфебель. Но зато она теперь вязала спицами. Ее руки были постоянно в движении. К ней приходили женщины заказывать свитера, пуловеры, шали, платья, и она не отказывалась от платы продуктами за свою работу.

А в их дом в последнее время все чаще стали приходиться солдаты, которые побывали в России на фронте. До уха Короля доходили непонятные обозначения: «котел», «дуга», «клещи» и другие. Говорили про русские города, он не стал спрашивать, что, собственно, означают Великие Луки, даже если скажут, он все равно не поймет, потому что это в другой стране — чужое место. Солдаты подчеркивали при этом, как они, однако, здорово воюют, как иваны идут в атаку пьяные и их так много — не успеваешь стрелять. Наряду с описанием своих подвигов они рассказывали, какая у иванов в России кошмарная жизнь, дескать, во всех деревнях жуткий голод, бедность, дети — скелеты, но...

сопротивляются, а зачем? Когда их от такой жизни хотят освободить, когда идут культурные, развитые народы создавать для них новый порядок? Дескать, непонятно, как можно быть темными до такой степени...

Король представлял себе маленького Ивана и радовался за него, что он где-то здесь, значит, не там, в голоде. И еще он радовался, что и сам он — здесь, и Алфред обеспечивает ему и Хелли сохранность, и они не голодают. Когда говорили, что «наши» побеждают, он тоже радовался — будет новый порядок, а порядок — это порядок, это то, что от него постоянно требовали: чтобы руки были вымыты, зубы почищены, постель заправлена, ноги мытые, уроки сделаны — чтобы был порядок. Он, конечно, не очень любил все это выполнять, но в душе-то понимал, что требуют от него то, что правильно, а следовательно, порядок — это хорошо. Какая разница между порядком старым и новым? Ну кто же это знает. Только если говорят новый порядок, то, наверное, надо понимать так, как он и понимает замену собственных старых ботинок на новые: новые-то лучше, чем старые.

О, Танненбаум! О, Танненбаум!

...В дежурке батальона этот дурак, дневальный, все-таки чересчур жарко натопил, перестарался. Когда Алфред дежурит, дневальные стараются... Алфред бросил газету. К черту! Думай не думай, а скоро утро и надо приступать к обязанностям: предстояла утренняя проверка. Да, но с Королем... С ним тоже что-то решать необходимо.

ГЛАВА IX

Король Люксембургский, или просто Люкс, был предоставлен самому себе. Каникулы! У взрослых полно дел, они воевали, читали газеты и слушали радио. Здесь в центре внимания конечно же вождь немецкого народа. Он выступил по радио: поздравлял с Новым

годом. Также выступили по радио с речью рейхсминистр Геббельс, затем маршал Геринг, который выразил надежду, что предстоящий год станет годом победы и мира, по поводу чего Тайдеман заметил: «Мир и победа в толковании Геринга исключают друг друга понятия». Тем более когда тут же начинается подсчет, сколько немцы потопили кораблей, сколько взорвали мостов, сколько убили людей противника — какой уж мир! «Полные восторги, а по поводу чего? — удивлялся Тайдеман. — Что Красная Армия потеряла уже шесть миллионов человек убитыми?! Вот радости! Шесть миллионов живых людей убито...» Ему возражили: «Русские же!»

Доктор Гора тоже произносил речи, призывая усилить кампанию пополнения запасов металла. Заодно запретил гадалкам предсказывать судьбу. Оказывается, им впредь не разрешается ни гадать на картах, ни объяснять прошлого, ни предстоящего. Запрещаются также графология, ясновидение, хиромантия, астрология — за все штраф три тысячи марок! А за изготовление самогона — смертная казнь.

Началась свистопляска речей: один день — речь рейхсминистра Геббельса, на другой — рейхсмаршала, на третий — постановления доктора Гора, на четвертый — речь Розенберга, на пятый... Но это так просто не перескажешь: на пятый день батальон самообороны в строевом порядке шагал по улицам, рядом Алфред — запевай! — и примаршировал к зданию так называемой немецкой гимназии. Здесь чинно вошли в актовыв зал и вскоре погасили свет. На экране замелькали кадры фильма, размноженного на тысячи экземпляров, разосланные по всем странам, освобожденным доблестными войсками вермахта. Сам освободитель Европы и создатель будущего обратился ко всем народам с речью. А как он смотрелся с экрана! В ладно подогнанной форме, он выглядел даже стройным! На

ногах облегающие черные блестящие сапоги, которые, видать, понравились операторам: они не раз показывали ноги вождя в тот именно момент, когда, выкрикивая вдохновенные мысли, он то вставал на носки, вытянувшись в горделивом экстазе, то со стуком опускался на каблучки, возвещая при этом подданным, что Карл Маркс — собачья горда или рожа пуделя. Но в целом его речь произвела на Алфреда впечатление, поэтому необходимо внимательно к нему прислушаться.

Что сказал фюрер?..

«Германия и ее союзники смотрят в будущее с уверенностью! — оповестил вождь. — В полной мере мы это осознали лишь в прошлом году, потому что, если бы в 1933-м мы не победили, Германия осталась бы такой, какой была тогда, — неразвитой, со стотысячным войском, которому неминуемо предстояло развалиться.

Уже тогда на востоке поднимался великан, поставивший перед собой лишь одну цель: напасть на слабую и расколотую международными распрями Европу. Если бы тогда наша борьба за власть не увенчалась успехом, единственное государство, способное противостоять опасности с востока, тогда бы не состоялось. Сегодня мы знаем, что Европы могло бы уже не быть. Поэтому наша борьба тогда казалась борьбой за внутреннее превосходство, на самом деле она была во имя спасения Германии, а в более широком значении — всей Европы. Что победа должна была остаться за нами, в этом я был уверен тогда так же, как и сегодня, ибо судьба и всевышний дают победу лишь тем мужчинам, которые ее заслуживают. (В залах — на экране и в гимназии — заплодировали, и тут и там публику представляли лишь люди в военной форме.)

...Мы бы победили и в 1918 году. Но народ Германии тогда этого еще не заслуживал. Он не осознавал

своего предназначения и предал себя. Потому, будучи неизвестным, человеком без имени, я тогда среди совершенного развала решил начать отстраивать государство. Я был убежден, что лишь после того, когда мне это удастся осуществить, немецкий народ сможет осознать свое внутреннее содержание, свою сущность и станет способен добиться, чтобы 1918 год не повторился...

Когда я сегодня оглядываюсь назад, то могу сказать: больше, чем нам, всевышний не дарил успеха ни одному народу. То, что мы за последние три года добились против мира, полного врагов, есть чудо и останется в истории неповторимым. Этого не отменяет и то обстоятельство, что не обходилось без кризисных ситуаций: в Норвегии, где все было вверх ногами, мы задавались вопросом, сумеем ли удержать Нарвик или наше предприятие не состоится. Надо было обладать фанатической верой, чтобы не струсить. И вера эта наконец себя оправдала.

Сегодня стоим против тех же врагов. В прошлой войне были те же противники, которых и сегодня нам необходимо победить. Однако две вещи отличают нынешнее положение от предыдущего: первое — наше ясное представление тайных устремлений противников и второе — достигнутые нами победы исторической значимости. Мы сражаемся далеко от родины потому, чтобы ее защитить, чтобы вести войну по возможности от нее дальше. Сегодня нашим внешним врагом является та же коалиция, начиная с полуеврея Рузвельта с его еврейским мозговым трестом, кончая еврейством в марксистско-большевистской России... Капитуляция — неизвестное мне слово», — сказал фюрер.

Вождь припомнил время, когда демократическая Германия наивно поверила людям, доведшим жизнь в ней до того, что семь миллионов человек вообще не имели работы и еще семь миллионов имели ограничен-

ную работу, сотни тысяч крестьян были согнаны со своих хозяйств, торговля и транспорт захирели.

«Тогда, — сказал фюрер, — была кайзеровская Германия, теперь же национал-социалистическая, тогда был Кайзер, теперь — Я. Разница в одном: тогдашняя Германия была кайзеровская лишь теоретически, в действительности же расколота. Кайзер был безвольным человеком, у которого отсутствовала всяческая сопротивляемость противникам, во мне же они имеют дело с человеком, кому вообще не знакомо слово «сдаваться» (длительные, ураганные, восторженные аплодисменты).

Все наши враги должны знать, если Германия в свое время складывала оружие для отдыха без четверти двенадцать, то я принципиально не остановлюсь раньше пяти минут первого! (Аплодисменты, перерастающие в бурные овации.) Это научились понимать десять лет назад мои внутренние противники. Все силы были тогда на их стороне, я же был один с горсткой сторонников. И сегодня я могу сказать, что надежда наших внешних врагов, будто они способны нас подавить, почти смешна, сегодня мы — сильная сторона.

Приведу небольшой пример из истории. Когда в худшие времена против Фридриха Великого стояла коалиция из пятидесяти четырех миллионов человек, он выстоял с тремя-четырьмя миллионами пруссаков. Сравнивая тогдашние позиции и численность с сегодняшними, можно сказать: они глупы, если полагают, что можно когда-нибудь сломать Германию, что могут меня чем-нибудь утратить.

Свен Гедин опубликовал в эти дни книгу, в которой он достойно хвалы цитирует мои предложения, которые я в свое время через англичан делал полякам. Я испытывал дрожь, когда перечитывал эти предложения, и могу благодарить Всевышнего, что он все иначе рассудил, и за остальное, мне известное, сегодня. Если

бы мои предложения были тогда приняты, Германия получила бы Данциг, но все остальное осталось бы по-прежнему. Мы бы углубились в наши социальные задачи, работали бы, украшали бы наши города, жилища, строили дороги, организовывали школы — построили бы настоящее национал-социалистическое государство и не уделяли бы столько значения армии... Но однажды примчался бы с востока ураган, смел бы Польшу и, прежде чем мы успели бы осмотреться, достиг Берлина. Что так не произошло, за то я в долгу перед теми господами, кто тогда мои предложения отвергли.

Не всегда я поступал так, как желали мои противники: я сам вначале все взвешу, потом решаю и делаю принципиально совсем по-другому. Когда, например, господин Сталин ждал, что мы будем наступать в центре фронта, мне совсем не хотелось наступать в центре. И вовсе не потому, что господин Сталин этого ждал, а потому, что это для меня не представлялось важным. Я хотел выйти к Волге в определенном месте и в определенном городе. Случайно этот город носит имя самого Сталина.

Не надо думать, что по этой причине я туда маршировал — по мне город мог называться и по-другому, — потому, что эта точка особенно важна. Там можно отрезать около 50 миллионов тонн доставки товарами противника, в частности, около девяти миллионов тонн мазута и масел. Там сконцентрировалась пшеница из всей Украины и Кубани, оттуда переправлялась мангановская руда. Этот гигантский узел необходимо было захватить. И он захвачен! Незахваченными остались две-три местности поменьше.

Некоторые говорят: «Почему вы не продвигаетесь скорее?» Потому, что я не хочу там создавать второго Вердена, я обойдусь намного меньшими наступательными частями. Время при этом не имеет значения, ни

один пароход уже не поднимется по Волге, и лишь это важно, лишь это решающе! (Эти слова вождя сопровождаются ураганными аплодисментами, к которым присоединились и собранные в зале «немецкой гимназии» самооборонцы и немцы.)

Нас упрекали и в том, что долго медлили у Севастополя. Мы не спешили, не хотели большого кровопролития. Однако Севастополь в наших руках и Крым в наших руках. Мы целенаправленно, упорно достигали одну цель за другой. И если противник теперь готовится к наступлению,— пусть, не думайте, что я стремлюсь его опередить. Дадим ему наступать, если ему хочется, оборона выходит дешевле, противник при этом обильно истечет кровью. А с прорывами мы всегда справлялись. Во всяком случае, русские сейчас стоят не на Пиренеях и не у Севильи,— это мы равное расстояние преодолели до Сталинграда и до Терека.

Когда что-нибудь выходит неудачно, то обычно говорят: то сделали неверно и это неправильно. Например, когда немцы пошли на Киркенес, или Нарвик, или Сталинград... Но необходимо все же дождаться результатов, чтобы заключить: стратегическая ошибка. (Бурные аплодисменты.) Видно же по-многому, были ошибкой захват Украины, или рудоносные округа Кривого Рога, или разве было большой ошибкой, что мы захватили кубанские территории, являющиеся богатейшим хлебным амбаром в мире? И разве ошибкой было то, что четыре пятых или пять шестых советских нефтеперерабатывающих заводов мы разрушили или захватили? Когда бы англичанам удалось закрепиться в Рурском округе, скажем, на Рейне, затем еще на Дунае, на Эльбе, наконец, в Верхней Силезии — все это, вместе взятое, равняется округу Донецка с Кривым Рогом,— так что, когда англичанам тоже удалось бы отхватить у нас нефтяной источник Магдебург, разве

они сказали бы, что сделали большую ошибку, отхватив у немцев эти места? (Бурные овации.)

Свои стратегические планы я никогда еще не составлял по рецептам других или по их усмотрению. Конечно, и это было ошибкой, во Франции, когда я прорвался и не пошел с верхнего конца вокруг, но это оправдало себя. (Новые бурные и веселые овации.) Во всяком случае, англичан теперь из Франции вышвырнули. Но они были прямо у нашей границы, рядом с Рейном — с нашим Рейном, а где они теперь? А если сегодня они и говорят, что в пустыне несколько продвинулись — они и раньше не раз продвигались вперед, а затем отодвигались назад, — решающим в настоящей войне остается тот, кто даст сокрушительный удар. И что именно мы это сделаем, в этом они могут быть уверены». (Восторженные овации.)

«Недавно в одном американском журнале печаталось, что при национал-социализме самое страшное — это женщины. Несомненно, национал-социализм дал женщине больше, чем... Он поднял ее социально. Собрал ее в могучие организации. В журнале говорится, что этому не могут подражать демократические государства. И поскольку они этому подражать не в состоянии, то им остается выкорчевывать национал-социалистических женщин, поскольку они необратимы и фанатичны».

Вождь коснулся героических дел избранных руководителей в Италии и Испании. Перебыв кое-кому косточки в этих странах, мимоходом и в Венгрии, он вернулся в Восточную Европу, где господину Черчиллю многое казалось обнадеживающим.

«Черчиллю, например, представлялось обнадеживающим, когда Англия объявила войну Германии; когда господин Криппс впервые летел в Москву, — это представлялось Черчиллю не менее обнадеживающим, чем его обратный полет из Индии; когда генерал Макартур

удачно справился с своевременным бегством с Филиппин, Черчиллю показалось обнадеживающим, как и то, когда двадцать английских солдат сумели кое-где выбраться на берег территорий, оккупированных немцами, чтобы тут же, увидев германских солдат, дать тягу; Черчиллю кажется обнадеживающей болтовня ноликов в лице правительств, сбежавших в Англию, и многое другое такого рода».

Фюрер подчеркнул, что ему зато кажется обнадеживающим то, что большевистская опасность от рейха откинута на тысячи километров. Обнадеживают вождя и героические дела японцев. Самое же обнадеживающее, считал фюрер, что Черчилль и Рузвельт действуют в Лондоне и в Вашингтоне, а не в Берлине и не в Риме...

«Английские и американские генералы не в состоянии запугать меня,— сказал фюрер,— господин Черчилль, которого я в мае 1940 года предупредил, дождался, что я начал действовать, и тогда он застонал. Ну пусть сей господин не стонет и не причитает, мои ответные удары принесут много бед его народу. Я буду отвечать ударом на удар до тех пор, пока этот убийца не падет и его устремления не развалятся. Так же обстоит дело с коммунистическим великаном, которого мы бьем до тех пор, пока он не сломается. Хотя англо-американская печать и бредит уничтожением нашего подводного флота и своих английских изобретений — наши-то суда с каждым днем становятся все более мощными. Невзирая на пьяные высказывания Черчилля в 1939 году, могу утверждать: Англия не победит в этой войне, она ее проиграет и тогда лишь, вероятно, дойдет в истории своей до понимания, что нельзя доверять судьбу государства в руки циничных пьяниц и психически больных. В этой борьбе победит справедливость».

Момент престижа для нас не существует. Нас уп-

рекают, что мы будто бы обороняемся у Ленинграда. Это верно. Враг должен выйти из города. Я не пожертвую ни одним солдатом больше, чем необходимо. Из Ленинграда не спасется никто. Кто выйдет, падет от наших орудий.

Мы определяем темп и развитие хода войны. Число военнопленных превышает три с половиной миллиона. Если сюда добавить раненых и убитых, то Советский Союз потерял уже восемь или десять миллионов человек.

От такого удара не оправится ни одна армия мира, не оправится и Красная Армия. На территории, на которой сражаются с коммунизмом наши армии, проживает более 350 миллионов человек — это уже не германский народ времен первой мировой войны. Поднялось новое поколение, создающее ежедневно новое и доселе невиданное. Некоторые высказываются, что настроения в Германии могут измениться. Да, могут, некоторые могут подпасть под влияние английских пропагандистов. Но с этим социал-национализм наверняка справится.

Всюду, куда прибывают наши войска, нас встречают как освободителей. Мы защищаем население, но при проявлении недопустимых явлений наказываем всех строго. Мы справимся с любым террором.

Никогда в Германии не повторится ноябрь 1918 года. Не может повториться. Все мыслимо, только не это, чтобы Германия капитулировала. Война может и продолжиться еще, но последний батальон на поле боя останется немецким. Советский Союз содержит в себе колоссальные богатства. В теперешней войне решится то, что эти богатства более не послужат против Европы, а для ее пользы. Восточные богатства должны стать доступными для всей Европы.

Наши социал-националисты сражаются не одни. Не должно быть сомнения, что настоящая война ре-

шит судьбу Европы на последующие тысячу лет. Мы можем быть счастливыми, что способствовали этому...

Хотя я требую многого от немецких солдат, — говорил фюрер, — я не требую больше, чем готов нести сам. Когда от немецкого народа я требую многого, то не больше, чем работаю сам. Моя работа — судьба Германии. Моя работа есть Германия. Думайте все, мужчины и женщины, лишь о том, — заканчивал фюрер свою речь, — что в этой войне решится вопрос жизни нашего народа. Если вы это поймете, ваши мысли и работа станут молитвой за победу Германии». (Последовали овации, ураганные аплодисменты, крики «Сиег Хайль!», как на экране, так и в зале.)

Да, впечатляющая речь! Наполненная верой в победу и в исполнение всех великих задач. А почему бы и не исполниться им? — спрашивали рядовые самообороны. Ведь в Ленинграде, говорят, съедены все собаки, ловят раскормленных крыс... Правда, у Сталинграда нашими войсками ведутся тяжелые и почему-то оборонительные бои, но уничтожено много противника. А наши войска вместе с итальянскими овладели Тунисом. Ленинград интенсивно обстреливается из пушек, это верно, но он стоит.

Вождь и крупнейший полководец, он же величайший государственный деятель в мировой истории сказал, что не хочет зря губить немецких солдат, что мы потому и ждем, когда русские начнут из Ленинграда выпрыгивать, чтобы тут же и шлепнуть их всех. Долго, однако, ждут. Что-то из Ленинграда никто не выпрыгивает, вот что странно.

А со свиньями на Островной земле тоже образовалась возня из-за какой-то эпидемии. Хрюшечки заболели. А над островом Абука кружат полчища ворон — отчего бы это? Так или иначе, но в городе Журавлей с 23.00 до 5.00 движение гражданскому населению временно запрещается, а чтобы не было нарушений, Ал-

фреду вечером необходимо выделить дежурных из батальона, которые после вечерней проверки отправятся патрулировать в город. Это, конечно, формальность: в Журавлях и в мирное время в такой час все граждане обычно спали, не то что теперь.

Бывают, конечно, всякие случаи. Как недавно с Эйнарсом с хутора Ребра в деревне Звениного. Эйнар с детства, как известно, любит откалывать шутки. Он за короткое время вымахал в богатыря, жаль только, что так много пьет. Тут он в одной своей компании в городе, приехавшей из деревни, с кем-то поспорил, что все, что захочет, в состоянии повернуть. Похвастался, конечно. Кто-то, возражая, сказал: «Не сможешь». И спросил: «Съесть мышь... например, сможешь?» — «Подавай мышь!» — куражился Эйнар, будучи уверен, что мышь так сразу изловить не удастся, он не знал, что дохлую мышь в чулане уже нашли. Эйнар в удивлении уставился на крошечного покойничка. «Если съешь,— подзадоривали его,— ставим бочку пива и бидон браги». Присутствующие вдоволь посмеялись над гигантом Эйнарсом и его противником — маленькой серой мышью. «Чер-р-рт! Съем! — взревел Эйнар, но с одним условием: надо с нее шкурку снять. Со шкуркой не буду!» Нашелся специалист, и мышку освеживали. Процесс этот не занял много времени. Затем все присутствующие восхищенно наблюдали, как, выпив полстакана самогона, Эйнар спокойненько сожрал мышь вместе с лапками и хвостом, облизнулся и запил ее еще полстаканом самогона. «Я все могу!» — заявил он авторитетно, и никто уже не спорил. Но когда в первом часу ночи его, пьяного, доставили в дежурку батальона, он не сумел даже Алфреда узнать. Родную мать он наверняка не узнал бы.

Откуда все-таки берутся такие хвастуны, подумалось Алфреду, когда он шагал рядом со строем самооборонцев в сторону их временной казармы на улице

Ползучего Острова. Хотя, конечно, сравнение, может, и неподходящее, ибо истребить всех евреев мира — немышь сожрать. Но вообще-то уму непостижимо — так на евреев ополчиться!..

«В Сталинграде упорные бои оставляют в тени все до сих пор существовавшее, противнику наносят уничтожающие удары»... Но, черт побери! Он все не уничтожается...

ГЛАВА X

Во второй половине января начались обильные снегопады. Наверное, нигде более нет таких снегопадов, как у моря Балтийского, где снег падает влажный, тяжелый, крупными хлопьями. Облепив ветви деревьев, провода, ложась толстым мягким слоем, он все одевает нарядно в белое из ажурных хлопьев одеяние.

У Короля в школе ученье опять шло хуже. Одно время он старался изо всех сил преуспеть в науках, стать примерным, но какой в этом смысл, когда над тобой все равно издеваются? Когда Марви со своей новой подружкой, толстушкой Милви, шепталась и хихикала, то не было сомнения, это насчет Короля: стоило ему показаться, как они начинали шептаться и хихикать. Он стал хуже отвечать уроки. Чем хуже отвечал, тем больше они над ним смеялись. Глупо! Король приуныл и решил, что ему абсолютно все равно. В таком всеравноном настроении и пришла идея поехать в Звенинога за пятнами крапивницы.

В данном случае крапивница вовсе не означает какое-либо растение, а обозначает болезнь, которую доктор Килк нашел у Ральфа Неллиса, сидевшего за одной партией с Королем. Это было еще до Нового года, когда у Ральфа обнаружили крапивницу, и он две недели не ходил в школу. Короля это явление сильно взволновало, хотя нельзя сказать, чтобы здоровье Нел-

лиса его очень занимало. Но как болеют крапивницей, ему представлялось интересным: оказывается, у Ральфа на коже появились красные пятна разной величины и формы, и на предплечьях, ногах, на спине и животе, и вся кожа зудела, поднималась температура.

В следующую субботу, после возвращения Неллиса в школу, Его Величеству приспичило ехать в Звенинога, навестить Ангелочка. Когда же он вернулся, оказалось, что и он заболел крапивницей: на руках и ногах, на спине и по всему телу пошли красные пятна. Король беспрестанно чесался, жаловался на озноб и головную боль. Хелли уложила его в постель, закутала потеплее и побежала за доктором Килком. Тот крутил его со спины на живот, мям-теребил кожу, измеряли температуру, но она была нормальная. Доктор сказал, что похоже на крапивницу, выписал рецепт и научил Хелли, как давать лекарство.

Королю удалось тогда три дня болеть крапивницей, на третий день пятна стали сходить, блекнуть, а на четвертый доктор Килк разрешил идти в школу. Когда он осматривал Короля, то все бормотал: «Странно, очень странно» — и морщил свой образованный лоб. Странного же ничего не было решительно, в этом каждый может убедиться: если пойти в парилку и как следует отлупцевать себя березовым веником (чем меньше листьев, тем лучше) так, чтобы сильно бить горячими ветками по расгоряченной коже, то на другой день от них видны следы, которые, однако, дольше трех дней не держатся. Доктор Килк этого не знал, потому что мылся в ванне, а парилку не любил.

Время от времени Король нет-нет да болел «крапивницей». Он понимал, что часто нельзя — подозрительно. Когда у него опять наступал приступ «крапивницы», доктор Килк поговаривал: «Странно, очень странно».

Придя из школы во всеравном настроении, Король наскоро съедал свой обед, сочиняя тут же устный рассказ о том, как у него идут дела в классе. Рассказ выходил вполне правдоподобным, потому что Король уже давно сообразил: врать надо так, чтобы показалось не в свою пользу, чтобы ты не выглядел хорошо, а тем более очень хорошо — такому не поверят. Врать надо так, чтобы ты выглядел не то чтобы уж совсем плохо, но и нехорошо в то же время, причем, и это главное, чтобы хоть небольшой, обнадеживающий штрих присутствовал,— это и будет тебе прощением. Например, начни Король врать, что у него в школе идеальное поведение, что его даже ставят в пример другим, что еще немного, и он по всем показателям станет отличником — кто этому поверит! Но Король врал иначе: все плохо, трудно освоить преподаваемые предметы, поведение могло бы быть хорошим, если бы в школе могли забыть, каким он был раньше...

Во! Этот момент, и Король это отлично уловил, был для Хелли обнадеживающим: значит, он все-таки осознал, что раньше был плохой? О, да, конечно. В таком случае, и это совершенно логично, что он стремится в дальнейшем не быть таким плохим...

И уже Хелли ободряюще его гладит по волосам: «Ничего, все пройдет, образуется, и тогда всем станет ясно, какой он, Король, превосходный человек».

И после такого мирного обеда выбраться из дому намного проще, чем обычно. Можно вытащить из дровяного сарая летательные сани-самоходы и помчаться через город на Сухоеместовое шоссе и вперед на Звенинога. С Марви? Хватит! Пусть сидит дома на своей Липовой улице и тоскует в одиночестве, глядя в окно. Король мчится, чтобы достать небольшую порцию крапивницы.

На Сааре старшие что-то не в настроении. Именно Ангелочек и Юхан хмуры. Появлению Его Величества

никто даже не удивился. Манчита на бегу крикнула слово приветствия, Манчи не видно. Мелинда после ухода Хуго в немецкую армию поселилась в Праакли: за матерью требовался уход. Вилка, конечно, по-прежнему предана Его Величеству, крутится вокруг, стремится лизнуть в нос. Что же с Ангелочком? Разгневанная не на шутку, она ругает деда, и тот даже не свистит. Ангелочек же называет его богоотступником.

— Ты почему не подымал руки? Как же ты против бога стал?! — кричала она на Юхана.

— Я же не один... Многие не подымали. Да и смешно же... — оправдывался Юхан.

Выясняется, они были в церкви. В честь какого церковного события? Этого Король не понял, ему невозможно по своей неграмотности ориентироваться в этом множестве церковных и иных святых датах, из которых состоит жизнь и расписание времени года Ангелочка. Конечно, Ангелочек Королю многое объяснял, но разве запомнишь.

Что первого апреля родился Иуда? Наверно.

Что седьмого мая он предал Христа? Возможно.

Что двадцать первого августа черта скинули с неба? О том, кажется, еще Ида с Убольшойдороги что-то говорила.

Что первого декабря сжег господь Содом и Гоморру? Ну, эти города Король знает хуже, чем Журавли, спорить он, конечно, не станет.

Что пятница (особенно если на 13-е число выпадает) самый негодный день, потому что именно в пятницу тринадцатого числа Ева согрешила с Адамом?

Эти вопросы Короля уже понемногу интересуют, но он предпочитает не подавать вида.

Что пятипятничные месяцы самые наинесчастливые, об этом Ангелочек рассказывала. В пятипятничные месяцы в пятницу рыбаки в море не ходят, а то на весь сезон лова будут ветры да ураганы, и снасти кувыр-

ком. В пятницу и уборку в доме делать не полагается — хочешь, чтобы свиньи двор перерыли? — и баню, естественно, топить не полагается. А как же тогда с крапивницей? Ведь была пятница.

Да, но почему все-таки дед Юхан должен был в церкви поднять руку и почему он ее не поднял?

Оказывается, какой-то старательный ревнитель веры в религиозном экстазе, чтобы удостовериться в своей власти над душами прихожан, поставил вопрос: «Кто не верует в Бога, поднимите руки». Никто не поднимал, ведь все присутствующие пришли в церковь добровольно. Тогда ревнитель сказал: «Кто в Бога верует, поднимите руки». Половина присутствующих подняли, в числе тех, кто не поднял, оказался и дед Юхан. Тогда проповедник объявил, что все присутствующие есть в целом дети бога, но некоторые из них еще и собаки.

— Собаки тоже божьи дети,— заключил Юхан смиренно.

Пока в деревне Звенинога на хуторе Сааре шел спор о том, являются ли собаки детьми Бога или ими признаются только люди, причем Вилке не было дано права участвовать в дискуссии, ее выгнали во двор, так что, кем бы Вилка ни была,— сыном ли, дочерью Бога,—ее место все-таки в конуре. Но в это самое время в городе Журавли случилось следующее: в батальон самообороны позвонил Майстер из гестапо и приказал собрать отряд в порядке тревоги, человек десять. Дежурил Алфред, которому Майстер сказал следующее:

— На захват беглеца. Русского. В комендатуру поступил сигнал.

Под сигналом — это всем известно — подразумевалось, что поступил донос откуда-нибудь на кого-ни-

будь, то есть один республиканец с чистой душой под синим небом на черной земле сочинил клевету на другого республиканца с такой же душой, под таким же небом на такой же земле, и отправил почтой в военную или ортскомендатуру, или же проще — позвонил по телефону, или еще проще — сам забежал тайком шепнуть.

Скоро люди во всеоружии стояли во дворе казармы, подъехал грузовик, ждали Майстера, который с другим офицером, Отто Швальме, вскоре подъехал на легковушке. Дали команду, и самообороновцы полезли в кузов. Отто распахнул дверцу, приглашая Алфреда. Затем тронулись: легковушка впереди, за ней грузовик с отрядом. Выехали на Сухоеместовое шоссе.

Отто весело рассказывал о том, что в Вашингтоне при открытии университетского сообщества были приглашены и представители союзных войск, среди них красноармейская офицерша — полковник Людмила Павлюченко, убившая будто бы много немцев. Несмотря на военные достижения, она не забывает красить ногти и пудрить нос. Господам офицерам смешно, что и говорить, смешно и Алфреду. Он, в свою очередь, рассказал, что случайно встретил в городе недавнего служащего фирмы «Зингер» — господина Векшеля, у которого поинтересовался, служит ли он еще фирме. «Конечно, — ответил Векшель как ни в чем не бывало, — Зингер — всегда Зингер, Золинген — всегда Золинген, а Векшель — всегда Векшель». Алфреду хотелось понять, что об этом господине думают господа немецкие офицеры, но они не думали — лишь посмеялись. Их смех не получался интернациональным, как у Короля с Карпом, он почему-то вышел немецким смехом и только немецким. Хорошо, что Алфред тоже умел смеяться на немецком языке.

Машины рвались вперед, на улице падал мягкий снег, стояла вторая половина января. А Отто уже рас-

сказывал, как повезло рабочим в каком-то египетском порту: бомба попала в сухогруз и взорвалась в трюме с ящиками, из трюма от взрыва тучей поднялись деньги, еще не пронумерованные, напечатанные в Англии для Египта. Деньги, фунты-стерлинги, ковром покрыли все портовые строения и пристань. Рабочие, не мешкая, тут же ринулись в атаку, образовались драки, а капитана сухогруза, в который упала бомба, прозвали Дедом Морозом. О, это, конечно, очень забавно, да нет — это смешно, даже по-немецки смешно.

— Вейсен си дизе рихтиге фамилия дер Литвинов? — восклицает майор Майстер рядом с Алфредом и отвечает сам себе: — Финкельштейн! Ах, нет, это смешно невероятно.

А на хуторе Сааре Ангелочек пытается что-то растолковать Королю про библейский День Трех Королей.

— Что делают незамужние девушки в День Трех Королей? — спрашивает она Его Величество строго. Разумеется, один молоденький совсем короленок этого знать не знает, и Ангелочек объясняет: — Они рано утром выходят во двор и девять раз быстро-быстро кружатся, при этом должны держать в руках метлу. После девятого вращения бросают метлу, и если она упадет черешком наружу со двора, то ждать ей жениха достойного. Если же черешок окажется в сторону бросившей — жених, хоть и придет, но никудышный. А если в День Трех Королей вокруг дома сильно много кружится галок — не иначе кто-нибудь помрет или иная беда. А галки и в эту пятницу вокруг Сааре летали, как, впрочем, всегда...

Машины едут в сторону Звенинога, вот уже видна старая мельница на Кангруспина, чуть ближе крыша хутора Нуки, где живет тренер Короля по боксу Елмар. Что? Что? Предложил через газету свою жизнь науке? Поскольку не везет в жизни? Ах-ах-хаа! Созна-

вал, что является обреченным неудачником? Ого! И тут же получил более трехсот писем? Ст изготовителей смертоносных газов или ядов, пожелавших пользоваться им для своих опытов? Что? Что?! От молодых девушек! Пожелавших выйти за него замуж?! Чтобы возродить его веру в жизнь!? Ах-ха-хаа! Такое только в Америке и возможно...

А Ангелочек в это время на хуторе предсказывала конец света, поскольку писали в газете, что в деревне Большая Пятка родился теленок с двумя хвостами. А машины уже повернули с омнибусной дороги в сторону Звенинога, и это, наконец, удивило Алфреда, так что он поинтересовался, куда они, собственно, едут. Ответ озадачил его чрезвычайно.

— В деревню Звенинога едем,— ответил Отто,— оттуда сообщили, что на хуторе Сааре скрывают русского солдата, сбежавшего из лагеря.

Да нет, это ошибка! Алфред утверждает это с полным основанием, он как-никак сам отсюда родом, а хутор Сааре...

— Послушайте, друзья, так это же дом моих родителей.

Всеобщее удивление. Все согласны: конечно же ошибка. Да, но донос все-таки поступил. Да, звонили. Кто? Не назвался, то есть назвался: «Честный друг немецкого фюрера». Так что Алфред ведь понимает, хотя и ошибка это, должно быть, или клевета, но порядка ради они все-таки проверить должны. А потом поедут к Алфреду в гости на Закатную улицу в небесно-синий дом, и он им поиграет на аккордеоне. А чтобы не вызывать в деревне кривотолков, чтобы не скомпрометировать население Сааре, они остановятся, не доезжая до хутора, они пойдут пешком, словно гуляют, словно он их в гости пригласил и показывает деревню. Так оно спокойнее и естественнее.

Алфреду, конечно, уже приходилось участвовать в облавах на разных бандитов, на беглецов и скрывающихся в лесах, но ему показалось нереальностью, что он теперь, в сопровождении своих же подчиненных и, что хуже, командиров, почти крадучись идет в отчий дом. Интересно, подумалось, какая сволочь оклеветала его мать? Конечно же это сделано, чтобы насолить ему, Алфреду. Он знал, что в батальоне его кое-кто не любит. Что поделаешь, когда ты фельдфебель, всем милым не будешь, а точнее, никому ты милым быть не можешь, от всех требуешь дисциплину, порядок, послушание, а люди по своей натуре анархичны. Да, у него, у Алфреда, не очень-то разгуляешься, у него есть хватка и нужная жесткость, хотя вообще-то с людьми он ладить умеет. И все же...

Или кто-то, может, хочет испортить ему карьеру, зная, что немцы к нему относятся с уважением? Но не столько за службу, сколько за дружбу они к нему расположены, за то, что он — мастер, что музыкант, за знание немецкого хотя бы. А служба... Здесь никто не знает, что у него на уме, а у него, конечно, имеется основание, чтобы задуматься. Он наблюдает и делает выводы — свои выводы, только тут не все ясно и лучше держать язык за зубами. И быть настороже. Но служить надо добросовестно. Его родители учили этому с детства, особенно Ангелочек — честность в исполнении долга, в служении людям. «Служить людям — богу служить» — так его учила Ангелочек.

Время, конечно, такое, что нетрудно и свихнуться. Непросто теперь разобраться, какой честностью теперь служить и жить: быть честным по-немецки, или по-русски, или по-эстонски, или... как тот, кто донос сочинил на его родителей? Быть честным коммунистом ему невозможно, он об этом понятия не имел и не хотел иметь; честным фашистом то же самое, потому что и о фашизме представления не имел, хотя народ немец-

кий, как культурную нацию, уважал, но «Майн кампф» не читал, а сказать, в чем разница между немцем и фашистом не могли и более образованные люди. О честности эстонцев по-своему думал. Свою страну у моря он любил, как любили ее и те, кому перед магазином игрушек в центре Журавлей установлен памятник — это не просто от нечего делать шли они на смерть в восемнадцатом году, значит, были и у них свои убеждения, и они им верили. К тому же, в конце концов, он, Алфред, все-таки не немец и не русский, а островитянин! Его отец, Юхан, с Даго, то же и Ангелочек, а деды и прадеды... разве что в Финляндии их корни. Но это уже черт знает какое далекое прошлое.

Оставили машины у картофельных ям хутора Кооли и шагали теперь как раз мимо усадьбы Рямпли в сторону Сааре, Алфред впереди, за ним Отто Швальме. У Отто волосы с проседью, голова крупная, уши широкие, прижатые, нос с горбинкой, серые глаза под пушистыми бровями смотрели в спину Алфреда задумчиво. Вообще-то этот сообразительный эстонец был ему симпатичен, он, Отто Швальме, расположен к таким людям. Архитектор по профессии, Отто не старался делать военной карьеры, и в этом отношении у них с Алфредом много общего: Отто тоже понимал, что главное в данное время сохраниться, но приход Алфреда в самооборону был удобен только Алфреду, Отто же был вынужден служить и продвигаться по служебной лестнице туда, куда его продвигали, то есть получая очередное повышение в звании, хотя ему лучше бы строить что-нибудь. Но, во-первых, что можно строить в такое время, когда модно разрушать? Во-вторых, его призвали в армию, и отказ от этого или попытка уклониться равносильны тюрьме, если не хуже. Ну, а став офицером, он понимал, как надо служить, чтобы целым быть, и у него имелись все основания к этому стремиться, — ждали жена и дочь.

«Отчего сражается русский солдат? — размышлял Отто,— от страха перед нами и своими комиссарами. Ему запрещено даже в плен попасть, это у них считается преступлением, значит, он и сражается до последнего, иначе его расстреляют как изменника...» Отто понимал, что и он в этом плане в схожей ситуации: не будет он проявлять рвения по службе — с него спросят, такое вызовет подозрение. Тот же Майстер — не МАСТЕР, как Алфред, а Майстер...

Первой пришельцев заметила Вилка, как и должно быть. Если на других хуторах собаки подымали свирепый лай при появлении чужих, Вилка настолько дружелюбное существо, что ее тявканье выражало только приветствие, адресованное не только Алфреду, но и остальным. Не все самооборонцы вошли во двор Сааре, лишь человек пять с офицерами, остальные прошли дальше, по распоряжению Майстера, чтобы обследовать близлежащие хутора.

А в доме в это время, когда Вилка во дворе игриво кусала ноги одного из самооборонцев, Ангелочек шуточно читала Королю не то стихотворение, не то сказку: «Из чего сделаны маленькие мальчики? Из ежа, лягушки и щенячьего хвоста. Из чего сделаны маленькие девочки? Из сахара, муки и земляничной пеночки. Из чего сделаны все мужчины? Из осла, и бычка, и мыльного пузыря. Из чего сделаны милые женщины? Из змеи, и кошки, и кофейной чашки...»

Не постучавшись, вошли Алфред и сопровождающие, во дворе звонко и радостно — невинная собачья душа! — лаяла Вилка.

Король, узнав Отто и Майстера, — они бывали у них в небесно-синем доме, — вежливо по-немецки поздоровался: «Гутен таг». Он не понял, что такого сказал смешного, что все засмеялись. Алфред сразу обратился к матери:

— Мы ищем русского, кто-то сообщил в город, что

на нашем хуторе якобы скрывается солдат. Ты что-нибудь знаешь?

Из комнат вышли Манчита и Юхан, последний молчал, глядел исподлобья, Манчита ни к селу ни к городу залилась смехом, и было видно, сама перспектива увидеть русского... живого русского, и где? У них на хуторе—такая перспектива ее страшно веселила, из чего Алфред безошибочно заключил: эта ничего не знает, значит, вранье. А Ангелочек, гневно сверкнув очками, также гневно крикнула:

— Никакого русского у нас нет и... не было.

Почему «не было», если нет? — встревожился Алфред.

— Пошли,—сказал он обороновцам и вышел во двор.— Угости офицеров молоком! — крикнул уже со двора.

Русского выдала Вилка, наивная собачья душа! Ее лай и веселое урчание послышались из риги, было похоже она там с кем-то привычно играла, может, с Манчи? Когда Алфред и солдаты вошли в ригу, они увидели странно одетого человека: в солдатских брюках, на ногах старые дедовские сапоги, его же старое полупальто, на голове шапка-ушанка неизвестного происхождения. Человек был давно небрит, по меньшей мере пару месяцев. Алфред побледнел, ему стало жарко. Вот она, судьба!

Задержанного вывели во двор, из дома вышли Отто, Майстер, ефрейтор, Ангелочек и остальные. Манчита растерянно уставилась на заросшую фигуру, не смеялась... Алфред дал Вилке, стремившейся все еще поиграть с русским, пинка. Жалобно взвигнув, бедная псина живо спряталась в своей конуре. Майстер замахнулся ударить пленного, но, взглянув на окружающих, передумал. Нет, нет, пусть не думают здесь, что немецкий офицер станет избивать какого-то недочеловека. К тому же куда с этим спешить...

Пленного спросили: кто он. Тот не стал отпираться, у него был опыт, он знал, что его ждет и незачем усугублять обстановку. Да, он бывший советский солдат, считает себя бывшим потому, что в него стрелял свой же комиссар, но может, и не комиссар, а, говорят, Мясник, то есть начальник милиции — он знает, что из своих, а его товарища застрелили у склада в городе на улице Малая Гавань. Ему удалось убежать, но... был ранен в ногу. Потом он выбирался из города несколько суток, шел в направлении Сухого Места — это к востоку. Из-за раны далеко не уйдешь, тяжело и, когда уже совсем не стало сил, его подобрала старая крестьянка и уложила на воз с клевером. Увидев, что у него температура, что он ранен, привезла на хутор и поселила на чердаке над коровником, где постелила ему в большом корыте.

Эта добрая крестьянка стала его поить травами, промывать рану отварами, принесла Библию и велела держать под подушкой. Таким образом он, Семен Корнилов из Ленинграда, где проживал на Лесном проспекте в доме номер тридцать семь, пробыл здесь до того дня, когда его рана зажила. Чтобы не причинять вреда людям, боясь облавы, он ушел, чтобы найти способ покинуть остров. Но его поймали в деревне Большая Пятка и поместили в лагерь. Недавно ему удалось незаметно отстать от других пленных, с которыми он возил лес недалеко от Медвежьего озера, и он опять добирался до Сухого Места, чтобы как-нибудь перейти залив. Вечером, проголодавшись, устав, он дошел до Звенинога и решил незаметно пробраться в коровник Сааре и здесь переночевать. Это ему удалось. Утром не ушел: зарывшись в сено, он проспал. А когда пришли самообороновцы, хотел перепрятаться на чердак, где больше соломы и сена, но его обнаружила собака...

С собакой он давно дружил. Но, кроме хозяйки, он

дает честное слово, кроме старой крестьянки, никто его здесь не видел, не подозревал о его присутствии. Вот и все, что сказал ленинградский гражданин Семен Корнилов. Большего и не нужно было.

Даже в кошмарном сне Алфреду такое не приснилось бы. Что было делать Алфреду? Ведь он кто? Военный! Даже если это называется самообороной. Чье он носит оружие? Следовательно, он служит германскому рейху, и не рядовым солдатом, а командует: «Запевай!» Он проводит проверки, дает наряды, подписывает увольнительные в город и пользуется кое-какими привилегиями: ему дают больше сахара, больше спирта, у него свой грузовик... А тут собственная мать, боговерующая самаритянка — к черту бога! — укрывает солдата врага. Когда в каждой газете подчеркивается, сколько они в республике, эти русские, убили людей, даже пусть им в этом помогали подонки, как, например, этот Плир. Даже и не эстонец, но родился в Пярну. Уже в школе отъявленный хулиган, жестокий, уголовник, сидел в тюрьмах, красные взяли в истребительный батальон, потом командиром карательного поезда из двух вагонов, который разъезжал по стране, проверяя исполнительность железнодорожных служащих на станциях в сорок первом. Убивал открыто тех, кто ему не нравился, расстрелял больше ста человек, топтал ногами трупы своих жертв. Наконец, в результате его расстреляли сами чекисты в Главном Городе. Да разве он один такой помощник был?! А тут Ангелочек их скрывает, когда за это на острове немцы уже столько людей расстреляли...

Допустим, лично ему этот солдат не сделал ничего дурного, даже больше — дал ему возможность запасть кожей, ботинками и продуктами из того склада, но он враг строя, которому Алфред служит. Солдат этот должен быть в лагере военнопленных, и не ему, Алфреду, решать, что с ним будет потом. Законы ок-

купационных властей также повелевают карать сочувствующих и, тем паче, содействующих врагам нацистского режима... Вот чертов Ангелочек!

Алфред взглянул на Отто. В конце концов, этот баварец пил в его доме, и пели они вместе «О, Танненбаум!» Он должен понять, — он же цивилизованный человек, — что старуха живет не земными представлениями, а в мыслях и делах своих она всегда где-то в Иерусалиме, или на Голгофе, или еще где-нибудь в забиблейском мире, тогда что с нее взять? Какой из нее враг кому бы то ни было? Она в этом солдате видела больного человека, всего лишь — человека!

Но Отто отвел глаза и сказал: «Досадно, доннер веттер!» А это значило, что все должен решать сам Алфред. Отто понимал, что влип Алфред ни за что, но как ему помочь, когда рядом этот Майстер.

— А у них там кое-какие люди вроде бы есть, — говорит Майстер, разглядывая русского, — говорят, какой-то летчик у них... как Дуглас Бейдер, тот англичанин, который потерял обе ноги еще до войны, но стал летчиком-истребителем и немало наших посбивал, пока в плен не взяли при Дюнкерке. Но из своего русские небывалого героя сделали, а про англичанина словно и не слышали...

Алфред знал, что для гросс Дойчланд все равно, кем является сын укрывательницы русского солдата. И остался он один между немецким законом и собственной совестью. Но и совесть... Что она теперь сможет? И разве не сама Ангелочек учила его, что всякая власть от бога, что служить где бы то ни было нужно честно? А получается, что по наказу собственной матери он должен теперь ее арестовать...

— Почему скрывал русшиш? — допытывался у Ангелочка с помощью ефрейтора Коска майор Майстер, — вас строго накажут, а... ты, — обратился он к

пленному, который боялся поднять глаза, чтобы взглянуть на Ангелочка, на Юхана: русского мучило сострадание к ним, он понимал, что им из-за него будет плохо. Он слышал: немцы смертью карают тех, кто скрывает русских,— ты тоже боишься? Да? Почему вы, когда идете в атаку, всегда пьяные, а? Вы напиваетесь, потому что страшно, а?

Русский не сразу понял суть вопроса, потом сказал:

— Мы, когда не страшно, тоже с удовольствием пьем. Я в атаку еще не ходил. Но пьем мы всегда, если есть...— Он горько вздохнул, словно сожалея, что нечего выпить к слову. Все, кроме Алфреда, весело засмеялись.

Ангелочек вовсе не была напугана, она словно со стороны, даже с любопытством изучала окружающих ее людей, как будто происходящее связано не с нею. Дед Юхан, как встал на крыльце, так там и стоял, и молчал. Манчита, которая выскочила в одном платье, незаметно вернулась в дом и смотрела теперь тайком из-за гардины, в щелочку. Потом им всем Майстер с ефрейтором учинят настоящий допрос. Но это потом, сейчас же Майстер допрашивал Ангелочка здесь же, во дворе.

— Нн-аа! Почему, а? Скрывала, а?

— Истинно говорю вам,— ответила Ангелочек, а переводил ефрейтор, ибо Алфред молчал, у него не было слов,— истинно говорю вам, если пшеничное зерно, павшее в землю, не умрет, то останется одно, а если умрет, то принесет много плодов. Так сказано в Писании.

Майстер смотрел бараном.

— Почему вы— мать командира самообороны— скрывали вражеского солдата?— все приставал с тем же.

— Христос сказал: истинно, принимавший того, ко-

го Я пошлю,— Меня принимает, а принимавший Меня — принимает Пославшего Меня.

— Что она говорит? — обратился Майстер к Отто. Тот отмахнулся. Объяснил ефрейтор Коск: старуха, мол, в лице русского Христа принимала, а в лице Христа к ней пожаловал сам Бог.

— Бог хорошо. Я тоже христианин, лютеранин,— объяснял Майстер Ангелочку,— но Бог на небе, на земле Бог — фюрер и его приказ.

Похоже, Ангелочка его аргументация не убедила.

— Бог есть Путь, и Истина, и Жизнь,— сказала она назидательно,— никто не приходит к Отцу Небесному, как только через Христа, сына божьего.

Она стала похожа на проповедника или пророка, чем всех рассмешила. Смеялся даже Майстер; уж лучше смеяться, чем смотреться бараном.

— Бог. Истина. Путь...— Алфред плюнул.— Ты со своим Богом спятила! Не понимаешь разве, куда этот Бог, твой путь тебя поведет?

— Царство мое не от мира сего, говорил Христос в саду Гефсиманском. Если бы от мира сего было мое царство, то служители мои подвизались бы за меня.

Ангелочек вызывающе и лукаво смотрела на старшего сына. Она вспомнила сейчас, как он родился, она его любила, но он не мог за ней «подвизаться», ох, как не мог, хотя и понимал, как она беззащитна перед такой нелепой реальной жизнью, в которой политические авантюристы породили жестокие парадоксы, неизвестно ради чего разрушающие жизни, судьбы маленьких рядовых людей, Майстер посмотрел на Алфреда выжидаючи, произнес:

— Пусть одевается потеплее. Ты не боишься разве? — спросил он у Ангелочка.

— Если бы не было над тобой власти, ты бы мог отпустить меня,— ответила Ангелочек,— но грех тому, кто над тобой. А отпустить ты меня не можешь: если

отпустишь — то не друг ты кесарю. Иисус говорил: сын ничего не может творить сам от себя, если не увидит отца творящего, ибо что творит отец, то и сын творит также...

Ангелочек пошла собираться. Майстер опять, разинув рот, смотрел ей вслед бараном. Русского уже подтолкнули к грузовику, в который рассаживались самообороновцы.

— Она в самом деле не от мира сего, — посмеивался ефрейтор, посмотрев быстро с опаской на Алфреда: тот все-таки для него начальство и как бы потом чего не вышло. Алфред понимал, что должен быть просто ювелирно осторожным в данной ситуации. Вместе с Отто он последовал за матерью. Майстер подошел к грузовику, что-то говорил ефрейтору. Отто был подавлен. Он не думал, что почувствует себя таким смущенным, словно в чем-то виноватым. Алфред сказал Ангелочку:

— Ничего не поделаешь, война. Ты сама виновата. Я сделаю все, чтобы тебя освободили, Отто поможет.

Отто согласно закивал головой, он в самом деле все понимал, он не хотел бы оказаться в шкуре этого симпатичного эстонца. Ну, а насчет помочь вызволить старуху, он подтвердит, она действительно всего лишь дура, спятившая с ума. Ангелочек вела себя словно отправлялась на ярмарку: давала указания, как кормить скотину, куда кому идти, что делать; и с грузовика, где устроилась рядом с русским, раздавались ее команды относительно какой-то курицы, но слов уже не разобрать из-за шума моторов отъезжающих машин.

Вилка так и не вылезла из конуры, оттуда торчал кончик ее носа. Грустные собачьи глаза непонимающе следили за всем происходящим во дворе: она-то хотела всего лишь выказать человеку свою любовь. Вилка на человека сильно обиделась. И Король тоже был

в недоумении: он до самого конца не сумел разобраться, что же происходит. Он понимал, что того, который у них на чердаке в его корыте жил, заберут, что Ангелочка за это ругали. Но что и ее увезли... Почему?

Увезли и Короля. Для Манчи Майстер оставил бу-мажку, в ней его обязывали прийти в город, в комендатуру вместе с Сесси, которая тоже неизвестно где пропадала. Это для других неизвестно где, Король же не сомневался, что она на хуторе Ару, но ему показалось, что лучше об этом не говорить. Короля пригласили сесть в легковую машину. Он не хотел расставаться с летательными санями, но проехаться в легкой не каждый день удается. Алфред, однако, забрался в грузовик. Ехали быстро, офицеры разговаривали между собой, но Король в немецком был не особенно силен. О чем-то очень сердито говорил Майстер. Говорил таким тоном, как Хелли, когда чем-то недоволен. Если бы Король был в немецком силен, он бы понял, что Майстер недоволен немцами, как ни странно.

— Рейхсминистр об этом правильно писал в обозревателе «Дас Рейх»,— рассказывал Майстер возмущенным тоном офицерам и Королю,— он подробно разобрал эту извечную немецкую ошибку в политике с другими государствами, в частности, с Англией, которая ведет себя так, словно весь мир существует для англичан. Немцы же в это время — майн готт! — словно существуют ради всего мира... Не будьте чрезмерно справедливыми, предупреждает нас, доверчивый немецкий народ, доктор Геббельс, он говорит: мы ненавидим англичан от всей души, да и как мы могли бы относиться к ним иначе, чем они к нам? Они... задыхающиеся от зависти. Мы воюем из-за принципиальной необходимости, чтобы не повторился восемнадцатый год. Мы не рассчитываем на милость врагов, а только на наше право, которое обеспечим с помощью

нашего оружия. Куда нас заведет, если мы из-за магии объективности или, скажем, справедливости будем несправедливы к самим себе? Наша сегодняшняя ущемленность является результатом вышеназванного национального недостатка. В решительные исторические моменты нам недоставало здорового национального эгоизма, который мы, не считаясь с объективностью за...

У городской тюрьмы машины остановились, но из-за Отто, сидящего рядом с Королем, ему не было видно, что там делалось на улице. Впрочем, грузовик как будто заехал во двор тюрьмы, а вскоре Алфред сел в легковушку, Короля прижали к дверце, и машина поехала в сторону Замка, однако повернула направо и последовала дальше, на Закатную улицу.

Они приехали в небесно-синий дом, а Король никак не мог понять: куда подевалась Ангелочек?

Хелли принимала их, как обычно принимала гостей, только удивилась присутствию Короля.

— Подобрали по пути,— буркнул Алфред на этот счет, провожая гостей в торжественную комнату.

Хелли вскоре внесла кофейник, и этому горячему напитку все обрадовались. Алфред извлек бутылочку с ликером, и тут появился Тайдеман. Надо сказать, Тайдеман с удовольствием и пониманием относился к тем напиткам, которые подавались у Алфреда. Пил он, как, впрочем, и другие, деликатно, помаленьку, не спеша, смакуя. Пил и слушал. Бывало, и сам слово-другое скажет. К нему относились доброжелательно, а в настоящую минуту он для Алфреда даже был желанным гостем, он словно отвлекал своим присутствием от мучительных дум, даже не дум, а чувств, одним словом, хорошо, что пришел Карла.

Выпили по рюмочке, и пошли разговоры, как всегда, словно ничего особенного не случилось. Кто-то сказал, что эстонский легион все еще в учебном лагере

в Германии, но, наверное, скоро и сосновый лес, окружающий чистенькие бараки, и асфальтовые дорожки лагеря останутся у легионеров лишь в воспоминаниях... Кто-то сообщил, что опять провалились попытки большевиков прорваться из Ленинграда, что противник понес огромные потери. А Майстер, снявший китель, в нижней рубашке, стал рассуждать о том, откуда у русских танки.

— По сообщениям Верховного командования они уже в первые десять дней войны потеряли триста пятьдесят танков, а до октября выбито из строя более трех тысяч их танков, а потом сколько — уму непостижимо. Так возникает вопрос: как это может быть, что, несмотря на большие потери, большевики по-прежнему бросают на фронт все новые массы танков?

Все слушали Майстера как будто с интересом. Но Отто, подняв рюмку, посмотрев в глаза Алфреда, сказал тихо с некоторым ударением:

— Не беспокойся, камрад. Немцы — цивилизованные люди и врагов от самаритянок отличить смогут, так что...

— Майор Бальцер, — он на восточном фронте с начала войны, — так он сделал доклад. Прежде всего он обратил внимание на факт, что преимущественно все до сих пор уничтоженные советские танки... советского же производства и что очень мало встречалось англо-американских. Так становится очевидным, что американская крикливая рекламация о ее колоссальной военной помощи большевикам не соответствует действительности.

— А что можно сделать? — спросил Алфред, обращаясь к Отто.

— Дело, видимо, в следующем, — продолжал Майстер, — неся огромные потери, большевики вынуждены бросать на фронт все свои резервы, ведь необходимо иметь в виду, что средние потери за один день у них

превышают выпуск новых танков всех заводов, вместе взятых, за тот же день... Часть поврежденных танков им удастся отремонтировать и снова отправить на фронт. Заметно, что их новые танки вооружены слабее прежних. Кроме того, они стали делать танки меньшего размера не только ради экономии металла, но и времени. Но нельзя упускать из виду, что жестоко эксплуатируя народ, им удалось создать собственную тяжелую промышленность. Заставляя женщин и детей работать по двадцать четыре часа непрерывно, они выпускают танк за танком, даже тракторные заводы стали выпускать танки...

— Я схожу к Шредеру, — промолвил Отто, — конечно, неизвестно, какое у него будет настроение...

Тайдеман, разумеется, слушал и Майстера, но и Отто и Алфред не ускользали от его внимательного взгляда, их слова не миновали его ушей, заросших серым пушком.

— Надо к Шредеру в тот день, когда слышно, что у Сталинграда противнику наносятся сокрушительные удары, — заметил он.

Говорили еще о том, что в Соединенных Штатах выучка солдат на очень низком уровне, дисциплины никакой, скверно организован транспорт, особенно на море, так что участие в войне Америки весьма ограничено. Говорили о том, что больше всего заставляло волноваться местных руководителей, — о выполнении нормы. Не сдают своевременно эти крестьяне, эти хуторяне ни мяса, ни зерна, ни дрова. И где их совесть? Какие жертвы приносила и приносит ради них немецкая армия! А ведь народ у Финского залива, пожалуй, единственный в Балтикуме имеет право сдавать и выполнять нормы продналога добровольно, когда отсутствует система записи в соответствующих грессбухах... Что же они хотят, чтобы и для них заводились эти грессбухи, как для латгалов и других народов?

Неблагодарные все же люди. Да и постановление о светомаскировке выполняется не всегда и не везде, оттого и решили штрафовать за нарушение в сумме пятидесяти марок — будут знать. Однако и ликер в городе тоже не рекой льется, хотя бутылка водки по государственной цене стоит шестьдесят марок.. Потому выпили бутылку, и довольно. Экономия! Экономия! И еще раз экономия, доннер веттер!

ГЛАВА XI

Когда гости ушли, с Алфредом случилось что-то такое, чего Хелли не наблюдала у него раньше, — истерика.

— Боже ж ты мой, ну какая дура! — орал он. — И как это могло прийти ей в голову такое?! В такое время... Тут не знаешь, как выкрутиться, чтобы прожить. Все идет хорошо, немцы меня ценят без всяких усилий с моей стороны... Одним словом, только такого не хватало... — Алфред задыхается, — идиотизма!

Хелли плачет, Король плачет.

— Да перестаньте же наконец! — орет на них Алфред. — Уходите все прочь, а ты, — это Королю так, — марш в свою комнату!

Это его-то, Короля! Он ушел.

— Но как же могло быть, что эта святоша его так долго скрывала и никто... Абсолютно никто не заметил?

Алфред смотрел вопрошающе на Хелли. Откуда ей это знать. А что, собственно, знать? Вернулся Тайдеман, и теперь уже ему Алфред плакался на свою судьбу: как она, Ангелочек, так могла?

— Было бы удивительно, если бы она так не смогла, — ответил Тайдеман.

Уже шторм поутих, когда на свою беду из своих апартаментов вышел Король и поинтересовался:

— А в тюрьме на чем сидят?

Ему никто не ответил. Хелли вдруг положила на стол нож, который держала в руке, и спросила с сомнением в голосе:

— Господи! — Король знал, что слово «господи» служит у женщин вступительным слогом в разговоре. — Господи! Но неужели нельзя было обойтись без этого?! Взрослые же люди... Во что-то играют...

И произошел взрыв — грандиозный взрыв. Взорвался Алфред:

— И ты! Или я сам не знаю? Что я, по-твоему, совсем идиот? А если ты, курица, не разбираешься ни в чем, кроме шитья и кройки, то не лезь.

Хелли, кстати, плохо разбиралась в кройке и шитье, особенно в кройке, ей в этом всегда помогал Алфред. Но курица ли она из-за этого? И конечно же она вовсе не считала Алфреда идиотом. Она сказала:

— Нет, не идиот, но кто — не знаю.

— А меня тоже кое-чему учили, когда я служил в солдатах, когда тебя еще не знал, а чему меня учили, да не одного меня? Чему учат в солдатах? Верности родине, долгу! Но в каком я войске служил? В эстонском! Маленькое, но какое ни есть. Ведь должен был я верить, чему меня учили. Какое у меня было основание не верить? Никакого! Что эстонцы есть всякие — пусть, но государство наше было не коммунистическое и не фашистское, ведь я знаю, что и против русских и против немцев эстонцы в восемнадцатом воевали, и тех и других из своей страны прогнали и сказали: мы — эстонцы, страна наша с сегодняшнего дня — Эстония. И люди за это умирали. И народ на их могилы носит цветы. Почему же мне нельзя снять шапку перед памятью тех, кто умирал потому, что тоже чему-то верил? У них были свои убеждения. Были они правы, ошибались или обманулись — покажет бу-

душее, но они-то не за болтовню погибнуть решились, это же ясно. А сегодня?

Если меня всю жизнь учили честности, служить родине, то где же мне теперь служить? Пришли русские — с ними быть заодно? Почему? Теперь немцы... И я с ними потому, что... они же здесь. Деваться-то мне некуда.

— А будут здесь опять русские, то будешь служить им, потому что «они же здесь»?

Алфред не ответил, он хлопнул дверью торжественной комнаты, и было слышно, как он бросился на диван. Когда кто-нибудь на этот чудесный диван садился, то было слышно: человек сел, когда ложился, было слышно — человек лег.

Король собрался обратно в свою комнату. Хелли молча осталась сидеть за столом.

На следующее утро, когда Король шел в школу и дошел до тюрьмы, он встал напротив и смотрел на ее окна. Где-то здесь бабушка, подумал он, и ей совсем нельзя отсюда выходить, а ей, наверное, в баню хочется... Да и к ней нельзя, чтобы поговорить.

Здесь Король дошел до понимания того, что школа еще не самое скверное учреждение в мире, — есть нечто и похуже.

Ночи стали для Короля трудными, он видел жуткие сны: поле, серая доломитовая стена, освещенные лунным холодным светом покойники, и вороны — столько, что их стаи и луну порою закрывали, и единственный звук, который доходил до сознания Короля в его постели за круглой, жестью обитой печкой, — карканье ворон. Он видел распятого Христа, такого, каким он изображен в Библии, Ангелочка, но больше всего его одолевала рука... бескровная рука с рисунком женщины-рыбы с большими сиськами, в дорожной пыли цвета ржавчины.

В небесно-синем доме стало заметно тише. Реже

приходили гости. Отто и другие немцы, конечно, бывали. Но на аккордеоне Алфред больше не играл.

Однажды, придя из казармы, он сразу после ужина ушел в производственный дом, сказал, что надо там навести порядок, чтобы в свободное время начать делать мебель — появились заказы.

Хелли реагировала сдержанно. Похоже, Алфред ждал большего. Она сказала вполне безучастно:

— Надо так надо...

Да, жизнь в небесно-синем доме сильно изменилась, хотя внешне так не казалось. На Короля мало обращали внимания, ему верили на слово, когда он уверял, что уроки сделаны, и отпускали без особых возражений на волю. Раньше так не бывало — куда там! — раньше проверяли, не соврал ли.

Ангелочек оставалась в тюрьме.

Отто ходил к Шредеру, тот обещал доложить в Главный Город самому Лицману и сказал, что все обернется благополучно. Но бабушка сидела в тюрьме, а Король, шагая каждое утро мимо, знал это. Королю было грустно в небесно-синем доме, но куда деваться...

Отто забыл совет Тайдемана: идти к Шредеру хлопотать за Ангелочка, когда на Сталинградском фронте благополучная обстановка. Не узнав об обстановке в Сталинграде, он отправился к Шредеру и... Ангелочек осталась в тюрьме: в Сталинграде доблестные немецкие войска, сражаясь до последней капли крови, — пали, то есть их взяли в кольцо и разбили. Какое же у Лицмана после этого настроение?

Алфред получил приказ построить батальон за домом, служившим казармой, приехали комиссар Шредер и Майстер, велели приспустить флаги, затем, достав листок, Шредер скомандовал снять головные убо-

ры и торжественным голосом прочитал его содержание:

— Сражение за Сталинград закончилось. Оставаясь до конца верной присяге, шестая армия под беспримерным командованием генерал-фельдмаршала Паулюса, подчиняясь превосходящим силам противника и сложившейся несчастливой обстановке, побеждена. Ее судьбу разделяют одна дивизия противоздушной обороны, две румынские дивизии и один хорватский полк, которые до конца исполнили свой долг братьев по оружию. Еще не время разбирать ход боевых операций, которые довели до существующего положения. Сегодня можно сказать лишь одно: жертва шестой армии не напрасна. За шесть недель она противостояла наступлениям шести армий противника и уничтожила их. Окруженная врагами, она сковала силы противника, давая немецкому командованию время для определения контрударов, от которых зависела судьба всего восточного фронта. Поставленная перед такой задачей, шестая армия держалась и тогда, когда уже не стало возможным снабжать ее по воздуху боеприпасами да продовольствием. Дважды сделанное противником предложение капитулировать было с гордостью отвергнуто. Под знаменем со свастикой, которое прикрепили к развалинам на высшей точке фронта обороны, происходило последнее сражение. Генералы, офицеры, унтер-офицеры и солдаты сражались плечом к плечу до последнего патрона. Они приняли смерть за то, чтобы жила Германия, их пример воодушевляет нас до будущих веков назло лживой пропаганде большевиков. Хайль Гитлер!

Батальон крикнул «Хайль!», и головные уборы можно было надеть. После этого майор Майстер скороговоркой зачитал следующий приказ:

— По распоряжению рейхсминистра доктора Геббельса все театры, кинотеатры и другие увеселитель-

ные места закрываются до субботы шестого февраля. Распоряжение это распространяется также на восточные территории.

Алфред получил разрешение вернуть батальон в казарму. Он уже знал, что Отто от Шредера ничего утешительного относительно матери не услышал. Домой ему идти не хотелось, он все чаще стал ночевать в казарме или в «производственном» доме, где спал на верстаке. В небесно-синий дом его не тянуло. Хелли стала с ним молчалива, почти не разговаривала, а если разговаривала, было видно, как она мучается, чтобы не задеть, не обидеть его холодным словом. Было заметно: ей хочется быть такой же, как всегда, но не удается. И все из-за Ангелочка! Словно он сам ее с удовольствием спрятал в тюрьму...

А тут еще этот Шредер. Этот Сталинград! Тоже еще... «Плечом к плечу...». «До последнего патрона...». «Умерли, чтобы жила Германия...». А как же спаситель Европы? Который хотел выйти к Волге именно в «одном известном месте, случайно названном именем Сталина...» — другого «спасителя», отца народов, тоже великого вождя?.. Кругом все великие, а старушка, признававшая лишь бога, она в тюрьме за милосердие, за человечность, и Хелли с ним, с Алфредом, не хочет даже разговаривать, хотя именно за ее благополучие он лавирует между всевозможными освободителями, как лиса.

Алфред молча устроил себе для начала постель в мастерской, чтобы не выглядело вызовом и, он не хотел себе в этом признаться, но в душе-то не очень даже возражал против складывавшихся отношений, и он конечно же знал — почему. Он ждал, что Хелли станет ему выговаривать за его молчаливое, но тем не менее заметное переселение в мастерскую. Хелли промолчала, но ужины, если ему доводилось зайти в небесно-синий дом, для него уже не подогревались. То же

самое было и с обедами. Когда он не давал денег — специально, чтобы проверить, — у него их не просили, то же самое с продовольственными карточками. И то и другое он молча оставлял в кухне на столе. Когда же приходил с немцами, офицерами или с кем-нибудь другим, с Килком, например, то Хелли, как всегда, как ни в чем не бывало готовила кофе, и все продолжало тихо да мирно складываться так, что вскоре они жили каждый сам для себя. Хелли, конечно, принадлежала Королю... Тот как-то не очень обращал внимание на изменившиеся отношения взрослых — так незаметно для него они изменились.

Для Короля незаметно, даже, возможно, для Тайдемана, но не для Марии Калитко, которая каким-то особенным взглядом стала провожать Алфреда при встречах. Вскоре затем, видя, что на переселение в мастерскую Хелли не реагировала, он оборудовал себе жилье в квартире у реки, на веранде, где когда-то проживал Его Величество Король Люксембургский. Когда и это переселение прошло без какой-либо реакции, то есть так, словно это никого не интересовало, он сказал себе: «Все завершилось». И отправился вечером к Земляничке — мужчина он или уже нет? А Хелли...

Обычай носить обручальное кольцо на безымянном пальце левой руки базируется на церковном ритуале, который знали уже в далеком средневековье. По старым верованиям, встречавшимся даже у древних римлян, именно от этого пальца идет кровеносная вена прямо в сердце. Так, обручальное кольцо, находясь на этом пальце, стало символом любви и объединения сердец. Держались обычая этого строго только в католических странах, в иных же кольцо носили на левой руке лишь до тех пор, пока оно было обручальным, после венчания же оно носилось на безымянном пальце правой руки, где и оставалось, откуда уже совсем бессовестные люди время от времени удаляют его в карман...

Хелли сняла свое обручальное кольцо с пальца правой руки и, подумав, спрятала в коробочку, в которой хранились ее немногие украшения. Это произошло в тот день, когда пришел Манчи, чтобы попрощаться, он вступал в эстонский легион или, может, даже в немецкую армию, потому что в комендатуре, куда пришел по оставленной Майстером бумажке, ему сказали: «Выбирай: или в тюрьму за то, что укрывал русского солдата, или на фронт».

Манчи возражал, он не укрывал русского. Но ему сказали, что в таком случае — тюрьма. Он выбрал фронт. А Сесси? Где Сесси, о том Манчи не ведал, и это была правда, ему поверили.

Манчи попрощался только с Хелли и с Королем, Алфреда он нигде не нашел. Не мог он его найти потому, что Алфред, сунув свое обручальное кольцо в банку с шурупами, отправился к Земляничке и остался у нее ночевать. Про Земляничку же Манчи ничего не было известно.

Из Звенинога в армию уходил не один Манчи — отправились воевать с мировым коммунизмом да с личными врагами Адольфа Гитлера — евреями, еще и Орест, Антс, а главное, Эйнар с Ребра, несмотря на плоскостопие. Но Эйнара таки действительно надо было давно отправить на фронт — не малое дитя, наконец, к тому же хуторянам надоело терпеть всевозможные его выходки, да не только хуторянам. Пошел в Журавлях в ресторан «Искра», стал буяннить, кому-то не понравился, тот предложил спьяну сто марок, чтобы он ушел. Эйнар потребовал двести, у того не было — занял у хозяйки кабака, и Эйнар ушел. На следующий день тот дурак, протрезвев, разыскал Эйнара и предложил эти деньги вместе пропить, однако Эйнар был уверен, что и один с этим справится. Дураку стало жалко денег, а был тот малый тоже солидной комплекции... Что из этого вышло? Кому —

больница, кому — арестантская. Эйнару конечно же второе...

Что еще он отмочил? Начнем с того, что у Рямпли Прийду имелась дочь, Паула, и если Эйнар самому Прийду ужасно не нравился, то почему-то Пауле, наоборот, он нравился. Ее нельзя было назвать некрасивой только потому, что некрасивых людей, скорее всего, вовсе нет, вернее, некрасивым человека могут делать его поступки, если они недостойные; но и красавицей эту Паулу никто в деревне не считал, потому-то она, наверное, и проживала в Журавлях, но замуж за городского не хотела, а хотела за Эйнара, хотя была старше на пару лет. Эйнар вел себя с ней так, словно ничего против не имел, и требовал от Прийду все чаще браги на том основании, что... зять все-таки. Прийду плевался и крестился и объявил на всю деревню, что если нет у Паулы жениха, то и этот не жених. Обидно, что и говорить.

Дочь Прийду ловила Эйнара долго или недолго, но наконец они пошли в ратушу, где должны были подписать соответствующие бумаги, потом хотели обговорить условия венчания, чтобы все было как у людей, а Прийду в Звенинога готовил с риском — запрещенное мероприятие — двадцатилитровую бочку браги. В ратуше, когда невеста уже подписала заявление и настала очередь подписать Эйнару, тот взял ручку, задумался, положил ручку обратно на стол, вынул из бокового кармана плоскую бутылочку, пригубил и сказал: «Женатые вечно не в настроении... Нет, не расстанусь я за бочку браги с вольной жизнью». И ушел, оставив невесту. Стоит ли говорить, как об этом судачили люди, что было с Паулой, сколько плевался Прийду!..

Но долготерпению судьбы пришел конец, когда общественность республики в очередной раз стала вести кампанию борьбы за чистоту нравственных устоев, ко-

торые расшатались — так писали и поговаривали — из-за пьянства. Началась возня вокруг вопроса трезвости. Стали писать о вредности вина, что «мы» — маленький народ, но хотим стать таким же сильным, как какой-нибудь большой, что «мы» это можем, если каждый гражданин станет сильным духовно. Окружающая жизнь развивается к лучшему, говорили и писали эти люди, утверждая, что силы природы «мы» уже запрягли, что, мол, работают они на человека, который научился как птица летать по воздуху, что за тысячи километров можно слышать голос другого человека, а все это стало возможным потому, что человек ЗАХОТЕЛ. И достиг. А разве мы не хотим освободиться от пьянства? «Мы» и в этом должны стремиться к обновлению, и так далее в том же направлении...

Но именно теперь, когда народ республиканский взял такое направление в воспитании силы воли, в Звенинога приключилось следующее: Эйнар с Ребра...

Эйнар, Якоб и Орест сидели в просторной кухне хутора Ребра и пили брагу, от этого им захотелось как следует поесть, а ничего не было. Решили раздобыть петуха, чтобы сварить на закуску. Ну, искать далеко не стали — поймали ребровского петуха, благо женщин дома не было и некому пресечь это деяние. Однако Эйнару стало жалко губить собственного петуха. Рассмотрев его со всех сторон, он заключил, что столь малого пернатого на троих не хватит, поскольку он один в состоянии съесть трех таких пташек. В который уже раз со дня его рождения выручил опять Прийду с Рямпли: вспомнили, что у него в сарае висит недавно зарезанный теленок. Отправились за теленком. Прежде дали святую клятву, что никому не проболтаются ни по пьянке, ни по «секрету». Ритуал клятвы был таков: положили на стол старую шляпу, и все заговорщики ударили кулаком по ней в знак того, что рот на замок и... дело в шляпе. Теленок был

доставлен, тут же на кухне с него содрали шкуру и началось приготовление жаркого.

Жаркое получилось отменное и в достаточном количестве, досталось даже самому Прийду, который случайно шел мимо и, уловив своим крючковатым носом аппетитные запахи, решил заглянуть к Эйнару. Его охотно угостили. Он поел, поблагодарил и ушел. Только дома, не найдя в сарае своего теленка, начал догадываться, из чего сделано то вкусное жаркое...

Но это уже чересчур! В результате суд приговорил всех любителей телятины к аресту на полтора месяца с испытательным сроком в три года. От последнего их решила спасти военная комендатура, дружелюбно предоставив отправиться на восточный фронт.

Юхан остался на Сааре почти в одиночестве: Манчите, после ухода в армию Манчи, что-то понадобилось в доме собственных родителей в селе Кангруспина на хуторе Почтовом. Нет, она не оставляла Юхана совсем без присмотра, прибегала доить коров, кормить скотину, но говорить о том, что Юхан в ней очень нуждался, не стоит, он и сам со всеми делами справлялся, и опять потихоньку сквозь зубы посвистывал песенку про землю Мулги, где жизнь хороша.

Да, все мужчины уходили в армию. Тех, кого не мобилизовали в легион (на словах в легион шли добровольно), тех гоняли в самооборону. От службы в самообороне освобождались только не достигшие семнадцати лет и старше сорока пяти, также работающие на производствах, имевших военное значение. Какие учреждения таковыми считать, решал местный префект полиции. Уклоняющихся от службы в самообороне наказывали тюремным заключением.

А на восточном фронте немецкая... оборона оставалась непробиваемой. И чем теплее становилась погода, тем непробиваемей становилась немецкая оборона, все наступления противника успешно отражались, при-

чем противник нес тяжелые потери, а поскольку большевики были не в состоянии прорвать оборонную линию германских войск, настало время разъяснить всем и каждому, что победа состоит из лепты каждого отдельного человека, что поэтому вопрос ставится так: трудовое обязательство или эстонский легион? И то и другое — не Африка, такое представление сложилось о них у Короля по тому, как к ним относились взрослые.

Заодно, чтобы люди республики почувствовали себя уверенно, во всех газетах их радостно оповещали о том, что идет к концу строительство Атлантического вала где-то то ли в Бельгии, то ли в Голландии или там и тут одновременно, так что немцы со стороны запада крепко защищены. Но хотя Король Люксембургский и был еще сравнительно молод (о том, что ему уже исполнилось двенадцать, он даже не известил никого — до того стало неинтересно жить в мире маленьким королям), он тоже понял, что народу на восточном берегу Балтийского моря по этому поводу радоваться особенно нечего, тем более если учесть, что, по мере того как нет-нет да приближался восточный фронт к западу, газеты все более пестрели описаниями того, что вытворяли русские на «освобожденных» ими территориях.

Например, как стало известно из Швейцарии от турецкой агентуры, НКВД ужасно расправляется с массами, а в Смоленске сообщение о приближении советских войск вызвало среди населения панику. Когда же большевики овладели городом, население Смоленска было собрано на большой площади, мужчины отделены от женщин, и каждый пятый расстрелян. Оставшихся мужчин мобилизовали. Женщин принудили очищать окрестности города от немецких мин. В достоверности этих сообщений можно было не сомневаться, поскольку турецкие агенты в Швейцарии по-

лучают, надо полагать, информацию непосредственно от своих итальянских коллег из Греции, которые поддерживают связи с китайской агентурой в самой Монголии.

В общем и целом война все больше ожесточалась. Стали призывать народ к более строгому образу жизни. Двадцать девятого апреля генерал-комиссариат сделал заявление, что во время войны неприлично завивать в парикмахерской волосы, что излишняя кудрявость есть кокетство непозволительное, что фальшивые волосы (парики) можно применять только для прикрытия на голове совсем уж голых участков. В парикмахерских должны висеть инструкции, какой длины могут носить волосы женщины, то есть не более семи сантиметров. Разрешено мыть в парикмахерских головы. В мужских парикмахерских разрешены все виды услуг, кроме маникюра, а о педикюре не смей и заикаться! После такого заявления некоторые несчастные, кому не повезло, потому что оказались кудрявыми от рождения, спешно стриглись наголо, а женщины стали носить на волосах сетку, напоминавшую паранджу в восточных странах. Строгость! Во всем строгость!

А это что еще за дурная привычка! Накопительство! Копить деньги тоже в общем-то нехорошо. За это даже наказывают. Выяснилось, что достаточно много людей этого не знали. Что ж, бывает. Чтобы такая неосведомленность не укоренилась в народе, его об этом известили по всем существующим каналам информации. Даже в качестве примера приводили женщину где-то в Кобленце, которую судили за то, что без особых надобностей с сентября 1939 года по июнь 1941-го держала на руках сорок семь тысяч рейхсмарок; она тоже объясняла, что не знала, что это наказуемо. Но это так! В суде установили, что копила она деньги от жадности (еще куда ни шло, если

бы не от жадности) и приговорили ее к одному году каторжных работ. Деньги же, сорок семь тысяч, конфисковали.

Надобно знать, что соответствующие меры наказания распространяются и на восточные территории, причем за хранение денег без надобности могут осудить к тюремному заключению, в особо тяжких случаях и к каторжным работам. Отсюда следует, что личности, которые укрыли у себя крупные суммы, должны учесть, что это может причинить им нежелательные экономические и личные неудобства.

Относительно же табака... выращивание табака без разрешения запрещается. Вообще все, что не разрешено, запрещается. А тот, у кого имеется разрешение, должен все отдать государственным монополиям.

Его Величество продолжал сражаться в школе, и надо сказать, что это была трудная борьба. Она настолько измучила его, что, откровенно говоря, было не до взрослых с их настроениями, любовными и прочими проблемами. Да, сахара по карточкам давали только восемьсот граммов на месяц и это, согласитесь, мало. Правда, восемьсот давали только Королю, на взрослых же полагалось еще четыреста, но ведь они его сами и съедали... Этот вопрос единственно и занимал Короля во взрослой жизни, а то, что Хелли с Вальве Земляничкой при случайной встрече не здоровались, что Алфред редко приходил домой, что в торжественной комнате редко заседало интеллигентное общество и не стало, как раньше, музыкальных вечеров, все это было заметно, но не беспокоило Его Величество. Единственно, когда он шел из школы и доходил до здания тюрьмы, то всегда с ненавистью на нее посматривал, хотя разве тюрьма виновата, что ее тут построили...

А так ничего интересного в жизни Короля как будто не было. Зимой, когда стояли сильные холода, в школе читал лекцию доктор Килк на тему «Как защититься против мороза». Довольно забавно. Средство против холодов он рекомендовал исключительно надежное, то есть теплее одеваться, причем обратил внимание на то, что хорошо помогают шерстяные вещи, как-то: свитера, носки, шарфы, рукавицы. Но в школе, несмотря на такую содержательную лекцию, иногда появлялся кашель, тогда школу закрывали — праздник! Но такое случалось нечасто.

В конце марта, правда, произошло некоторое оживление не только в жизни Короля, но и во взрослой жизни населения города. В газете появилась пространная заметка о посещении Журавлей индийским профессором — магом и ясновидцем — Мутатекли. Оказывается, в Журавлях существует местное метафизическое общество и кружок оккультистов. Они и пригласили Мутатекли (а как же запрет на предсказание судьбы да другие дела черной магии?). Профессор должен был приехать неделей раньше, но задержался в Калькутте на Международном конгрессе ясновидцев. Оказывается, имя профессора в мире оккультизма широко известно. Этот человек предсказал первую мировую войну и ее последствия (может, он предсказал и победу германских войск?). В Индии, недалеко от Дели, с его помощью открыты драгоценности, спрятанные в землю в предыдущие столетия каким-то воинственным магараджей. Из «восточных территорий» профессор поедет в Берлин, оттуда с немецкими египтологами в Египет, чтобы отыскать гробницу Клеопатры.

В связи с Клеопатрой существовала какая-то пуганица, потому что задолго до этого на страницах одного парижского журнала, откуда это сообщение перекочевало на страницы «Нашей Земли», писали о сен-

сационном открытии, будто египетская царица Клеопатра похоронена (то есть мумия) вместе с другими мумиями в Париже.

В Париже существовал особый культ Клеопатры, существовали общества Клеопатры, а в тысяча девятьсот тридцать шестом году полагали учредить марку с ее изображением в честь двухтысячелетия то ли со дня ее смерти, то ли рождения. По сведениям парижского журналиста, прах Клеопатры захоронен в саду национальной библиотеки, недалеко от редакции газеты «Журнал». Рассказал об этом старик — генеральный секретарь национальной библиотеки, единственный живой свидетель захоронения Клеопатры, а захоронили ее во время Коммуны в 1871 году.

Генеральный секретарь (Монрэй) рассказал, что в национальной библиотеке находилось в то время много египетских реликвий, позже переправленных в Луврский музей. Среди них три мумии, две мужских, одна женская. Рабочие звали женскую мумию Клеопатрой. Все студенты, посещавшие библиотеку, влюблялись в эту мумию. Они настолько ее боготворили, что искали предлога остаться с ней наедине. Многие и на ночь оставались возле нее.

Эти три мумии привез из Египта Наполеон, который провел ночь в своей палатке перед мумией Клеопатры. В то время, однако, не умели ценить исторические реликвии так, как в наше время.

Во время франко-прусской войны решили спрятать мумию Клеопатры в подвале, чтобы спасти от бомбежки. Здесь мумии стали рассыпаться. Тогда было решено их захоронить.

Похороны Клеопатры состоялись холодным весенним вечером, когда Париж скрылся во мраке и тишине. Перед похоронной процессией шагал со светильником Монрэй, освещая дорогу, за ним шли солдаты национальной гвардии, несли мумии. Их опустили в выры-

тую могилу, и Монрэй бросил каждой вслед горсть земли. Он и другие студенты часто посещали место, где был похоронен их романтический идеал.

Представителю «Нашей Земли» удалось взять интервью у профессора Мутатекли. Внешний вид профессора потряс посетителей. Он предстал перед ними в сопровождении двух своих черных слуг. Не привыкший к нашему суровому климату, он был одет в тяжелую шубу с высоким воротником. Лоб низкий, покаты к затылку, нос приплюснутый с широкими ноздрями, глазки маленькие и острые. Длинные пепельного цвета волосы ниспадали на воротник шубы. Сообщили, что ясновидец свободно владеет английским, французским, немецким, русским, индустанским, итальянским, испанским, негритянским. Говорит он неохотно. Его пергаментной безликости черты лица не подвластны даже зачаткам улыбки. Походка слегка раскачивающаяся.

Свои ясновидческие способности профессор продемонстрировал, сообщив окружающим, сколько денег у каждого из них в кармане, даже определил купюры у одного. Мутатекли намерен осуществить в Журавлях опыты в замке, где подозревается существование тайников: многие изыскатели из Главного Города не раз пробовали их обнаружить, сделано немало раскопок, до сих пор безрезультатных. Подозревают, что в замке спрятаны коллекции известного шведского ювелира — золотые изделия и бриллианты, оставшиеся в замке со времен Северной войны. Завтра вечером в шесть часов профессор начнет изыскания в большой башне, также в «шахте львов» и в замковой церкви, где в настоящее время хранятся товары, предназначенные для военной комендатуры города. Метафизики в Главном Городе ждут с интересом, какие секреты и тайны откроют старые стены нашего замка.

Такой подробный и, надо признаться, интересный

материал взбудоражил умы городских жителей, так что и Король, и многие из людей Тори в названный вечер вертелись у входа в замок, чтобы поглазеть на диковинного профессора, чей портрет, кстати, напечатали в газете. Со страницы смотрел действительно весьма странный субъект с длинными волосами, низким лбом и приплюснутым носом с широкими, мягко говоря, ноздрями. Кроме людей Тори в замковом дворе с независимым видом разгуливало немало и других любопытных, в большинстве своем женщины. Король, пожалуй, одним из последних ушел домой, когда уже совсем стемнело и стало ясно, что профессор не появится. Некоторые высказали предположение, что он заболел: все-таки непривычный местный климат, здесь и шуба могла не помочь. Надеялись, что в газете будет объяснение. Оно и было... второго апреля:

«В нашей газете за 31 марта по традиции мы печатали наш апрельский розыгрыш. Можно вполне поверить, что под стенами нашего замка находятся не найденные богатства, также и в то, что существуют всемирно известные профессора тайных дел, хотя напрасно, конечно, ждали его 1 апреля у замковых ворот желающие удовлетворить свое любопытство. Портретом же «профессора» мы использовали фотографию обезьяны какадю рубикундуса из многотомного произведения Брэма «Жизнь животных». Поздравляем доверчивых! Общеизвестно, что таковые являются самыми благородными и чистыми душами среди человеческих существ».

Однако в этой интересной шутке кое для кого сохранилась полезная информация... О Клеопатре? Нет, конечно. Обезьяны она также не касалась, а чего касалась, о том и расскажет, когда настанет время.

А время шло. Месяцы миновали один за другим. Ангелочек продолжала находиться в тюрьме, Сесси пропала без вести, ее нигде не было видно. Иначе, учи-

тивая, что в Звениного знали про интерес к ее особе майора Майстера, какой-нибудь честный друг немецкого фюрера известил бы комендатуру. Никто не сообщил, значит, ее не видели. Искать ее никто тоже не считал нужным: невелика птичка в ее семнадцать-то лет, да и знала ли она о «преступлении» Ангелочка, тоже неизвестно. Ангелочка не расстреляли, как уже случилось со многими, обвиняемыми в укрытии русских, и то ладно. Последнее конечно же можно объяснить и служебным положением как Алфреда, так и хлопотами Отто Швальме.

Когда Его Величество освободился наконец от каторги, он вышел на свободу, обогащенный огромными знаниями. Он, например, знал, что на высоте десяти-одиннадцати километров температура воздуха доходит до пятидесяти пяти градусов ниже нуля, что, если кто-нибудь думает, чем выше, тем холоднее, значит, он бессовестный неуч; образованные же люди знают, что на самом деле совсем не так, скажем, на высоте тридцати километров все та же температура, а еще выше, километров на сорок — пятьдесят, столько же градусов и тепла, то есть пятьдесят — шестьдесят градусов; но если подняться еще — на высоту примерно девяноста километров, то опять жуткий мороз, сто семьдесят ниже нуля, в то же время на высоте ста километров... Здесь Король точно не помнил — жара или собачий холод. Но что на высоте трехсот километров адская температура — тысяча сто градусов, о том знает каждый нормальный человек ¹.

Алфред жил в доме у реки, и как-то так получилось, что об этом постепенно узнали все знакомые не только на Закатной улице, а также и в городе, хотя ни-

---

¹ Сведения астрологические (авт.).

кто не мог сказать, что Алфред Рихард и Хелли Мартенс в разводе. Ведь Алфред по-прежнему привозил Хелли дрова, отдавал льготные продуктовые карточки, снабжал деньгами, катал ее и Короля на своем грузовике, когда Хелли нужно было съездить в Праакли поискать шерстяную пряжу или договориться относительно доставки молока. Молоко покупали и в городе, то есть в магазине, то, что давали по карточкам, но, договорившись с хуторянами в Праакли (6 км от Журавлей), можно было достать хорошее молоко, и за ним с удовольствием ездил Король на летательном аппарате.

Конечно, улица Закатная небольшая, всем так или иначе становится со временем заметно, когда в каком-нибудь доме, в чьей-то семье что-нибудь происходит. Особенно в такой заметной семье, как семья Алфреда, а ведь никто не станет спорить, что семья Алфреда заметная, и он сам тоже очень даже заметная личность. Но когда супруги не дерутся, когда нет скандалов, когда они продолжают мирно общаться, то с такими обычными вещами, как то, что ОН ночует отдельно в другом доме, а ОНА не здороваается с бывшей подругой, — к таким вещам со временем привыкают, и скоро это перестает быть предметом разговора. Так, по крайней мере, представлялось Алфреду. Но Хелли Мартенс так не представлялось, потому что очень редко когда мужчинам и женщинам жизнь представляется одинаково, особенно в таком деле, как-то: где кто спит.

Хелли почему-то была уверена, что всему миру известно то место, где ночует Алфред. Считала ли она это унижительным для себя? Унижительным не унижительным, но малоприятным. Хотя кажется, сам факт, что он к этой Земляничке зачастил, ее не очень заботил — кто не любит землянику! Так ей казалось. Тем более что и она чувствовала какое-то ей самой непо-

нятное облегчение, когда осознала, почему он, Алфред, поселился у реки.

Но прежде возникло другое: у нее к нему появилась необъяснимая антипатия. Он не оказался хорошим мужем? Но, судя по рассказам других женщин, в этом «они» в большинстве своем одинаковы, то есть все «они» обожают полакомиться земляничкой. У «них» это все равно, что воды напиться: захотел пить — попил из первого подвернувшегося источника. Конечно, в одном «источнике» вода теплее, в другом — холоднее; в одном — вкуснее, в другом — не очень, тут все зависит от жажды. А так, если близко есть «источник» с не очень вкусной водой, они далеко искать повкуснее и не станут: важно напиться, чтобы жажду утолить. Любовь?.. Любят они в это время, как ни странно, ту «воду», которую лакают совсем другие люди, которой им даже капельки не достается.

Но не в этом, в конце концов, дело. Если здесь что-то было малоприятным, то только предрассудочность общественного мнения, поскольку принято считать, что для женщины унижительно, когда ее муж спит отдельно от нее. Хотя, может быть, ей самой это даже приятно, может же быть, что у нее самой уже что-то в этом деле изменилось, потому что образовалось критическое отношение к мужу, и, бывает, вместе с неуважением к его психологическому уровню... то есть, потеряв достоинства интеллектуального характера, он как бы теряет и сексуальные качества, и тогда лучше, когда он в постели спит к тебе спиной, или еще лучше, когда его вовсе с тобой в одной постели нет. Хотя... Если даже и нет его в постели, пусть все же ночует в доме... ради приличия. Так считается у людей, а с людьми Хелли должна считаться.

Что же в таком случае остается ей предпринять? Она не может не признать, что Алфред до сих пор делал все, чтобы обеспечить благосостояние своей семьи,

оттого и с немцами дружит и в обороне служит. Но... Не слишком ли преданна эта служба, не слишком ли далеко зашла? Должен же быть предел, а здесь... Арестовать собственную мать! По понятию Хелли, это предательство. Она пыталась представить себе, что должна почувствовать, если когда-нибудь такое произойдет с ней, когда Его Величество подрастет и ее таким образом... в тюрьму поведет, чтобы угодить каким-нибудь чужеземцам. А ведь Король в Алфреда вышел, они так похожи — две копии. Она не может не видеть к тому же — как Король гордится Алфредом. Это неудивительно: тот все умеет, любое дело ему по плечу, а для мальчишек дело важнее, чем слово. Да и слово того, кто умеет делать дело, для мальчишки весомее, чем, скажем, Хелли. Ее слово нежное и тогда, когда суровое, оно потому всегда нежное (даже когда ругает), что сама она нежная, и если, скажем, она накажет, то все равно получится ласково.

Бывало, она давала Королю розги, и тот орал на весь Главный Город, но орал-то, и Хелли это понимала, не оттого, что было ему больно,—немного неприятно. И не оттого, что было ему страшно,— вот уж чего нет, того нет. Он орал от обиды: ограничивалась его свобода, посмели идти против высочайшей королевской воли.

Когда же Короля наказывал Алфред, тут и больно и страшно одновременно. Страшно потому, что он, Король, оказался в немилости у «императора», у того, чью власть признавал и уважал, чьему делу поклонялся. Что Хелли, наказав, прощает, то не вызывало никаких сомнений, и Королю было все равно, как и когда это произойдет. Другое дело с Алфредом: Король ждал прощения, примирения и радовался, когда Алфред говорил: «Я тебя потому наказываю, что люблю...» И долго потом в ушах эхом повторялось: «Люблю... люблю...» Такое непривычное слово в устах Алфреда.

Хелли было неприятно, когда Мария Калитко, встретившись, пыталась завести разговор об Алфреде, конечно, искренне, притом подчеркивая свою с ней, с Хелле, женскую солидарность, хотя, упаси боже, она ничего такого конкретного про Алфреда сказать не может, но она думает, что он все-таки как-то очень отрешается от дома, это видно. Но а если случается, само собой промелькнет замечание в адрес Земляники, то в малоуважительном тоне. Хелли все это неприятно. Но куда ей от этого деваться?

Хелли казалось, что все смотрят на нее, как на женщину, которую бросили, как на женщину, чей муж ушел к другой. Хотя он к той не ушел. Он живет в своей квартире... в одной из своих квартир. Даже госпожа Килк, говоря с Хелли о продуктах, или продовольственных карточках, или о погоде, как-то не так смотрела и наверняка чего-то недоговаривала, в глазах у нее что-то было такое... Даже эта Мурлоо или Морилоо, встречаясь, как-то очень уж по-свойски, заговорщицки с ней переглядывалась и, здороваясь, передавала привет Алфреду, офицерам, в ней явно что-то было не так, как прежде... А куда ей, Хелли, от этого деваться?

Из Журавлей уезжать смысла нет да и некуда — она чужая на острове, здесь нет у нее родственников, идти жить на Сааре неестественно, там теперь один Юхан, а он все-таки отец Алфреда, хотя живет старик замкнуто, весь мир вокруг него как будто существует отдельно, и можно подумать, его мало интересуется, что делается вокруг в действительности. Больше же идти некуда. Единственно, на Большую землю — домой в деревню Березы, которая недалеко от порта Навозного. Там ее незамужние сестры после смерти родителей остались на земле и держат хутор, там для Хелли всегда место найдется. Но Король! Что же Его Величество, что же будет с ним?

Когда Король еще не короновался на трон Люксем-

бургский, он бывал в доме, в котором родилась Хелли, но почти не помнит его. Вся остальная его жизнь прошла или в Главном Городе, или в путешествиях, а последний, очень динамичный период — на Островной Земле. Поэтому, если душа Хелли тянется в деревню Березы, возможно, она даже скучает по местам своего детства, то Король уже чувствовал себя тем, кем и являлся по рождению — островитянином.

Все смешалось в душе Хелли: война, русские, немцы, убитые в замке и самообороновцы, Алфред, Король и Земляничка. Хелли чувствовала, что опутывается, словно паутиной, которая окутывает ее существо разноцветными лоскутками — черными, красными, желтыми. Порою от дум у нее болела голова, а решиться она ни на что не могла. Уйти надо, и есть куда. Но Короля с собой взять нельзя: он с таким трудом привыкает к школе, и оторвать его отсюда, чтобы в который раз определить в новую школу — это рискованно. Он может совсем перестать учиться — и тогда как? Оставаться же ей здесь, у Алфреда, когда тот почти откровенно навещает Вальве, быть посмешищем всему городу и готовить кофе немцам, прислуживать им всем, словно она какая-то бесхарактерная баба, и наблюдать падение Алфреда, соглашаться с этим... Значит, принимать участие во всем этом свинстве. А что же она ответит Королю, когда он спросит: где Ангелочек? Он уже не спрашивает, перестал спрашивать, он знает, где она, но в глазах этот вопрос стоит.

Время шло, Хелли думала, Король опять бегал к Лонни на пастбище, опять ходили коровы через Тори, Алфред служил, Сесси пропала, а война продолжалась. В газетах писали отчеты о том, сколько сбито самолетов, о тоннаже потопленных на морях судов, убитых и пленных, а Ангелочек все находилась в тюрьме. Женщин на Островной Земле, как и везде в республике, стали вербовать в Германию помогать тамошним хо-

зьякам, и Хелли с госпожой Килк об этом как-то по-судачили: какие же должны быть из себя эти дамы и какие их хозяйства, если в Эстонии для них вербуют помощниц, и почему именно здесь? Однако тридцатого августа транспорт ушел в Германию с такими добровольными помощницами. Было это, кажется, в тот день, когда шторм унес на пляже деревянные будки-раздевалки и кто-то высказал опасение, что немки из-за шторма могут остаться без вспомогательной службы.

Восточный же фронт, кажется, довольно сильно приблизился к западным границам «восточных» территорий. Об этом красноречиво говорили все участвующие заметки в газетах, статьи, рассказы о том, как большевики НКВД совершали в республике свои кровавые дела. Опять стали с подробностями описывать как все было, когда в 1941 году освобождали Журавли. А люди, также и Алфред, недоумевали: зачем об этом опять болтать, ведь все уже давно известно? Уже неинтересно. Гораздо интереснее то, что турки выловили гигантскую рыбину длиной в двадцать метров, которая весила тринадцать тонн, когда ее разрубили, обнаружили кость человеческой руки и капитанские петлицы...

Доктор Геббельс объявил в Берлине, что война может закончиться только победой Германии.

«У нее нет ни малейшего страха перед противником,— говорил он,— на нашей стороне не только право, но и сила, это будет доказано, когда настанет необходимость». В газете «Дас Рейх» доктор Геббельс объяснил, что в теперешней войне ни одно государство не избежало критических ситуаций: у англичан у Дюнкерка, у большевиков — когда немецкие войска стояли на подступах к Москве, у американцев Перл-Харбор, когда они потеряли Филиппины. Было бы исключением, если бы немцам не пришлось в этой войне выдер-

жать похожие испытания. Но нам относительно легко эти трудности преодолеть,— заключил рейхсминистр,— в наших руках богатые запасы. Отступления и потери требуют определенного опыта, а его-то у нас нет. Для окончания войны имеется единственное средство — наша победа. Никакая сила в мире не заставит нас отказаться от нашего элементарного права на свободу, национальную независимость и саморазвитие. Противники ошибаются, считая, что мы устали,— у нас таких признаков меньше, чем у них. Если английско-еврейские журналисты теперь мечтают о марше в Берлин, то направим их внимание, дабы остудить их нервы и головы, на то обстоятельство, что перед гигантскими бетонными укреплениями нашего Атлантического вала достаточно места для массового погребения англичан. Англия в этой войне,— подчеркнул Геббельс,— пустилась в приключение, которое даже в случае их победы себя не оправдает. Моральная же выдержка немецкого народа не дает врагам ни малейшей надежды. Даже в лагере противника начинают понимать, что их непреодолимые трудности теперь, когда они стоят перед Европейской крепостью, только начинаются. Мы свои оборонные линии стягивали и стали за счет этого еще сильнее. Насколько — это враг скоро установит на собственной шкуре. Война переходит в новую стадию и перспективы для нашей победы приоткрыты...»

Геббельс подчеркнул, что считает необходимым так высказаться, поскольку он осознает военное превосходство Германии. И бог этому свидетель. Но бог очень удивился, когда англо-американская авиация бомбила Рим, причем разбомбили церковь Сан-Лоренцо, в которой гробница папы Пия XI. Пострадало кладбище в Вероне. Римский папа застонал: «Более ужасного я в жизни не переживал». Однако же вскоре бомбили уже не только Рим, но и Ватикан. Несколько пострадали церкви Святого Петра и канализация го-

сударства Ватикан. Мало того, англичане с американцами стали ломать головы, нельзя ли вызвать в Японии искусственное землетрясение, если сбросить бомбы в действующие или потухшие кратеры вулканов. Пожалуй люди, если бы сумели, расковыряли бы кору земного шара, словно скорлупу кокосового ореха, будь они уверены, что уцелеет та половина, на которой ковырявшие.

В кинотеатре «Скала» шел фильм «13 стульев» с Гейнц Рюманом в главной роли. Гиммлер посетил учебный лагерь эстонского легиона, это обнадеживало, легионерам до последнего гренадера удастся скоро раздобыть какой-нибудь крестик. Это в общем показалось утешительным. Хотя фотографии в газетах, на которых сняты отступающие немецкие солдаты, взрывающие железнодорожные линии, опять же все надежды сводили на нет. Разные другие газетные информации тоже наблюдательному человеку надежд не прибавляли. Например, главный шеф самообороны, некий Скульттатус, благодарил самооборонцев республики, назвал их примерными воинами и, сев в поезд, распрощался с Главным Городом, то есть укатил в Германию, не сказав, когда вернется. Далее республиканцев попросили пожертвовать десять процентов из зарплаты на благо победы. Но что могут дать какие-то жалкие-прежалкие проценты в оккупационных марках?

В небесно-синем доме провожали Отто Швальме. Хелли варила кофе, Алфред играл на аккордеоне, Тайдеман рассказывал Королю Люксембурга о других королях — бывшем румынском, который поступил на службу в рекламную фирму в Северной Америке за тридцать пять тысяч долларов в год, и о короле Италии — Викторе Эммануэле, который отказался от трона из-за того, что быть королем в таком паскудном мире нет никакого удовольствия. После чего итальянцы, говорят, до того обнаглели, что науськанные ка-

ким-то своим маршалом объявили войну Германии...

Отто уезжал в Германию и откровенно этому радовался. Наконец он увидит свою семью и наконец ему не надо чувствовать себя виноватым перед Алфредом, а в Германии он стал нужен по специальности, там нуждаются в тех, кто мог бы вложить свежую инженерную мысль в строительство оборонительных сооружений.

А Большая Урве что ни день, то зовет Короля: «Приходи к нам, мне мальчики ой какие истории рассказали!..» Ее матери почти всегда нет дома, поэтому Король, хотя и хотел услышать истории, идти опасался: вдруг она пристанет «Лечи меня...» Что тогда?

ГЛАВА XII

Король Люкс, как он, помнится, разрешал к себе запросто обращаться Свену да Вальдуру, еще наслаждался свободой, бегал, хотя опять настала осень и опять должна начаться каторга. Но пока еще свобода, и он наблюдал, как режут камыш в старых замковых рвах, как в панике разбегаются утки. Его всегда занимал вопрос: как они проводят зиму, эти утки? Когда замерзает море, когда бывают морозы, такие, что реки и колодцы до дна промерзают, где же тогда живут утки? Ведь едва потеплеет и начинается весна, они опять то тут, то там показываются на побережье, потом их полно везде, они разгуливают по парку, словно именно они в нем хозяева. Где они зимуют? Но не станет он никогда расспрашивать, когда-нибудь сам узнает.

Он, собственно, как будто интересовался, кажется, у Манчи в свое время. Помнится, про уток разговор был: почему их нет на пруду в Звенинога? Тогда Манчи уснул на телеге во дворе Сааре, и девки во главе

с Манчитой вытащили его со двора вместе с телегой, прикатили к пруду и загнали в самую середину. Пруд неглубокий, вода едва колеса покрыла. С берега стали швырять в него небольшие камешки, один ударил Манчи по носу, он в испуге спрыгнул с телеги: «Кто тут дурака валяет!» И как же он тогда вскрикнул от страха, оказавшись по брюхо в воде! Об этом долго в Звенинога звон ходил. Да, помнит Король, хотя он был тогда маленький, это еще до прихода марсиан. Но что Манчи насчет уток сказал, этого он не помнит, все-таки очень давно это было.

Однажды он пробирался в замок через маленький ржавый железный люк в самом основании западной стены. Он шел вдоль стены, вокруг никого, здесь редко проходили люди. Дошел до люка, встроенного в стену, видимо, в те времена, когда замковыми помещениями пользовались в качестве зернохранилища. Потянув за ручку, Король убедился, что люк не задраен, и проскользнул в него.

Он очутился в сыром подвале со сводчатым потолком. Ходил из подвала в подвал, в некоторых помещениях полы из доломитных плит выломаны. Он искал тот подвал, где было это... В замке царила могильная тишина, хотя на дворе день. Долго бродил он в этой зловещей тиши в сумраке: свет сквозь маленькие оконца в толстых стенах пробивался с трудом. Король шел из одного помещения в другое, а тот подвал не попадался. Он потерял ориентацию. И не было летучих мышей, но они как будто должны быть...

В подвалах ничего, они пусты, ни мебели, ни утвари, ни старого, ни очень старого — ничего. Он пытался сообразить, с какой стороны могла быть луна, если бы была ночь, и двинулся в ту сторону, рассматривая стены, ища выцарапанные на них надписи, имена, но в

темноте трудно рассмотреть. Вдруг в одном из подвалов на что-то споткнулся, здесь посветлее, он пришел в юго-западную часть замка, где солнце ярче освещало, окна здесь тоже небольшие, вернее, они даже меньше, квадратики с толстыми крестовидными решетками. Он споткнулся о матрац...

Может, это тот?.. Матрац действительно весь залит неизвестно чем и словно изрезан, распорот, в уголке из него выпрыгнули ржавые пружины. Может, на этом матраце он и лежал, тот человек с распоротым животом и раскрытым ртом, словно дико хохоча?.. Тогда должна быть где-то недалеко лестница на первый этаж, на галерею. Король направился наугад и вышел к лестнице, поднялся по ней и очутился на галерее, в точности так, как тогда во сне или наяву, в бреду или в действительности.

Двинулся дальше, выглядывая через узкие окна во внутренний дворик, дошел до поворота, здесь галерея вела направо и кончилась ступеньками вниз... к выходу из замка. Король не стал спускаться, он знал: вход закрыт на замки.

Он вошел в дверь, которая ввела в анфиладу комнат на первом этаже, затем какими-то ходами, лестницами поднялся на следующий этаж, и так помещение за помещением, зал за залом стал двигаться по этому огромному таинственному строению.

Ведь уже с первых дней, когда он только увидел замок, тот стал средоточием его мыслей, и он сам не мог понять почему. Также и теперь, когда один в совершеннейшей тишине двигался здесь, глядя на все с любопытством, смешанным со страхом и непонятым благоговением, он не мог объяснить себе этого чувства. Станные и непривычные мысли одолевали его. Замок оказался для него символом времени.

О, да, он читал уже исторические книги, романы, с интересом представлял себе жизнь людей в далеком

прошлом, их быт, их стремления, но физическое ощущение этой давности и реальности — что раньше были и творили люди хорошего, плохого или страшного, — это ощущение действительности он обретал здесь, в замке. Он знал и читал про жизнь феодалов, про рыцаря, которого в этом замке замуровали живым в крошечной комнате, где его нашли через сотни лет, ко всему прибавилось увиденное не так давно. Но даже не ужасы эти были причиной того, что он испытывал к старому замку.

Здесь он словно уходил из реального мира, сам становился как будто вечным, и, глядя на солнечные лучи, освещавшие через разноцветные стекла причудливо кусок противоположной стены, он подумал о том, что солнце и тысячу лет назад именно в этом месте посылало свои пучки света, хотя тогда замка не было, на этом месте стояло что-то другое, а потом построили замок, но солнечные лучи не изменились. Потом ушли в прошлое и люди, построившие замок, и дела их — любовь, рождение, убийства, смерть. Пришли другие люди и другие дела, а солнечные лучи неизменно освещают это место, и уйдут, станут через тысячелетия прошлым теперешние люди и их дела, и тот человек с распоротым животом, и все другие, а солнечные лучи будут все так же освещать это место, как будто ничего и не было... И это все показалось Королю до того странным, он задался вопросом: неужели же и благородство, и подлость, и убийства, и любовь, страдания — неужели все это нигде не фиксируется, неужели жизнь существует сама по себе, бесцельно, так же, как безразлично льется свет солнца, — льется и льется, светит и светит, все равно, что бы ни происходило на земле? А что это именно так обстоит — разве существование замка тому не доказательство? Была одна жизнь, теперь другая, а оно... светит.

Однажды у него произошла неожиданная встреча

на западном валу, откуда хорошо виден тот люк, через который Его Величество влезал в свое родовое имение, ведь у всех настоящих королей существовали замки, хотя им не было нужды входить в них таким малодостойным манером. Король заметил странного человека примерно одного с ним возраста. Одет он был соответственно сезону, по-осеннему: помимо брюк и чего-то другого обязательного, чтобы не быть голым, ботинок и вязаной шапочки на нем был толстенный камзол серого цвета, а поверх него брезентовая курточка. Человек показался Его Величеству знакомым, хотя он не мог припомнить, в какой драке они могли участвовать. Человек конечно же не принадлежал к людям Тори, которых Его Величество знал всех до одного. Было странно и то, что он в одиночестве вот так шлялся в окрестностях замка, когда в последнее время люди Тори да и другие из города, во всяком случае народ такого возраста, в одиночестве не ходили, всегда группами в несколько человек, хотя бы вдвоем. Правда, Король тоже был один, но он же... король!

Тем не менее человек показался знакомым, и он ему, по-видимому, тоже: тот как-то пристально рассматривал Его Величество. Так и стояли друг против друга на западном валу феодально-епископского замка, словно принц и нищий с обложки книги, которую Его Величество когда-то очень давно прочел. Правда, те на обложке сильно отличались друг от друга одеждой, здесь тоже одеты они по-разному, но по одежде никто бы не сказал, кто из них принц, а кто нищий. Правда, Его Величество можно признать королем именно потому, как он держался, а держался он так, как подобает королям: непосредственно, свободно, в то же время гордо, но без вызова, поглядывая на противника... На потенциального противника. Он, Король, знал, что он — король, владелец этого замка, а кто таков незнакомец?

— Ты кто? — решил он немедленно установить.

— А ты? — ответил дерзко незнакомец вопросом на вопрос.

— Я-то Король... Люкс,— объяснил Его Величество как-то не по-королевски, даже вполне дружелюбно.

Тогда незнакомец заулыбался и произнес, хотя и на родном языке Короля, но с сильным русским акцентом:

— Я и смотрю, знакомое лицо... думаю: где я видел это лицо? Теперь знаю, что видел... Если ты Король Люкс, я — Иван. Как Лилиан живет?

Так вот кто этот незнакомец! Король удивился, что про него уже совсем забыл: маленький Иван... которому Лилиан пирожки в карманы совала, который хвастался своими портянками и человеческим достоинством и велел себя величать по имени и отчеству. Как же это звучало? Иван...

— Родионович! — вспомнил Король и протянул руку, которую маленький, но уже подросший Иван крепко пожал.— А ты уже говоришь... на нашем языке? — удивился Его Величество и поинтересовался, как это Ивану удалось так хорошо изучить его родной язык.

— Мне Лилиан Вагнер помогала,— немного неправильно произнося некоторые слова, но тем не менее вполне понятно рассказал Иван,— она меня все время навещает и помогает.

Только теперь дошло до Короля, вернее, он вспомнил о давней заботе, которая у всех людей Тори образовалась с исчезновением маленького Ивана: где же он все это время жил? Иван не сразу ответил, он как-то хитро взглянул на Короля, затем сказал:

— Ты хорошо немченка того отлупил... Потому скажу, но другим не говори, ладно? Я у Калитко живу. У того, который картины рисует. В его ателье. Там высокие заборы. На улицу недавно стал выходить, кто и встречается — привыкли ко мне. У меня же на лбу не

нарисовано, что я русский? Калитко тоже никто не трогает. Но все равно не говори другим, ладно?

Слово «ладно» Иван произнес по-русски, потому что на эстонском языке такого слова нет. И Король ответил тоже, естественно, по-русски:

— Ладно.

А что? Вообще-то королям не воспрещено говорить по-русски, если, конечно, умеют. Но Его Величество забавляла другая мысль. Лилиан Вагнер, урожденная немка, учила маленького русского эстонскому языку — разве не смешно? Но откуда известно Ивану про то, что он юмбу «свинганул»?..

— Жора видел, — объяснил Иван, — он сказал, что ты уже меез и торе пойсс¹.

Нет, такими детскими комплиментами благоволения королевского обычно не добиться. Однако же поскольку это сказано Калитко... Он хотя и неряшливый, этот Жорж, от него всегда воняло гехатипатом, но почему-то Король относился к нему с особым вниманием: эти страшные картины, предсказывающие будущее, и другие картины, даже гехатипат, они вызывали у Короля к Калитко уважительное со страхом чувство.

Итак, маленький Иван нашелся. Но что это он разгуливает в одиночку на валах родового замка Его Величества? Оказывается, Иван интересуется замком (его архитектурными особенностями) и хотел бы совершить по нему небольшую экскурсию, но не располагает специальным приглашением, позволившим проникнуть внутрь, обеспечивавшим также наличие гида, на собственные способности ориентироваться в замке Иван не надеется. Иван знаком с изысканиями профессора Мутатекли, который, кажется, проявил особый

---

¹ Мужчина, молодец (эст.).

интерес к замковой церкви, во всяком случае, про эту церковь что-то в печати промелькнуло и, помнится, было связано с курительной бумагой, которая в настоящее время везде в мире является исключительной редкостью, почти музейным экспонатом, отчего совершенно естественно, что ее в таких исторических заповедниках, как замок Курессааре в городе Журавли, только и можно видеть в музейной обстановке.

Так что Иван нуждался, как мог заключить Король, в гиде. Ах, да! Еще говорилось о специальном приглашении... Ну, это легко устроить. И Его Величество, взяв Ивана покровительственно за руку, сказал великодушно:

— Замок, конечно, стар... Непонятно даже, что в нем может быть интересного, но пожалуйста.

И потащил Ивана к люку в стене. Закрыв за собой «дверь», они очутились на подоконнике такой ширины, что хоть ложись. Здесь Король, словно извинившись, предупредил своего гостя, чтобы осторожно спустился с подоконника — темновато, свет еще не проводили, так что... А что в этом замке представляется гостю интересным? Очень хочется Ивану тоже поискать спрятанные драгоценности или просто ценности, у него тоже, как у профессора Мутатекли, есть метод... свой. Он даже более уверен, что в состоянии обнаружить ценности, чем этот лохматый ясновидец. Главное, церковь найти. А церковь...

Король как будто знает, где она расположена. Нет, нет, молиться Ангелочек его не научила, и это тут ни при чем, только он помнит, что когда в замке попал в зал со сводчатым потолком (как почти все помещения вокруг) с колоннами, в котором вдоль стен с гербами расставлены стулья, а в центре подиум с большим деревянным сиденьем, с высокой спинкой (он с удовольствием посидел тогда на этом троне и мысленно обратился к придворным, сидящим на сиденьях

вдоль стен, каждый под своим гербом), то обнаружил запертую дверь, которая, по всем признакам (кажется, над ней крест), вела в церковь.

Они поднялись из подвала по знакомой Королю лестнице, шли по коридору-галерее, вошли в зал с толстыми колоннами. Король шел впереди уверенно, словно действительно знал этот дворец со дня своего рождения, а Иван сзади очень даже робко, опасливо озираясь, ведь он здесь впервые.

В замке всегда мрачно, и Король часто задавался вопросом — когда жили те люди, которые этот замок построили, было ли и тогда так мрачно? Та дверь по-прежнему закрыта. Иван и обратил внимание Короля на то обстоятельство, что всегда ценности легче обнаружить в таких помещениях, двери которых закрыты, чем наоборот. Поэтому, мол, в эту самую церковь попасть желательно во что бы то ни стало. И они в нее проникли. Как? Королю самому совершенно не ясно. Но они вдруг очутились на небольшом балкончике, открытом в самую церковь, отсюда обзоредали небольшое глубокое помещение, которое могло быть только церковью: в южном углу возвышался богато разукрашенный иконостас с позолоченными фигурами Христа и ангелов да с непонятными надписями, а внизу нечто похожее на небольшой алтарь. Все это в данное время не очень занимало внимание хозяина и его гостя, у которого, Король заметил, кадык пару раз дернулся — Иван сглотнул слюну. Слюни у него, очевидно, вызвали ящики и большие картонные коробки, уложенные в помещении штабелями. Вот они — драго... ценности!

Но как до них добраться? Нет, что ни говори, а Иван — почище профессора Мутатекли! Король был восхищен нюхом своего гостя: он, хозяин замка, понятия о кладе не имел, а тут совершеннейший из чужестранцев, который жил где-то на Кривой улице за

высоким забором у Жоржа Калитко, не высовывая носа, и... знает, что здесь что-то должно быть! Как?

Вдруг его осенило: Калитко! Картины!

— Ты этот клад на картине видел? — спросил Король у Ивана.

Карие глаза Ивана задумчиво обследовали церковь. Он сунул руку в карман и достал кисет, но, повертев, затолкнул обратно.

— Не...

— Как же ты мог знать, — не отставал Король. — Наверняка все это было у него нарисовано... Он это умеет.

— Нет. Это... про церковь-то? Так в газете писали, там же, где про профессора Мутатекли... Мне Лириан читала, что в церкви товары всякие валяются... немецкие. Пошли отсюда, — закончил Иван объяснение по-русски, и Король понял, что предложено уйти. А как же драгоценности?

— Так не возьмешь, — шептал Иван, — надо технику применять. Надо завтра.

Они ушли, и опять Король удивился: как уверенно Иван шел обратно через подвалы. Ему самому приходилось здесь несколько раз бывать, прежде чем, не заблудившись, сразу отыскать нужные двери. Наконец они выбрались через «черный ход» из замка и благополучно поднялись по ступенькам на западный вал, откуда хорошо просматривалась небольшая бухта с эстонским и немецким яхт-клубами, с небольшим низким островком Лайамадала.

Здесь, на валу, сидя на скамеечке под кленом, Иван деловито извлек кисет, достал лоскуток газетной бумаги, свернул сигарку и закурил как взрослый. Король вспомнил, как Арви Килк в сарае учился курить — смехота! Король с Иваном договорились встретиться на следующий день в определенное время, и расстались.

Король побежал в небесно-синий дом на Закатной улице, в его душе боролись странные чувства: с одной стороны, он чувствовал себя владельцем замка, он сжился с этой мыслью, это была его тайная игра, тайный мир, как была его тайной Марви, как вообще тот мир, в котором в действительности жил, и здесь, будучи хозяином, он оказался в дурацком положении: он вместе с чужестранцем собирался идти что-то брать из... своего замка. С какой стати? Такая мысль задевала его как Короля Люксембургского, которому беспрекословное поклонение высказали его вассалы Свен с Вальдуром, чем утверждали Его Величество в его самомнении.

С другой стороны, не будучи королем, а обыкновенным мальчиком, он понимал, что они с Иваном на завтра собирались брать «ценности», принадлежащие немцам, военным, так ему сказал Иван. Значит, Король не у себя берет, если... берет. А почему не взять, если это немецкое? Он уже сколько раз слышал, как взрослые говорили, что вот, мол, пришли русские и стали хватать в магазинах все без разбора, потому что денег бумажных у них мешками; но вот пришли немцы и берут даже не в магазинах, а везде, где только могут, и тоже все подряд. Но все это так высвечено, словно люди сами все добровольно отдают во имя спасения от коммунизма; в последнем Король категорически отказывался что-либо понимать: повыдумали себе игрушки — коммунизм, фашизм... Но то, что сам Алфред неуважительно на этот счет выразился — «немцы берут так, что получается грабеж», — это Король отлично помнит, а Алфред не говорит того, чего нет.

Когда Король прибежал домой, он застал Хелли и Алфреда мирно беседующими, чего давно не наблюдал, и, конечно, удивился, хотя кто бы мог это заметить. Король уже умел не показывать своих чувств. Он хо-

тел идти к себе, чтобы не мешать, в душе он радовался их мирной беседе, не понимая полностью, он давно догадался о напряженных взаимоотношениях этих двух дорогих ему людей и даже верно угадал причину их происхождения — Земляничка! Он не забыл тот день, когда видел Алфреда и Вальве целующимися в Земляничкином саду. Короля, однако, позвала Хелли, и он подошел.

— Остаешься с Алфредом,— сказала Хелли грустным голосом,— я завтра поеду на омнибусе в Сухое Место, оттуда в деревню Березы, где мои сестры, где конь— друг моего детства — Черный Тюльпан. Когда вернусь, не знаю, но чтобы ты к тому дню добился в школе настоящих успехов! Надеюсь на это.

Она притянула его к своим коленям и стала гладить по плечам.

— Мы справимся,— сказал Алфред, взглянув на Хелли ласково,— мы с ним не бездельники: и работать, и учиться в состоянии. Не пропадем, так ведь?

Хотя Король уже умел не показывать свои чувства, умения же других притворяться еще не постиг, оттого и ввело его в заблуждение почти нежное обращение Алфреда к Хелли, так что он даже возрадовался — простая душа! Он охотно согласился, что — да, конечно, он умеет превосходно вести хозяйство, что картошку пожарить для него не проблема, что соус он тоже умеет приготовить, что даже суп с клецками сумеет сварить, а белье постирать возьмет Мария Калитко — он не возражает, но Алфред уже давно, помнится, обучил этому Короля, так что в общем-то он может.

На каникулы чтобы приехал на Большую Землю в деревню Березы? С удовольствием! Он, Король, обожает ездить в омнибусе. О, конечно! Он ведь помнит это огромное удовольствие, которое испытывал, когда они впервые добирались в омнибусе от Сухого Места

до Звениного, а омнибус перетряхивал весь его кишечник, о, это было великолепно! А провожать ее они с Алфредом утром, разумеется, пойдут, хотя Алфреду потом надо на дежурство, но это ничего; нет, Королю скучно не будет, у него у самого примерно в тот же час, после отправления омнибуса, срочные дела... в одном месте: королевские дела, конечно, не подлежат разглашению...

Долго им радоваться не дали, хотя, честно говоря, Королю хотелось бы такое душевное общение в узком круге продолжить, несмотря на грустную интонацию Хелли, которая в этой беседе явно пробивалась. Но пришли немцы — Майстер с каким-то новым немцем, и Алфред тут же необычайно радостно поднялся им навстречу. Король-то знал, что Майстера он не любит. Хелли же должна заняться приготовлением традиционного напитка. Куда тут податься?

Король подался вон, у него всегда есть куда. Он тоже к Майстеру особой симпатии не питал, а ведь он этого Майстера довольно изучал, чтобы установить, что за птица. Майстер, он тщательный какой-то и в чем-то кажется основательным. Он однажды ждал у Алфреда в торжественной комнате, когда и Хелли дома не было. Король с интересом наблюдал, как Майстер сперва созерцал свою записную книжку, перелистал, проверил страницы — качественна ли бумага, чуть ли не принюхивался к ним, потом достал авто-ручку, повертел, покрутил, попробовал писать, вроде остался доволен, достал другую, сделал с ней то же самое, положил в карман. Потом пересмотрел все остальные имеющиеся в карманах вещи. Не дождавшись ни Хелли, ни Алфреда, собрался уходить, но прежде оглянулся — не забыл ли что-нибудь...

После возвращения Отто Швальме в Германию Майстер чаще других посещал Алфреда, причем, несмотря на его подчеркнутую вежливость, в его пове-

дении чувствовалось, что ощущает он себя у Алфреда словно бы хозяином положения.

Они были недолго, эти немцы. Говорили о пустяках, видать, зашли действительно мимоходом, от нечего делать, поболтать. Майстер разглагольствовал насчет того, что Берлин должен стать столицей Европы, что Париж и Лондон расположены на западных европейских границах, Лондон даже на острове, а посему... Берлин же стоит в центре материка и представляет собой узловую точку на карте, в которой сходятся дороги с востока на запад, с юга на север. Такой город не должен иметь конечных железнодорожных станций подобно Потстдаму, все необходимо реорганизовать, Берлин вообще необходимо перестроить, обновить архитектурно, чтобы соответствовал будущим требованиям, чтобы уже внешне это была столица Европы.

Другой немец мало говорил, он оказался с юмором, однако о том говорило его замечание насчет того, что авиация союзников, то есть англо-американская, уже должным образом позаботилась об изменении внешнего вида Берлина... Майстер шутку не оценил. Но с удовольствием смаковал прекрасную жизнь немецких солдат, которым удастся побыть дома, он в этом отношении высказал жгучую зависть в адрес уехавшего Отто.

— Беда немецких женщин велика,— объяснил он,— мужья либо убиты, либо воюют, а... замуж им очень хочется, но за кого? Осталось одно старье или горбатые.

Когда Майстер и другой немец одевались, Майстер попросил Алфреда их немного проводить. Распрощавшись с Хелли, они наконец вышли и зашагали не спеша в сторону Города.

— Хочу вам кое-что сказать,— начал Майстер этаким сочувствующим и в то же время доверительным

тоном,— относительно вашей сестры... Девчонка эта — Сесси. Помнится, ее тогда не было дома, когда мы на хуторе задержали русского...

— Да, она, вероятно, о нем ничего...

— Вилайхт, вилайхт¹, но дело не в этом.— Майстер взял Алфреда за плечо и, глядя ему сердечно в глаза, объяснил: — А в том, что ее, эту девчонку, Сесси, да? ее арестовали за то, что она в сорок первом состояла в комсомоле, нн-аа. Комсомолка! А теперь эти листовки... Это глупо, несерьезно! Это детство: «Смерть немецким оккупантам!» — и аллес солче², это везде балуют по всей стране, хулиганство, детство, конечно. Я понимаю. Но ее арестовали, потому что я хотел заген³, что не надо пробовать что-нибудь делать, куда-то ходить, это не поможет. Командование знает про вас, что вы — хороший фельдфебель, и ваша причастность исключается, но время... Такое время, нн-аа. Этой девчонке... семнадцать? Нн-аа? Детство, конечно. Разберутся и отпустят потом, вместе с алте фрау⁴, но вы не ходите к Шредеру — это не поможет. Видерзеен!..

Немцы удалились. Алфред стоял словно прибитый. Значит, теперь еще и Сесси, его самая младшая сестренка, арестована! Злость захватила весь его организм, так бы все кругом крушил! Дрянь какая! Ну и дрянная девчонка! Комсомолка! Что она в этом понимает? Игра... Все играли в комсомолию, где-то начитались, захотелось романтики — революционерка, несчастная дура! Сиди теперь на нарах. Интересно, куда они ее поместили, в тюрьму, где Ангелочек?

А он, Алфред, старается, чтобы всех огородить, чтобы уцелеть самому, чтобы семью обеспечить...

---

¹ Возможно, возможно (нем.).

² ...все такое (нем.).

³ Сказать (нем.).

⁴ Старая госпожа (нем.).

А семья, в сущности, разваливается, семьи уже нет, и неизвестно, как все с этим образуется. Спрашивается, во имя чего он это командует: «На проверку становись!», «Запевай!». А ведь в батальоне некоторые про него говорят: «свинья»... Он об этом знает и согласен: для некоторых он таки действительно «свинья», для некоторых... других свиней, потому что одно из двух: или служи, или катись к чертовой матери! Если служишь, то как полагается. Должен же быть какой-то порядок в мире!

Алфред мрачный возвращался в небесно-синий дом. Нет, он не скажет Хелли, незачем и сыну об этом знать. Алфреду известно хорошо, как любит Король Сесси, пожалуй, больше всех других в семье Рихардов он именно к ней привязан. Незачем ему знать, что его любимая Сесси тоже в тюрьме. Как это немцы его самого еще не арестовали? А ведь если кого-нибудь еще в семье в чем-нибудь таком разоблачат, то недолго и самому за решеткой очутиться... Но вроде уж больше некому такой подвох устроить, братья на восточном фронте воюют с русскими, один, правда, неизвестно где на Большой земле. Эдгар, но тот — святоша. Здесь две дуры были, так те уже...

Да, скверно у Алфреда на душе, и, откровенно говоря, быть в самообороне ему уже не хочется, но поздно и невозможно уйти, уже объявлен приказ призвать всех мужчин двадцать пятого года рождения на оборонную службу. «Эстонский народ снова берется за оружие! — сказано в приказе. — Первый исторический шаг к суверенитету Эстонии: эстонская бригада в пути на фронт...» Да, Алфред понимает: чтобы эстонцы были мягкими, им уже три года в каждой газете ежедневно долбят, как они много пострадали от большевиков, не забывая в то же время отнимать у эстонца все, что возможно: «Ах ты, бедный эстонец! Как эти русские с тобой бездушно обошлись! Чтобы они опять

не пришли и не отняли у тебя еще и штаны, ты их сними и отдай мне, ведь я тебя защищаю...»

Хелли уже отписала заранее своей племяннице Эрне, чтобы приехала ее встречать в порту Навозном. Утром Алфред с Королем проводили ее до автобазы, от туда отправлялся омнибус. Алфред заносил ее чемодан и большую сумку, Хелли крепко прижала к себе Короля, неловко расцеловала его в обе щеки и забралась в омнибус. Он уже разворачивался и удалялся, а она, все еще прижимаясь носом в стекло, пыталась разглядеть Его Величество Короля Люксембургского.

Когда Хелли его наскоро целовала, Королю показалось, что у нее на глазах слезы, но может, и не было. Только Алфред знал наверняка, что Королю не показалось, он, не глядя, знал, что Хелли, не переставая, вытирала тайком слезы. Ему и самому было нелегко, в горле ком образовался, и горько, очень горько и вообще погано он себя чувствовал. Как ни говори, а большая, в сущности, жизнь с нею прожита вместе, в надеждах, стараниях, и она, Хелли, очень хороший человек, чудесная заботливая мать, прекрасная хозяйка, намного лучше, чем Земляничка. Да не в ней, в Земляничке, дело! Если бы не было Землянички, все равно между Хелли и Алфредом пробежала «серая кошка».

Серая кошка — это когда жизнь супругов становится настолько будничной, обыденной, настолько привычной, что с годами пропадает интерес к объятьям, поцелуям, когда кажется совершенно неинтересной и неженственной эта фигура в вечно застиранном халате с фартуком в несмываемых пятнах кофе, с закрученными рукавами и красными от бесконечного выкручивания белья руками, фигура, от которой постоянно пахнет то жареным луком, то вареной свеклой, то

валерьяновыми каплями, то камфорой или уксусом; а когда между собой больше говорит уже не о чем, как о стоимости капусты, сахарине, продовольственных карточках или о том, сколько удастся накопить денег, сколько экономить, сколько заработать, если... Да еще подчеркивая, мы люди маленькие и политикой не интересуемся... Значит, что? Так и валяться в постели к женщине спиной? Понимая, что она честная, добрая, ни в чем не виновата, но...

А если и заставишь себя повернуться к ней лицом,— все-таки невежливо все время спиной,— то получается как будто выполняешь привычную процедуру, вроде как ежевечерний массаж ее поясницы, да еще она вскрикнет, что больно надавил, а еще ее волосы лезут тебе в рот, и ты решаешь в это время, кого бы завтра назначить в батальоне дежурным по кухне...

Вот это и есть «серая кошка», которых везде полно, больше, чем кошек другого цвета. Чем такое может завершиться? Ожирением телесным и духовным. Уж лучше пусть немного больно, но чтоб не «серая кошка».

Земляника, что сказать, уж очень в некотором смысле не серая кошка, даже, наоборот, какая-то очень рыжая и в некоторых ситуациях ведет себя даже чересчур вольно, до того хватается за все, до того свободного поведения, но... Если честно, Алфред не станет отрицать, что ему нравится отдавать себя на волю этого течения всевозможных ее бесстыдств, все-таки в этом что-то есть, все-таки, если какой-нибудь кошкой здесь и пахнет, пусть даже драной, но не серой,— и это жизнь.

Алфред, как известно, сразу же пошел на дежурство, Королю велел готовиться к «бою» — скоро начнется школа, а вечером он его пусть не ждет, спать

ложится, поскольку ему дежурить сутки, так что придет утром. Он ушел в казарму, хотя этот двухэтажный гражданский дом, в котором квартировался батальон самообороны, как-то не представлялся казармой. А Король побежал в замок, вернее, на его западный вал, где у него назначено свидание с маленьким Иваном.

Он пришел намного раньше, пока сидел на той же скамеечке под кленом и смотрел на море, он, конечно, думал. Королям, как уже известно, свойственно думать, и это есть основная их работа, по крайней мере, занятие! Король Люксембургский пытался осмыслить или осознать как-то физически, что он почти свободен, потому что Хелли уехала надолго, а Алфред,— Король понимал,— главным образом бывает на службе. Конечно, в школу ходить надо будет, тут уж никуда не денешься, но когда ты один, совсем самостоятельно живешь, это все-таки свобода. Интересно, подумалось Королю, кто будет теперь варить кофе, когда придут гости? Наверное, сам Алфред. Или Тайдеман. Или Ада Килк. Или фрау Мурло, то есть Морелоо. Или Земляника. Конечно же она — Земляника.

Наконец пришел Иван. Изменений в его внешнем виде не произошло. Он шагал размашисто, как большой, и дымил сигаркой, как большой. Его карие юркие глазенки приветливо стрельнули веселыми смешинками, хотя лицо оставалось как будто серьезным. На брезентовом ремешке через плечо закинута такая же брезентовая сумка от противогаза, какая была у Карпа.

— Лилиан не видел? — спросил Иван вместо приветствия.

Откуда? Когда бы Король мог повидать Лилиан? Он давно уже не гонял мяч у реки Тори, хотя несколько раз и приходил на каменный мост посидеть, чтобы вспомнить, как тут когда-то проезжал Карп, наблю-

дал, как коровы в панике мечутся на дороге, не давая прохода автомобилям. Но нет, Лириан он не видел. Своих вассалов и то давно не видел. И с Арви перестал поддерживать контакты, и Морского Козла уже не помнит, когда бил, даже Йентса, этого малохольного сыночка Земляники, не встречал, хотя ему и известно, что тот в свободное время пропадает в деревне, у них тоже хутор имеется. Да и сам Король, когда только удавалось, проводил время на Сааре с дедом Юханом и Вилкой, может сказать, если спросят, как уже случалось, что воспитала его собака. Действительно, летом Вилка больше занималась воспитанием Короля, чем люди: они вместе бегали, вместе спали в соломе, когда уставали, вместе ели, поделив, что было у Короля. И с точки зрения Короля, Вилка более естественная, чем люди, и даже более человечная.

— Пошли? — Иван кивнул в сторону замка.

— Мис сииз!¹... — ответил Король согласно, и они спустились к железному люку. Но он оказался закрытым. Друзья опешили. Такого они не ждали. Кто бы мог его закрыть? Конечно, существовали у замка и сторож, и какие-то еще казенные надзиратели, даже военные заглядывали, но почему им вздумалось закрыть люк именно теперь? Не пронюхали ли, что у профессора Мутатекли появился конкурент, не признающий, однако, апрельских шуток? Но это исключается. Видимо, случайность, решили кладоискатели: обнаружили, что люк не закрыт, и закрыли.

Друзья пошли вдоль стены, изучая все окна. Нашли: в южной стороне. Окно без стекол, но в решетках, а они проломаны, кое-где качаются. Осмотревшись, живо расправились с решеткой и влезли внутрь. Здесь такой же подоконник. Надо опять отыскать дорогу, но можно не сомневаться, они с этим справятся.

---

¹ Что ж... (эст.)

Справились. И уже стоят на знакомом балкончике, который вообще-то не балкон, а амвон. Только на этот амвон можно войти не из церковного помещения, а через дверцу снаружи, и как только им удалось ее обнаружить? Случайно, если, конечно, Иван не увидел ее на какой-нибудь картине Калитко.

— А что Калитко? — поинтересовался Король шепотом, придя к мысли о нем.

— Рисует, пьет и курит, — шепотом ответил Иван, — на глазах помешался, столько всяких нарисовал. Но это меня не интересует.

— А Калитко?

— А он что! Ты не смотри, что пьет. У него умное сердце, я-то знаю. Он сказал про тебя, что ты хорошо немченка отделал...

Раскрыв сумку, Иван вытащил из нее метра четыре бечевы, завязанной в узлы так, что расположились они друг от друга на расстоянии в полметра. Привязав один конец бечевы за выступ кирпича в барьере, другой перебросил в церковь, затем перелез сам через невысокий барьер и ловко спустился.

— Давай! — крикнул тихонько снизу, и Король последовал примеру приятеля. Наконец-то! Они деловито стали обследовать клад. Королю вспомнилось, как громили склад на улице Малая Гавань. Они знали, что бриллианты и золото не найдут, но ценности в коробках они обнаружили. Разрезав осторожно углы у картонных коробок, оторвав окантовку у фанерных ящиков, они увидели табак в пачках, папиросную бумагу тоже в пачках. Король разочаровался, Иван был в восторге. Он восклицал: «Молодец! Вот молодец!» А Король это слово как-то не запомнил, хотя от Карпа неоднократно слышал.

— Что это... молодец? — спросил он. — Шоколад?

— Это я — молодец, — ответил Иван, — что такое богатство нашел. Вот Жора обрадуется.

Оказывается, он называл Калитко по-свойски, Жорой.

— Но как же все это отсюда перетащить? — нахмурился маленький Иван. — Через подвал таскать, в решетки пролезать... Это долго. М-да... Требуется техника. Пошли...

Он ловко вскарабкался наверх по «узловатой» лестнице, откуда помог подняться и Его Величеству, у которого не было еще достаточного опыта в пользовании такой лестницей. Уже известным путем они выбрались из замка, причем Иван, конечно, сколько влезло, набил свою сумку табаком и курительной бумагой. Договорились встретиться на том же месте после обеда.

Прежде чем расстаться, Иван внимательно изучал обстановку вокруг замка. И очень ему нравилось, что именно в том месте, где на стене замка был на этот раз балкон, а не амвон — настоящий маленький балкончик, именно здесь ближе всего до заросшего кустарником и деревьями вала. Выбрав в кустах место, Иван сказал Королю:

— Здесь ты будешь стоять. Как увидишь меня на балконе, то жди, прилетит.

Кто прилетит? Иван не объяснил, сказал, что Король после узнает. На том они порешили и разбежались.

Когда они встретились опять, Иван поставил Короля в указанных кустах и велел наблюдать за балконом. Он сунул Королю пустой довольно-таки объемистый рюкзак. Еще дал ему моток бечевки коричневого цвета, такую рыбаки применяют для починки сетей.

— Как прилетит, привяжешь конец бечевки к той нити с пулей и начнешь травить, понял?

«Травить»? Нет, насчет «травить» Король не понял. Иван терпеливо ему разъяснил. Но пуля... Как она мо-

жет летать, если не стреляют, а если стреляют... разве поймаешь?

— Вот пуля,— Иван показал пулю,— а стрелять я буду из этого...— Иван достал из-за пазухи обыкновенную рогатку, такую же, как та, с помощью которой Король, было дело, перебил в свое время немало стекол в кое-каких окнах...

— Но?

Иван уже исчез.

Король ждал. Долго пришлось ему ждать. Наконец, на маленьком балкончике, с которого черт знает в какие давности епископ читал молитвы, показался Иван, и тут же она прилетела, та пуля, привязанная к тонкой нити. Оторвав пулю, Король привязал к нитке бечевку и начал травить. Почти до конца мотка травил. И когда бечевка образовала уже «двойную тягу», с балкона по воздуху стали прибывать пачки с табаком и курительной бумагой. Король отвязывал их и бросал в рюкзак. Потом Иван пропал: он сходил за новой порцией. Потом пачки опять прибывали, Король травил, отвязывал, совал в мешок и так до тех пор, когда рюкзак набился до отказа. Он махнул Ивану, и тот бросил свой конец «тяги» с балкона, а Король потянул «технику» к себе и намотал в клубок. Скоро пришел и Иван с набитыми карманами. Операция завершилась, и ценности добыты. Куда там равняться с Иваном какому-то профессору Мутатекли!

ГЛАВА XIII

А потом началась она — эта каторга. И протекала на этот раз как-то особенно трудно, несмотря на относительную свободу, которая образовалась в связи с отсутствием Хелли. Она ему написала письмо. Причем, что немаловажно, письмо было адресовано именно ему

лично. Она рассказала в письме, что живет в большом доме с сестрой Юули, что у них много работы, потому что надо ухаживать за коровами, свиньями, курами. Конечно, она расспрашивала в письме о жизни Короля, особенно интересовалась успехами в школе, а как раз их-то и не было. В конце письма Хелли велела передать привет Алфреду, но его делами совсем не интересовалась. Разумеется, уже в самом конце она писала, что скучает по Королю, что скорее бы лето, тогда он может приехать в деревню Березы, там ему будет интересно, и просила, чтобы он ей тоже скорее написал, и уже в конце конца она его бесконечно «целовала», что вообще-то королевским величеством не одобрялось: он не переносил этих слюнявых нежностей ни физически, ни даже на бумаге.

С успехами в школе действительно не получалось — третий класс, какие-то дробы, дробления... Прямо занудство! Алфред, хотя и жил теперь опять в небесно-синем доме, постоянно отсутствовал. Не Королю знать причину такого явления, он не сомневался, что Алфред на службе. Где же еще?

Не только Королю было трудно — Алфреду тоже, несмотря на отъезд Хелли, легче не стало. С Хелли хоть в одном плане хорошо: она отвечала за благополучие Короля; если что-то не в ее силах, докладывала Алфреду. Теперь никто ни о чем не докладывал, он должен был сам за всем следить: чтобы этот господин одевался соответственно сезону и обстановке, чтобы не иссякали запасы питания. С последним проще: Король не брезговал доставать самолично продукты питания из магазина, он это делал и при Хелли, так что Алфред отдавал ему карточки и был спокоен. Одним словом, с Королем у него проблем особых не было. Но без них не обошлось.

Во-первых, Земляника...

Установив, что Хелли покинула город Журавли,

она сделала соответствующие выводы. Она сумела отыскать в отъезде Хелли связь с собственным существованием, а к последнему пристроить свою связь с Алфредом. И заключила, что раз Хелли уехала из-за нее, то в небесно-синий дом должна въехать она... Ведь именно у нее проводил все вечера и свободное время Алфред, и уж она это право всячески заслужила, уж какое умение в разнообразии изобретала, уж как старалась... до усталости. Нет, нет, и от этого можно устать — тоже труд, хотя принято считать, что то наслаждение. Но если так усиленно предаваться наслаждению, то оно становится, черт побери, утомительным трудом.

И Алфреду стоило тоже немалых усилий объяснить этой развратнице, что в небесно-синем доме резиденция Короля, а в качестве кого, собственно, может перед ним предстать она? Жена? Мачеха? Она согласилась, что — да, не складывается. Но каждый день разрабатывала какие-то планы, какие-то варианты. Она тайком гадала на картах и утверждала, что они предсказывают их с Алфредом свадьбу. Алфред от всего этого приходил в ужас. Он вообще-то от всей этой человеческой жизни сильно страдал и жаловался Тайдемону, когда тот, бывало, заходил в его присутствие в небесно-синий дом откармливаться:

— Всем бесконечно все надо, прямо голова идет кругом, когда начинаешь об этом думать. Эта война... Все хотят у кого-то что-то отнять. Эти женщины... Они хотят, чтобы кругом все было их собственностью...

Тайдеман всегда ел с аппетитом, когда у Алфреда не было других гостей. При гостях, наверное, стеснялся, вслушивался в разговоры, ел мало. Теперь же уплетал все, что было предложить. В общем-то известно, что карга, то есть Тайдеманиха, его морила голодом, вероятно, и сама себя тоже едой не баловала, уж до того была тоща. Об их скупости и крохоборстве по го-

роду ходили легенды. Тайдеманиху в последнее время почти не видно, она очень редко спускалась вниз по узкой лестнице со скрипучими ступеньками. Редко выходил и Тайдеман. Алфред — и не только он — сколько уж раз пытался настроить Тайдемана на искренний и откровенный лад; чтобы он наконец рассказал свою историю: кем он был, когда еще не владел домами в Журавлях, откуда родом. Карла, увы, больше того, что уже известно из его кое-каких замечаний, — скитался по свету (как? кем?) — ничего более не говорил, хотя всегда и во всем был искренним. Это пожалуйста. Но откровенничать — с какой стати?

— Все люди знают, — разъяснил он, — что загробной жизни нет, так что, когда человек умрет, его просто не будет, все равно как слива: упала на землю, сгнила и осталась косточка. Или червяк: ползет, ползет, высохнет, в земле растворится, сгниет... Так что какой смысл рассказывать — исповедоваться...

Про Тайдеманиху он никогда не говорил ни полслова.

— В чем забота политиков уже с древних времен? — поддержал он Алфреда в его заботах. — Одни следят за другими, чтобы те не добыли чего-то больше первых. Опять же вечный вопрос еды... — Он сам с аппетитом налегал на простой гороховый суп, сваренный Марией Калитко накануне для Короля. — Чтобы отнимать у других, необходимо быть сильнее. Вот и следят... Чтобы, не дай бог, кто-то не вооружился чем-то таким, чего нет у других. Ради этого и союзы создают. В сущности, мировая политика очень проста. В ней, как у жуликов: когда лезешь в чей-то карман одной рукой — другой держись за собственный.

Что касается собственного кармана, на этот счет у Тайдемана тоже имелось суждение, которое он высказал в связи с обращением третьего февраля по радио доктора Гора, который, как известно, являлся руково-

дителем самоуправления республики. Гора призывал граждан давать немцам всего еще больше, работать еще лучше, а мобилизовываться даже тем мужчинам, которые родились в 1904 году... в самооборону. Тайдеман заметил, что это и означает теперь держаться за собственный карман, но...

— Что за него особенно держаться — за пустой карман? Когда он еще не так пуст был, за него немцы держались, теперь напоследок доверяют и эстонцам стеречь свои карманы...

Доверять — доверяли, заодно же предупреждали:

«Кто распространяет слухи...»

«Кто не подчиняется приказу о мобилизации или иным распоряжениям чиновников учреждений...»

«Кто активно вредит интересам обороны или снабжению войск продовольствием...»

«Кто не сообщает о вражеских агентах...»

«Кто виновен в сообщничестве с врагом...»

«Подлежат наказанию через военный трибунал. Приговоры трибунала исполняются безотлагательно...»

Тем не менее даже за пустой карман приказано было держаться, и двенадцатого февраля эстонская бригада отправилась на границу республики — защищать ее от большевиков, бои шли уже у Нарвы.

У Нарвы шли бои, а в кинотеатре «Скала» фильмы «Не забудь меня» с участием Бенямино Джильи и «Эшнабургский тигр» с Тхео Лингеном. Король был от них в восторге, выстаивал за билетами километровые очереди по нескольку раз. Алфред же чертыхался из-за необходимости что-то придумать ко Дню Освобождения 24 февраля. Всевозможные дни и праздники его давно раздражали. Черт знает, сколько уже и каких дней необходимо праздновать! Двадцать четвертого февраля — раз, День Независимости — два,

21 июля — три, 21 сентября — четыре. Ох, у него от них голова идет кругом, все они перепутались.

Все чаще испытывал Алфред недовольство самим собой: что-то, догадывался он, в его жизни складывалось неправильно. Он, когда лежал один в доме у реки, когда не хотелось никого видеть — ни Короля, ни Землянику, а больше всего гостей, хотя бы в лице этого отвратительного майора Майстера, он размышлял о собственном детстве, юности, женитьбе... Книги в его детстве мало фигурировали, его родители читали Библию и, бывало, какие-либо журналы о земледелии, в семье уделяли внимание способностям и ремеслам. А женитьба... Нет, он не зарился на приданое Хелли, он хотел жениться, и только. Она ему нравилась, тем более, что нравилась его родне. Он мечтал, конечно, о разном, но земном. О нет, генералом стать он не хотел, а хотел иметь свой собственный небольшой хутор. И мастерскую хотел. Даже лучше, если фабрику. Быть фабрикантом — это реальность, вернее, была ею... Но что-то шло не так.

А теперь ему уже сорок один. Не старик, но на что еще надеяться в будущем, когда в мире все смешалось, а что есть правда — неизвестно, в чем истина — каждый знает по-своему. И жена ушла... Сама. А он не возражал, даже был рад, хотя что теперь? Сын... Какое у него будущее? Будет ли у него семья когда-нибудь? Своя собственная семья, жена и дети? Он мечтатель, фантазер, распилил велосипед — до такого надо было додуматься: отпилит у мужского велосипеда часть рамы, верхнюю перекладину, и получится, как у дамского... Хорошо пока ездок мало весит...

Смешной он, этот Король! Доверчивый: не сомневается, что Хелли скоро вернется... Но почему перестал спрашивать про бабушку, черт побери?! В первое время после ее ареста постоянно приставал: где

Ангелочек? Про Сесси теперь спрашивает несколько раз. Когда ездил на своем переоборудованном летательном аппарате в Звенигога — допрашивал Юхана, объездил всю деревню и везде вокруг искал Ниргит с Ару, Сесси. Не нашел, не узнал ничего. Ни Усатый Таракан — Мартин, ни седовласая хозяйка Малого Ару, Эха, ничего не имели сказать Его Величеству. Он и на Большой Ару — хутор по соседству — заглянул, надеясь поговорить по-мужски с Калевом, но его также не оказалось. Приветливая Альма, тоже седая женщина, хозяйка Большого Ару, объяснила, что Калева отправили воевать с русскими. Подошел сухопарый мужчина, весь в муке, и с сильным русским акцентом начал расспрашивать хозяйку Большого Ару:

— Это кто есть молодой красивый человек?

— Это брат Сесси,— объяснила седая женщина,— он разыскивает Сесси и Ниргит, пришел узнать у Калева.

Старик, похоже, был расположен что-то рассказать интересное, он уже сладостно вздохнул,— видать, обожал поговорить, уже набрал воздуха побольше в легкие, но седая женщина властным голосом ему приказала:

— Давай, Зайцев, займись с мукой, времени мало, а я гостя угошу...

И Зайцев,— оказывается, это его фамилия и он был мужем этой властной хозяйки, значит, и она была Зайцев (на эстонском языке русские фамилии женского рода не кончаются на букву «а»), значит, и Эдна, высокая красивая девушка лет тринадцати, и Роози, и другие дети — все они были Зайцевы, в том числе и отсутствовавший Калев,— так что Зайцев, хромя на одну ногу,— он, видать, инвалид,— отправился заниматься с мукой. Седая женщина пригласила Короля в дом и действительно дала киселя. Ко-

роль поел из вежливости да еще чтобы рассмотреть весь вертевшийся вокруг него малорослый народ, тащивший с любопытством глаза. Насчет Сесси и Ниргит он так ничего и не узнал. Сумей хромой Зайцев отвести душу, Король узнал бы, что вместе с Сесси арестовали и Ниргит. Но старику это сделать не удалось.

Где Сесси, не знал даже Алфред. Ему было известно, что арестованных содержали не только в тюрьме, что были еще и бараки где-то в лесу у Медвежьего Озера для военнопленных. Охраняли их, однако, не обороновцы. Это мешало что-нибудь выяснить. Но почему Король больше не задает вопроса: «Когда Ангелочка освободят?» Он что же, больше не верит ему, Алфреду? Этого не хватало!

Когда Алфред находился в дежурной комнате батальона, он с непонятным чувством обозревал карту Европы. Вернее, перед ним на стене висели две одинаковые карты. На одной Германия в начале войны. На этой карте она окрашена в черный цвет, такого же цвета была Италия с островами Сицилией и Критом. Еще Албания чернела на берегу Адриатического моря. В Северной же Африке чернела одна лишь Ливия. Все остальные территории принадлежали либо странам нейтральным, либо враждебным к Германии (именно так была обозначена нераскрашенная территория). То была карта 1939 года. На другой карте черный цвет залил всю Европу от Северного моря до Сталинграда в России, нейтральной оставалась лишь Испания на Пиренейском полуострове и Швеция на Скандинавском, а в Северной Африке рядом с Ливией чернела еще половина Египта... То была карта уже 1942 года.

«А сегодня? — подумалось Алфреду. — Почему нет карты Европы сегодняшней? И какого бы она сейчас была цвета? Какие места на ней обратно побелели?»

Он понимал: карты Европы на сегодня, 1944 года, никто не повесит на этой стене.

Пока Алфред размышлял над картами Европы в штабе самообороны, Король Люксембургский рассматривал на стенах ателье Калитко его картины. Он таки навестил Ивана. В том самом доме, где однажды жарким летом в отсутствие Жоржа Калитко рассматривал страшные фантазии, кровопролитные, с отрубленными головами и отрезанными грудями, которые затем Королю довелось и в жизни увидеть. Как и летом, здесь зимою вход также шел через веранду. Он, конечно, постучал, ему самому не нравилось, когда входили в дом без стука, как Эйнар с Ребра заходил в дом Сааре.

Жорж Калитко сидел за столом в помещении, которое могло быть и кухней, хотя ею не являлось, несмотря на присутствие плиты с одной конфоркой. Жорж Калитко ел суп из алюминиевой миски, от алюминиевой миски поднимался вкусный пар, а маленький Иван как раз разливал суп во вторую, которую, едва Король вошел, протянул ему:

— Ешь, я себе другую миску возьму.

Король не отказался. С тех пор как Хелли уехала, он с удовольствием принимал угощения, ежели предлагали. Калитко, как всегда, небрит. Он, наверное, терпеть не мог бриться. И он, видать, терпеть не мог без толку болтать. Он ел и не болтал. Когда поел, встал из-за стола, не сказав «спасибо». Стал одеваться и, лишь уходя, хлопнул Ивана по плечу:

— Не балуйте тут, я по делу, — и ушел.

Иван стал показывать, как он живет. Показывать было мало: топчан, почти не видный из-за холстов и рам, которыми наполовину завален, вернее, окружен. Расположение же комнат Король помнил, он с любопытством смотрел на стены, где тогда висели те кар-

тины,— один только гехатипат оказался на своем месте. Иван начал мыть посуду на веранде и не уделял внимания своему гостю. Король рассматривал картины, которые заменяли старые кровавые изображения.

И ему представилось полчище глаз. Столько их он не встречал нигде. Дело даже не в том, что он не видел столько глаз сразу, а в их выражении: глаза жили... Взгляды, живые взгляды, они вроде следили за Королем, в какую бы сторону он ни двинулся. Но и это не главное. Глаза были всюду. На одной картине изображен потолок с глазами на нем, на другой нарисована щель в полу, и из нее смотрели странные, словно кошачьи, глаза, смотрели они и из дождевой бочки, и из лоханки с водой, буравя Короля сквозь прозрачную жидкость. Эти-то глаза показались знакомыми, но Король не мог сообразить, чьи они. На еще одной картине из зеркала смотрели внимательные глаза, на другой из-под черной шляпы глядели горевшие ненавистью глаза; из-под кровати (в картине) смотрели они, полные страха; из окон омнибуса; из печи; колодца — отовсюду выглядывали глаза: синие, серые, черные, желтые, зеленые... Эти глаза даже не смотрели, они выражали: зло, смех, грусть. Но в них жило нечто такое, что создавало у Короля ощущение страшной безысходности, невозможности спастись от них, словно в мире всем все видно, словно одному быть человеку нигде невозможно, словно жизнь состоит из одних глаз — и в море, и в воздухе, во мраке, даже в самой земле; а на одной картине человеческие глаза образовали на воде между листьев какое-то скопище, похожее Король наблюдал весною, когда зарождались на пруду Звениного лягушки. Король не был в состоянии охватить мыслью все нарисованные глаза, от этого можно было сойти с ума. Он с ужасом отпрянул, когда на него смотрели чьи-то совершенно жи-

вые глаза, не сразу сообразил, что то были его собственные, отразившиеся в зеркале, а не с картины.

— Все глядишь,— неслышно вошел Иван,— я бы их в печку, да старик разъярится. Пошли шляться, что ли?

— Как ты можешь тут спать,— удивился Король,— когда они все время смотрят?

— Да ну их на х..!— сказал Иван по-русски и махнул рукой: — Пошли. Подожди, я надену брезентовку.

Король знал уже много русских слов, но не всегда улавливал смысл тех, которые произносил Иван. Что бы они означали, эти глаза, подумал Король, они наверняка что-то предсказывают, так же, как материализировались те картины, которые он видел летом сорок первого. Король не сомневался: Калитко просто так... то есть картины Калитко — не просто картины. Но что?

Вскоре после этого Король утвердился в своей вере в то, что картины Калитко — вещие. Он был один в небесно-синем доме, убирал продукты в шкаф, пересыпал в стеклянную литровую банку самое ценное, что существует в мире для королей в военное время — сахар, за которым только что отстоял в городе приличную очередь; в это время громко постучали в кухонную дверь, и он открыл: за дверью стоял господин Векшель — агент фирмы Зингер-Золинген, с ним вошел незнакомый господин в очках. Одеты они были по-осеннему, в серых пальто, у обоих на голове шляпы. И только увидел Король господина Векшеля, он вспомнил одну из картин Калитко: лоханка с водой, сквозь прозрачную жидкость буравящие острые рыжие глаза... Так вот почему они показались ему знакомыми: Король видел эти глаза еще на хуторе У большой дороги, когда Векшель приходил брать

взносы за велосипеды и зингеровскую машинку, да и потом не раз с ним встречался.

— А что же хозяин, его нет? — спросил Векшель и пропел слащавым голосом: — Или хозяином являешься ты?

Король даже не задумался, отчего он не спросил про хозяйку. Он объяснил, что Алфред на службе, что Хелли в деревне Березы, что он один в квартире. И тогда Векшель спросил: не этого ли молодца он встретил как-то на дороге, ведущей к хутору Ару?.. Король не помнил, чтобы кого-нибудь встречал на дороге, ведущей к Ару, тем более Векшеля, кого бы непременно узнал. Он так и ответил, что не помнит.

— А зачем ездил на Ару? — спросил тогда Векшель, и Король сообразил, что он все-таки сваял лопуха, ведь его ответ не отрицал факта, что на Ару он ездил. — Ты там кого-нибудь знаешь?

Король уловил затаенное ожидание, настороженность в облике Векшеля, одновременно вспомнил — это живо пронеслось перед взором, — как Ниргит, Антс, Калев, Сесси его также с интересом вопрошали про этого же Векшеля, а главное, какое он заметил у них ироническое к нему отношение. Он, не задумываясь, ответил, что у него на Ару имеется подружка.

— Я с Роози хожу, — сказал он, — мы дружим еще с тех пор, когда у Брюкваозера вместе в школе учились, это там, где черти пирамиду египетскую уронили...

Оба господина смотрели на него не самыми умными лицами, потом, кашлянув, Векшель стал натягивать перчатки, они стали прощаться.

— Мы, собственно, к Алфреду. В другой раз... До свидания, хозяин...

— До свидания, — буркнул Король уже захлопнувшейся двери.

А в местной газете все чаще и чаще, фактически в каждом номере, расписывались страшные дела большевиков на отвоеванных у нас (по-большевистски, «освобожденных») территориях: «Частям Красной Армии дан приказ убивать всех эстонцев, несмотря на пол и возраст. Сведения об этом добыты от попавших в плен большевиков», а еще: «Журналисты беседовали с русскими военнопленными: в тюрьмах в России начались расстрелы, в то же время на «освобожденных» территориях арестовывают всех, кто имел хоть какие-нибудь контакты с немцами. О ком же нет достоверных сведений, отправляют хоть босиком на передовую с винтовкой и двадцатью патронами. Прибыв на передовую, их гонят в массовую атаку искупать «кровью» вину — гибнуть под огнем немецких пулеметов».

Здесь же поместили призыв: «Крестьянин! Эстонские воины ждут от тебя быстрого выполнения норм!» А через день: «За невыполнение продовольственных нормативов крестьянам более строгие наказания!»

На Нарвском фронте большевики конечно же понесли большие потери. А какие изумительные карикатуры на Сталина! Он, конечно, крыса с усами... А как же без усов?! Он же обезьяна со звездой, к хвосту привязанной, вместо глаз — красные звезды, и опять усы... Но обезьяна с усами?.. Что-то Алфред не встречал таковой в природе. Впрочем, он мало путешествовал. Относительно же прохождения комиссии поступающим в самооборону такая просьба: «Чтобы избежать бесцельной траты времени, те, кто чувствуют себя в силах держать оружие, пусть в комиссию не ходят. Никто не пытайтесь спастись от службы в самообороне по пустяковым причинам — теперь, когда обязанность каждого гражданина стать на защиту родины и народа». Такое предложение сделано начальником самообороны Островной Земли. Он же

инструктировал население об архитектуре бомбоубежищ.

Но дело, между прочим, шло к весне, синицы на веточках в парке щебетали: ситси клейт, ситси клейт, что означало не на синичкином — на эстонском языке ситцевое платье. Нетрудно догадаться, на что намекали птички: приближается весна.

Конечно же так оно и было — весна пришла. Король получил кучу средних отметок, но «сидеть» они его не оставили, перевели в следующий класс. Средние же отметки, то есть тройки, которые бы в нормальное время считались плохими, теперь не вызвали со стороны Алфреда особых нареканий, он молча, наморщив лоб, исследовал табель и начал одеваться к выходу.

— И то ладно,— буркнул, уходя.— Напиши Хелли, но не соври.

Синички пели «ситси клейт», Король опять отдавался любимому делу — вольному бродяжничеству.

Почему-то многие стали оформлять документы на отъезд в Великую Германию, в Гросс Дойчланд. Эти сведения Король узнал не от Алфреда, — ему о том, разумеется, было известно, — а от Арви Килк, собравшегося также вместе с родителями в Гросс Дойчланд. Арви держался как-то отчужденно с Королем, словно он уже чистокровный немец, проживающий в Бреслау, именно в этот город, сказал Арви, они поедут. Но этот пропорциональный гражданин давно уже стал для Короля скучным, потому ему было безразлично, почему именно в Бреслау хочет жить семья Килков — сверчков. От Арви Король узнал, что уезжают также Морской Козел со своей мамой, и Его Величество решило, что надо забрать у него ту книгу, «Гигиена половой жизни», которую Морской Козел ему подарил как-то в день рождения. Тогда он ее к себе домой нести опасался, но времена изменились:

кому теперь дело до того, какие книги листает Его Величество?

Из-за этой проклятой книги у Короля тем не менее вышли неприятности. Почему? Нет-нет, не из-за цветных картинок в ней: Морской Козел смущенно объяснил, что он случайно рассказал про нее Ингвару, тот захотел посмотреть,— он показал, но объяснил, что подарил ее Королю, а Ингвар сказал:

— Если он столько времени ее не брал, значит, она ему не нужна, да что он в ней понимает! У меня завтра день рождения, и я в ней разбираюсь. Так что ты мне ее подаришь?

И Морской Козел подарил, он подумал: действительно прошло так много времени и... Ингвар же сильнее даже самого Короля, как тут не подаришь?.. В результате за разбазаривание королевского имущества Его Величество строго наказало Морского Козла, оставив тому при этом возможность в последнюю минуту, когда уже кровоточил козлийный нос, ускользнуть в дом. Но именно в тот день у сапожника, проживающего по соседству, из бочки с дождевой водой под водосточной трубой пропали подметки. Потом об этом даже в газете писали: что пропали, что велось следствие. Но до этого старший инспектор криминальной полиции господин Лыхе пожаловал в небесно-синий дом. К счастью или несчастью, Алфред был дома.

Старший инспектор криминальной полиции господин Лыхе выглядел так же, как в сорок первом году товарищ Лыхе — старший следователь милиции. А в сорок первом старший следователь милиции Лыхе выглядел почти так же, как старший инспектор полиции Лыхе в тридцать пятом. Слово «почти» здесь применимо из-за разницы в покрое и цвете мундира, который ему приходилось менять в зависимости от того, который был год.

Но почему господин Лыхе — он был в гражданском — пожаловал в небесно-синий дом? Это сильно заинтересовало Алфреда. Тогда господин Лыхе рассказал о пропаже подметок из бочки, о том, что проживавший в одном доме с сапожником Эрик Морелоо, проявляя гражданское мужество, указал на предполагаемого похитителя, на господина Короля Люксембургского. Но он, Лыхе, ей-богу, ничего не утверждает конкретно, упаси боже, учитывая авторитет господина Алфреда в обществе и его служебное положение, но следствие...

Следствие Алфред провел здесь же, на месте. В результате прибежала Мария Калитко, примчалась из другого дома Анна — мать Альберта, постучался и Тайдеман, даже Тайдеманиха нашла в себе силы спуститься до половины лестницы, на улице водитель в удивлении остановил танк: такова была сила сирены, исходящей из-за дверей и окон небесно-синего дома, всполошившей все вокруг (многие в панике сигналы в бомбоубежище). После, отпустив Короля, Алфред вопросительно посмотрел на глядевшего также недоуменно господина старшего инспектора полиции и спросил:

— Ну?! Если после такого допрашиваемый отрицает факт кражи подметок, значит, он их не брал, да и зачем они ему, когда его родной отец украл ему ботинки на многие годы вперед аж целый ящик? Но учтите, я тогда был не фельдфебель, а столяр. Фельдфебель же сегодня не отвечает за то, что делал столяр...

Вот какое последствие было у подарка, сделанного Королю Морским Козлом однажды в день рождения. Разве мог Его Величество предвидеть тогда, какому подвергнется допросу в будущем благодаря этому. Но все явления в жизни так или иначе взаимосвязаны: и Морской Козел, когда дарил Королю книгу

«Гигиена половой жизни», также не мог знать, что из-за этого их вещи — чемоданы, свертки, баулы с одеждой Козла и роскошными нарядами фрау Морелоо — уедут в Германию без них и больше они их никогда не увидят: потому что, когда на другом пароходе десять дней спустя они прибыли в Данциг, про их чемоданы никто ничего не знал. А вместе со своими вещами, уже отправленными знакомым офицером на пароход, фрау Морелоо не могла ехать из-за своего сына, которого...

Которого в последний раз на прощание решил отдубасить Король. На этот раз, не считаясь ни с чем, он не оставлял Морскому Козлу возможности к отступлению. В результате... Такого Морского Козла нельзя было показать Гросс Дойчланду, а пароход ушел. Когда уехали наконец и Морелоо, перед Королем встал вопрос, требующий решения: кого бить?

Только один кандидат заслуживал внимания — Йентс, сынок Вальве Земляники. Этот факт, в свою очередь, внес кое-какие изменения в координацию взаимоотношений Земляники с Алфредом: Алфред подумывал хоть в деревне у Вальве на хуторе организовать жизнь, похожую на семейную, но, когда выяснилось, что каждая встреча Короля с Йентсом обходится последнему в несколько приличных синяков и чего-нибудь на нем разорванного, а то и разбитой головы — о какой семейной обстановке могла идти речь? В результате пришлось Алфреду в эту полусемейную обстановку без Короля на своем грузовике мотаться одному. Его Величество такое положение дел устраивало, оно давало ему все больше и больше свободы. В середине лета по решению Алфреда он должен был поехать на Большую Землю в деревню Березы погостить к Хелли. Но пока бегал со своими вассалами, а в последнее время все больше с маленьким Иваном, и предавался изучению поведения чай-

киных яиц в кипящей воде: встают на острый конец или дают себя спокойно варить?

Однажды, взобравшись в плоскодонку рыбака Вагнера, отца Лилиан, он отправился к острову Лайамадала, вокруг которого много большущих валунов, а именно на Лайамадала немало чайкиных гнезд. С южной стороны Лайамадала, недалеко от берега, здесь достаточно мелко. Король любил ложиться на нос лодки и глядеть в воду, ему нравилось наблюдать, как между водорослями жила своей подводной жизнью всякая мелкая морская живность. Когда не было ветра и вода стояла тихая, прозрачная, было так приятно забыться в мечтах, свесившись с кормы, представить себя таким же маленьким, как крошечные рыбешки, играющие в зеленой воде. Лодка тихо скользила в сторону Лайамадала, гонимая слабым ветерком. Вдруг Король отпрянул и дрожь пробежала у него по спине, он даже не поверил, что действительно это было, а лодка проскользнула уже вперед... Он только что видел... глаза. Застывшие, неподвижные и страшные глаза — не рыбы, а человека.

Король взял весло и осторожно повернул лодку туда, где только что проплывал, и внимательно смотрел. Это было нетрудно, вода неглубокая. И вот он сперва увидел ноги в ботинках... лишь ботинки, колени оказались прикрытыми зелеными прядями водорослей, которые, словно стелились над лежащим в воде телом, затем лодка опять проплыла мимо головы, и из воды через прозрачную жидкость на Короля смотрели застывшие знакомые глаза, рыжие глаза господина Векшеля. Что это он, в том не было сомнения, ибо Зингер всегда Зингер, Золинген всегда Золинген, а Векшель и в воде Векшель. Королю почудилось, что на шее у того привязана веревка, конец которой, лениво качаемый водой туда-сюда, вверх-вниз, то опускался, то поднимался.

Поездке Короля на Большую Землю не суждено было состояться из-за непредвиденных событий, потрясших всех во всем мире: как стало известно из немецкой печати и радиовещания, которые, как давно объявлено немецким командованием, никогда не врут. Это было 21 июля, когда казнили на Большой Земле очередных преступников, на сей раз четверых. Их повесили за то, что в лагере или в тюрьме, где они содержались за подлую коммунистическую подрывную деятельность, они брали у заболевших тифом вшей и через бумажные трубочки вдували их в камеры здоровых заключенных. Повесили их добровольцы из заключенных. Об этом известили наряду с анализом расшатавшейся в республике дисциплины и упадка морали. В то время, когда у Нарвы наши войска наносили большевикам сокрушительные удары (сначала у Сталинграда), люди не хотели выполнять обыкновенные нормы труда, и в отношении таких надо применять тяжелые наказания.

На фронте делается для победы максимальное, проявляется небывалый героизм, а в тылу не хотят работать. Увиливают! Ропщут! Жалуются на условия! Но если честно признать, на Островной Земле еще и не почувствовали на себе ужасы войны, здесь еще ни разу не бомбили. Некоторые живут даже богаче, чем жили в мирное время... Но не это, не казнь каких-то преступников стала помехой отъезда Его Величества на Большую Землю.

Именно 22 июля в батальоне обо всем узнали. Кошмарно! Чудовишно! Какая дикость! Какая бесчеловечность!

Приехало много начальства из комендатуры: Дитрих, Нойманн, Майстер и другие. Батальон построился за домом. Майор Майстер читал сообщение, хотя Алфред предпочел бы, чтобы это делал Дитрих, у него дикция лучше: Майстер чересчур шепелявил. На

фюрера совершен аттендат! Со взрывчаткой! Многие высокие чины, советники вождя, получили тяжелые ранения. Но главное — фюрер цел. Он ранен, но цел. В тот же день, несмотря на физические боли, мужественно принимал Муссолини. Предательство! Вот что имело место. Но войска поклялись в верности вождю. Заговор ликвидировали за шесть часов! Немецкое население выражало свое возмущение, в своих речах представители рабочих говорили, что весь народ переживает прошедшие два дня и две ночи, у миллионов немцев сердца готовы были выпрыгнуть из груди от ужаса, когда узнали о покушении на вождя. По приказу московских евреев (ох, эти евреи!) Англия и ее лорды (ох, эти лорды!) прислали самую мощную бомбу из сложной системы. Но народ принадлежит фюреру, а фюрер — народу. Смерть предателям! Хайль!

В своей речи «спаситель Европы» сообщил следующее.

«...Когда сегодня я обращаюсь к вам с речью,— сказал он,— я это делаю главным образом по двум причинам: чтобы вы слышали мой голос и знали — я цел и невредим, но чтобы также вы узнали подробности убийства, которому нет равного в истории немецкого народа.

Очень малая кучка тщеславных, бессовестных, глупых преступных офицеров объединились в заговоре, чтобы удалить меня и вместе со мной уничтожить все руководство немецких войск. Бомбу установили оберст граф фон Стауффенберг, человек, который стоял от меня справа на расстоянии в два метра. Бомба ранила ряд мне преданных сотрудников, один из них мертв. Сам я получил незначительные ожоги и царапины. Вижу в этом перст судьбы, указавший на то, чтобы я продолжал дело, которое делал до сих пор с того дня, как пришел на Вильгельмштрассе, кото-

рое делал, думая в бессонные ночи лишь о благополучии своего народа.

В час, когда немецкие армии состоят в тяжелых сражениях с противником, нашлись, как в Италии, также и в Германии, очень маленькая группа людей, которые верили, что, как в 1918 году, возможно нанести удар в спину. Но они крепко просчитались. Их ссылка, что я якобы уже неживой, опровергается в сию минуту, когда я с вами говорю, мои милые земляки.

Их очень мало и у них нет ничего общего с войсками Германии, это совсем маленькая банда убийц, которая безжалостно уничтожается. Приказываю в этот ответственный миг: чтобы ни одно гражданское учреждение не подчинялось приказам управлений, от имени которых могут распоряжаться узурпаторы, и ни одна военная часть, ни один военный руководитель, ни один солдат не должен выполнять приказания узурпаторов. Наоборот, каждый обязан арестовать отдававших провокационные приказы, в случае сопротивления расстреливать. Чтобы установить окончательный порядок, я назначил руководителем войск на хайматланде рейхсминистра Гимmlера и призвал генерал-оберст Гудериана замещать отсутствующего из-за болезни шефа генерального штаба.

На сей раз мы сводим счеты с предателями так, как мы, национал-социалисты, привыкли это делать. Надеюсь, каждый порядочный офицер, каждый храбрый солдат поймет, какая участь ждала бы Германию, если бы аттендат удался. Благодарю Судьбу и Всевышнего не за то, что они спасли меня, а за то, что они дали мне возможность и дальше заботиться о моем народе. Долг каждого немца, кто бы он ни был, расстрелять каждого предателя где бы то ни было. Соответствующие приказы высланы всем войскам, и их выполняют слепо, соответственно послушности,

свойственной немецким военным. Поздравляю еще раз немецкий народ, что мне удалось спастись, вижу в этом указание свыше продолжать свою работу, и я ее продолжу во имя победы немецкого народа».

Батальон снова проорал: «Хайль Гитлер!» Затем майор Дитрих на этот раз — Майстер устал — зачитал обращение доктора Гора, короткое, к счастью. Доктор Гора объявил, что и эстонский народ тоже благодарит бога за то, что попытка убить фюрера провалилась, что сам генерал-комиссар Лицман, выступив по радио, сказал: эстонскую республику не уступят большевикам никогда. И немецкая армия на фронте выполняет этот приказ Адольфа Гитлера, она защитит республику. Опять пришлось всем прокричать: «Хайль Гитлер!»

Алфреду почему-то подумалось, что эта последняя речь фюрера, которую ему довелось услышать, которую фюрер произносил ночью в своей главной квартире. Не спится же человеку. Он кожей чувствовал настроение своих самооборонцев, но не только кожей — он знал здесь характер каждого и предвидел зубоскальство после команды «вольно», когда немцы уедут, но сейчас все стояли с торжественными, смертельно серьезными рожами, хотя для многих из них крах фюрера — их крах тоже. На что надежды? Фау-1 бомбят Лондон, обещают Фау-2. Бомбят Англию. Далеко это. Здесь же время для немцев и русских перемещается разными скоростями: для русских с такой же скоростью, с какой они движутся с востока на запад, и сказать, что медленно... Для немцев же время в ожидании «чуда-фау» фактически стоит на месте.

Вот потому-то и отменилась поездка Его Величества на Большую Землю. Начались всяческие строгости, ограничили переправу через порт Сухое Место,

учредили тщательные проверки. Они бы не были для Короля помехой, но какое-то предчувствие подсказывало Алфреду: не нужно Королю ехать на материк. Хелли было отписано, что в связи... И так далее.

Строгости действительно начались, и Алфреда бесконечно гоняли с его людьми по округностям то устраивать облавы на подозрительных людей, предлагавших крестьянам недорого оружие, — винтовки или револьверы, — то рыбаки обнаружили в песке на Сырве три скелета без одежды, и Алфреда снарядили зачем-то охранять старшего инспектора криминальной полиции господина Лыхе, надоевшего ему и самооборонцам в пути рассказами из своей практики; некоторые рассказы к рассказчику очень даже не имели никакого отношения, хотя могли в действительности быть, как, например, история про моряка: сын одной вдовы — дело было в довоенное время — уехал за границу, вернулся спустя тридцать лет, мать и сестра не узнали его, а он не признался им — кто он, и попросился переночевать. Мать и сестра жили страшно бедно. Они заметили, что у «моряка» много денег, и решили его убить. Когда он спал, им это удалось. Труп они спрятали в навозе в свинарнике. Когда наутро по документам они установили, кого убили, дочь утопилась в колодце, мать повесилась... А все дело раскрыл он, тогда начинающий криминалист Эрнст Лыхе. Но, спрашивается, при чем здесь «раскрыть»?

Рассказав еще одну пикантную историю, он сумел всю дорогу до скелетов и обратно держать самооборонцев «подогретыми» и бодрыми. История была про разоблаченного им, ассистентом-криминалистом Эрнстом Лыхе, гипнотизера, лечившего начинающих увядать женщин. Лечение называлось «витализировать». Он велел всем приходившим лечиться женщинам раздеваться донага, затем завязывал им глаза...

— А что дальше,— закончил Лыхе,— я не знаю, слушание дела в суде проходило при закрытых дверях.

Самообороновцы смеялись, хохотали, требовали, чтобы он рассказал, как все-таки производилось это «витализирование», но Лыхе оставался непоколебим: не знаю, не видел, на суде не был, суд проходил при закрытых дверях. Его непоколебимость тем не менее не лишала мужиков возможности высказывать собственные догадки относительно способов «витализации», так что бодрости хоть отбавляй. Но кому принадлежали скелеты, установить не удалось даже такому опытному криминалисту, как Лыхе. Старые местные рыбаки знали, что когда-то давно где-то у этих берегов затонул шведский корабль, возможно, это скелеты моряков. Почему без одежды? Но, если на них были хорошие одежды, может, их взяли те, кто хоронил? А может, они их сами скинули, когда спасались вплавь? Да кто же может знать? И какая разница? Зачем скелету одежда?

В батальоне, когда Алфред вернулся с Сырве со своей командой, его ждала записка от фельдфебеля Сула из второго батальона самообороны, квартировавшегося теперь в центре города в древней ратуше. В записке фельдфебель сообщал, что имеет сведения о сестре Алфреда, Сесси...

— Бери свой грузовик и мотай,— сказал ему Сула коротко, когда они вышли из ратуши, где Сула — мужчина сорока лет, с черными глазами на сердитом худощавом лице, говорить не стал,— ты ее найдешь в бараках, не доезжая до Медвежьего Озера. Теперь они пусты... Там поодаль сарайчик... в нем она. Немцы стреляли... всех ликвидировали. Это из-за того барона или графа Стауффенберга казни. Мне только ее одну дали потащить в сарай... потому, что твоя сестра. Можешь похоронить. Но чтоб никому...

И мчится грузовик Алфреда по Сухоместовому шоссе в направлении Звенинога. За рулем Алфред в форме самообороны, с ним рядом пожилой священник лютеранской церкви. В кузове, укрытом брезентом, едет Сесси в некрашеном гробу,— который Алфреду удалось сколотить на скорую руку. Он ее помыл не помыл, не до того. Как подобрал ее, кровавую, с кучи опилок в сарае, так теперь и едет...

У ворот хутора Сааре грузовик постоял недолго, и вот он катит дальше через Смолоспусковой лес в сторону Святого леса, где кладбище и похоронены все умершие на острове члены семьи Рихарда. Теперь Сесси в кузове уже не одна, компанию ей составляет старый серьезный крестьянин, рядом подпрыгивают лопаты, кирка в Святом лесу не понадобится — земля здесь добрая, мягкая, даже не земля, а больше песок, и только на такой почве, на таком золотистом песке и способны расти столь гордые прямые и высокие сосны, какие растут в Святом лесу, где они день и ночь беспрестанно шумят, обдуваемые со всех сторон ветрами.

Тихо похоронили здесь Сузанну Рихард — нежную молоденькую девушку с маленьким носиком, который обожал иногда кусать Его Величество Король Люксембургский.

Потом Алфред остановил грузовик на шоссе в том месте, откуда шла дорога до Звенинога, и молча распрощался со старым крестьянином.

— Про мать узнай,— только и сказал Юхан тихим спокойным голосом и пошел неторопливо прочь.

А Алфред гнал свой грузовик обратно в Журавли. Да, конечно, необходимо установить, что с Ангелочком, где она. Гравий и камни со свистом выпрыгивали из-под колес грузовика, били по ветровому стеклу, но Алфред словно не видел и не слышал этого, он опять крепко задумался. Священника клонило ко сну.

ГЛАВА XIV

Алфред включил фары после того, когда, задумавшись, чуть было не наехал на чью-то повозку, вернее лошадь, которая испуганно шархнула с дороги и потащила за собой телегу с седоком. Мужчина или женщина, Алфред даже не заметил, все это осталось уже позади. Священник даже не проснулся. «Короля все-таки надо будет отправить на Большую Землю», — решил Алфред про себя. «Не сообразил спросить: кто распоряжался, кто командовал расстрелом?» Почему-то в этой роли ему представлялся Майстер, этот плотный, крепкий немец. Правда, на острове расстреливали и раньше, но кто? Никто не знает. Расстреливали, наверное, и самообороновцы из второго батальона, они несли охранную службу. Но не весь же батальон и кто конкретно? Теперь он знает хоть фельдфебеля Сула. Но что, собственно, отсюда следует?

Алфред чувствовал себя настолько скверно — порою казалось, что он не чувствует уже ничего. Он понимал не понимал, а скорее всего, инстинктивно... Нет, нет — не осознавал, а словно осязал, что вся его жизнь пошла кувырком, да что там кувырком — она пропала! Причем в том, что она пропала, в этом не было никакой логики. Судьба? Да кто дал право судьбе уничтожить его жизнь?! В чем он был не прав? Что поступил служить в самооборону? Ну, а если бы он поступил в сорок первом в истребительный батальон — был бы он прав? Теперь бы его за это расстреляли немцы... Или, если бы он скрылся, расстреляли бы или преследовали его семью. Он поступал так, как ему диктовали обстоятельства, хотя, ей-богу, ни истребительный батальон, ни самооборона ему не нужны — к черту их обоих! Мать в тюрьме, сестру только что похоронил. Мать...

Алфред осознал, как бессилён ей помочь, единст-

венная надежда, что ввиду ее возраста немцы ее не расстреляют, пока он служит в этой проклятой оборонной службе. А фронт приближался, и Алфред догадывался: как только русские возьмут Нарву, немцы скатятся с Прибалтики, и только тогда старуху освободят. Но чтобы ее не шлепнули, как Сузи, Алфреду надо выполнять наказ матери: служить верой и правдой, поскольку всякая власть от бога. А служить стало тошно, хоть вешайся. Только мертвые фельдфебели не сохранят жизни даже старухам. Значит, даже вешаться нельзя. Вот выйдет старуха из тюрьмы и вешайся сколько хочешь. Что другое ему еще остается: ведь и русские, а тем паче свои, которые с ними придут, с ним все равно разделяются.

Но кто дал право Судьбе так распорядиться его жизнью? Он преступен? Единственно перед Хелли он чувствует себя виноватым, и не из-за того, за что она его осудила, а за измену ей с Земляницей. Но и здесь: каким чертовым законом определено, что он должен спать с женщиной, которую не хочет? Правильнее спать с женщиной так, как с Земляницей, хотя, он понимает, что и ее не любит — дура она, если по-честному, никогда он на такой не женится. Не мог бы. Но его не надо заставлять ложиться с нею в постель. С Хелли же он себя заставлял. Он Землянику даже не уважает, нет, он уважает Хелли, но спать хочет с Земляницей, а раз так — отстаньте от него, он не обязан ради каких-то понятий морали притворяться тем, кем быть не может. Но за отношение к женщинам русские его не повесят — это его дело, с кем он спит, а вот за службу в самообороне — тут другое. Но ради чего, ради кого он поступил на эту службу? И почему перед одними чужаками он должен отвечать за свои взаимоотношения с другими... чужаками?

А этот дурак все еще пыжится в своей главной квартире: «Я да я»... «Я — и немецкий народ...» Фю-

пер — спаситель Европы, а... Сталин — Солнце. «Отец народов». Как они похожи! Но тот хотя настолько поумнее, что меньше болтает, за него это делают подхалимы. У Гитлера же просто какая-то болезнь произносить речи с одинаковым содержанием. Но почему такие умственно ограниченные люди могут распоряжаться жизнями десятков миллионов других, в том числе и его, Алфреда, жизнью? Черт возьми! Алфред опять-таки осязал: он — умнее фюрера, тот ведь совсем примитивен, он вряд ли в состоянии сделать грузовик, мандолину или гитару, он вряд ли умеет играть на аккордеоне. Но что же он умеет такого, что немцы признали его своим вождем и спасителем Европы? Видимо, все дело в партийности. Его признала фашистская партия, а следовательно, такой фюрер их устраняет. Какая партия — таков и вождь. Не вождь же создал их партию — она, партия, создала себе своего фюрера. Люди, наверное, и бога создали. Алфред всегда удивлялся, с самого раннего детства, ценителям Ветхого и Нового завета: зачем нужно богу, чтобы столько евангелистов описывали его бытие и каждый по-своему, зачем нужно богу, чтобы были в мире различные религии, чтобы во имя их люди воевали и совершали убийства?!

У лютеранской церкви остановил грузовик и расстался со священником. Он с ним рассчитается потом, священник тоже его клиент: будучи столяром, Алфред и его квартиру украшал своими изделиями, так что они друг друга знают.

На следующий день Король был отправлен Алфредом на Большую Землю. Для Его Величества это как гром с ясного неба. Нет, ему не дали ни с кем попрощаться. Его вещи были в чемодане, завернутые в уже известный брезент, и в кузове грузовика. Короля подняли чуть свет, наспех сервировали завтрак, и он должен был занять место рядом с Алфредом в кабине, а

на вопросы — куда, зачем, почему — ответа не следовало, вернее, не сразу. Алфред собирался торопливо, молча, после, когда уже ехали в сторону Сухого Места, когда уже миновали поворот на Звениного, он наконец коротко сказал: «К маме». Но это было сказано тоном, не допускающим дальнейших расспросов. До Сухого Места домчались с такой скоростью — никакой омнибус не смог бы сравниться.

Контрольный пункт для Алфреда не представлял трудности, и вот они уже на пристани. Здесь Алфред, о чем-то переговорив с капитаном парома, ударил Короля по плечу, сказал ему:

— Побудешь с Хелли, потом обратно. А может, и не пойдешь в этом году в школу, потом решим. Дуй на палубу! — он слегка подтолкнул, и Его Величество взбежал на трап. Алфред, миновав контрольный пункт, открыл дверцу грузовика, напоследок махнул рукой в сторону пристани, захлопнул дверцу и поехал.

Король, когда было сказано, что едет он на Большую Землю, вопросов не задавал. Но задумался: хочет ли он на Большую Землю? Само по себе путешествие ему нравилось, это в его натуре, возможно, именно странствование на возу с поклажей и зародило в нем тягу к путешествиям. Но хочется ли ему сейчас в деревню Березы, это уже другой вопрос. Там, конечно, Хелли. Она, конечно, мягче, чем Алфред. Но Алфред всегда отсутствует и Король — свободен, как... король. Хелли же будет постоянно тут как тут, и надоедливее надзора трудно придумать. К тому же она не одна: там еще тетки, сестры Хелли, которых Король смутно помнит, скорее даже плохо помнит. Да, конечно, когда он был настолько мал, что даже трудно себе представить, когда сомнительно, был ли он уже на свете или его еще не существовало, тогда эти тетки, кажется, его щекотали — весьма отвратительное ощущение. Они выпячивали губы трубочкой и про-

износили странные звуки, что-то такое: тью-тью-тью-чи-чи... И все время хихикали и, кажется, говорили всяческие глупости наподобие того, какой он, мол, уже большой (когда он понимал, что он маленький), какой красавец (он не возражал), какой умный...

Нет, он не хотел к этим тетям. А его везут... И бесполезно сопротивляться. Он почувствовал себя примерно так же, как в Звенинога, когда впервые повезли в школу в Брюкваозеро, и он тут же самовольно — «поскольку он не раб», — вернулся домой на хутор Убольшойдороги. Да, он помнил, как это было, когда Алфред его учил... Теперь его опять везли, а ему не хотелось... Но он же действительно не раб!..

Поэтому, едва грузовик Алфреда скрылся за поворотом, Его Величество, улучив момент — капитана парома отозвали, — сбежал по трапу, а через секунду этого «клопа», вертевшегося под ногами у взрослых, прогнали от контрольного пункта, и Его Величество оказался на воле. Затем быстрые, хотя и непропорциональные ноги вынесли его через поселок Ориссааре, и только теперь он вспомнил про чемодан. В нем ничего ценного с точки зрения Короля не было, но за его потерю с него спросят, в этом он не сомневался, как не сомневался и в другом: его ждали «уроки общественных наук». Учитывая же всевозрастающую силу «учебного воздействия», на этот раз «урок» обещался быть особенно впечатляющим, если вспомнить, что еще недавно результаты подобного «воздействия» превсходилили грохот двигателя танка.

Король не хотел на Большую Землю. В другое время, при других обстоятельствах, может быть, согласился бы, но сейчас он туда не хотел: он — Король. Пугать людей, заставить их искать бомбоубежище — тоже не хотел, это также недостойно. Только куда идти? На Сааре? Неразумно: здесь его очень скоро достанут. Он знал, куда должен скрыться, где его не вы-

дадут. А поэтому он шел смело вперед, шел до обеда, после обеда. Понятие «обед» здесь условное, поскольку бутербродами его не снабдили; обедать, по расчету Алфреда, Король должен был уже в деревне Березы, куда с порта Навозного на машине двадцать минут езды, если даже случится в пути ненадолго застрять в какой-нибудь луже, а транспорт для высокогородного пассажира капитан обещал доставить. Король шел и тогда, когда солнце уже опускалось низко к лесу справа. Ему вспомнился Карп и то, как он однажды вкусно ужинал в кабине грузовичка бутербродами со свиной тушенкой. Эх, было время!

Король мог бы попробовать остановить проезжающие грузовики, но этого не делал. Ощущалась какая-то связь между теми, кто ездил в машинах с крестами на бортах, и Алфредом: такая же связь, как между Алфредом и брючным ремнем... Он шел до темноты, когда стало холодно, завернул в одиночный хуторок у дороги. Здесь на его стук открыла пожилая женщина. В маленькой кухне за столом сидела сероглазая девочка с серьезным лицом.

— Ланочка, у нас гость,— сказала женщина, когда Король соврал ей, что приехал утром на пароме с Большой Земли и добирается в Журавли пешком, потому что забыл на пароме свой чемодан, а в нем кошелек с деньгами на дорогу. Он попросился переночевать. Его накормили перловой кашей с маслом. Запивалась каша простоквашей. Спать уложили в чью-то кровать, и спал Его Величество королевским сном, без сновидений. Утром, поблагодарив хозяек, он продолжал свой путь.

Миновали август, а затем и сентябрь, но Алфред более не видел Тайдемана. Он, конечно, знал, что началось повальное бегство людей с Островной Земли —

кто куда. Официально, с разрешения властей, отправлялись в Германию: производилась посадка на пароходы, стоящие на рейде за Абука. Как в тридцать девятом и сороковом годах. Люди собирались на Ползучем Острове, на пристани, здесь небольшими паромчиками доставлялись на пароходы. Уходили в Германию имевшие основание туда ехать: у кого имелись там родственники или были какие-то иные перспективы. Но много народа исчезло тайно, ночами, отправляясь в плавание уже известным путем — через море в обыкновенных рыбацких моторных лодках, нагружаясь в них по пять — десять человек. Даже существовали, как удалось установить Алфреду, перевозчики: за определенное вознаграждение золотом они доставляли желающих в Швецию. И, как это случалось и прежде, немало таких лодок с беженцами пропали без вести, случалось, море выбрасывало трупы погибших. Случались и курьезы: какие-то неопытные «моряки», перепутав яркую звезду с Полярной и держа курс, ориентируясь по ней (у бедняг отсутствовал компас), совершали в море огромный полукруг, а утром, увидев землю, радовались, полагая, что прибыли в заветную Швецию; они сильно удивлялись, что здешние шведы говорят на чистейшем эстонском языке с островным выговором...

Люди бежали, когда в Пярну уже полыхали пожары, то же самое в городе Осиновая Роща, а немецкие доблестные войска отступали с боями к порту Навозный, нанося противнику сокрушительные удары.

Потому можно было прийти к мысли, что и Тайдеманы сбежали, хотя такое Алфреду представлялось нереальным: они, как граждане немецкого происхождения, вполне могли бы отправиться в Гросс Дойчланд, законно, не таясь, но как-нибудь об этом известили бы Алфреда. Он поднялся к ним, постучал — мансарда ответила молчанием. В конце концов у Ал-

фреда и времени не было ломать голову над вопросом, куда подевались те или другие. В большинстве случаев о том, куда деваются люди, наверняка знала и немецкая комендатура, но, очевидно, и их этот вопрос уже не беспокоил: по всей вероятности, их беспокоил вопрос, куда бы деваться им самим. Во всяком случае, на полуострове Сырве опять строили усиленно оборонительные сооружения, в точности так же, как в сорок первом, когда туда отступали русские.

Батальон Алфреда мало ходил на облавы, уже не очень искали подозрительных людей, продающих в деревнях оружие. Еще в сентябре в городе организовывались развлекательные мероприятия, выступали артисты, приезжавшие из Главного Города (они вряд ли добрались обратно), вместе с ними выступали и немецкие военные — бывшие артисты. А Остланд — фильм в очередной раз демонстрировал в «Скала» документальную ленту про большевистский террор, жертвами которого пали убитыми две тысячи человек, угнанными шестьдесят — восемьдесят тысяч граждан. Утверждалось, что в фильме использован оставленный большевиками документальный материал: снимки убитых и разрушений, также их киноленты. Оказывается, большевики создавали в Стране У Моря фильм: «Земля эстонцев», в нем без зазрения совести фальсифицировали факты: достижения до их прихода выдавались за достигнутое с их помощью и так далее. Остланд — фильм снимали рижский режиссер, господин Константин Тумилс Тумилович, также представитель Остланд — фильма в Эстонии, Яан Куслап.

Усиленно вербовали всех, способных носить оружие, в самооборону, из нее же людей помоложе отправляли на фронт, оставшиеся высказывались, что последним недалеко добираться до места назначения: утром выехали — через час на фронте.

Алфреду не удавалось ничего узнать про Ангелоч-

ка. Он забежал в комендатуру. Здесь вроде бы спокойно, никто не суетился, не бегал, но люди выглядели нервными, несмотря на всеобщую молчаливость, все будто о чем-то удивительном, загадочном вдруг задумались, а у некоторых такой вид, словно они из всех сил стараются вспомнить, кому должны тысячу марок, и не могут... Майстер словно глядел сквозь Алфреда, в кабинете полно дыма.

— Вечером, вечером,— сказал рассеянно,— вечером я к вам непременно зайду,— вдруг рассмеялся и спросил: — А вы попросите зайти эту... э-э... Мурлоо, то есть Морилоо?

— Она с сыном уехала нах фатерланд,— сообщил Алфред.

Майстер потускнел. В кабинет вошел обер-лейтенант Нойманн.

— Но придет Маазикас... Земляника,— обещал Алфред, в надежде что-нибудь узнать вечером про Ангелочка. Майстер оживился:

— Гут. А у меня есть хороший и очень отличный ликер для... лэцте мал¹.

Нойманн взглянул удивленно на Майстера:

— Варум ден лэцте?

Майстер не удостоил его ответом, посмотрел брезливо-иронично, но Алфред вспомнил, что вечером он должен дежурить в батальоне.

— Эх! — махнул Майстер рукой.— Я сам назначу ефрейтора Коск, гут? Так, в каком доме? Ин Блауен Хаузе одер...²

Алфреду не хотелось ин Блауен, он сказал:

— Бай ден флуш³.

---

¹ Последний раз.

² В голубом доме?

³ У реки (нем.).

На том и постановили. Алфред выбежал из комендатуры. Где-то играли на аккордеоне, где-то пели.

Был октябрь.

Глаза. Оказывается, Король в состоянии к ним привыкнуть. Они смотрят, они все время за ним следят, когда он валяется на постели, и даже в темноте смотрят. Во всяком случае, Король их видит и в темноте. Он думает, что это, наверное, краски такие светящиеся, может, с фосфором. Калитко уже несколько дней в ателье не показывается, Иван отправился высматривать Лилиан Вагнер, которая сегодня должна навестить их на Кривой улице. Иван влюблен в Лилиан. Да, очень влюблен в почти взрослую Лилиан маленький Иван, и все почему? А потому, что у нее доброе сердце, все из-за этих пирожков, которые Лилиан когда-то совала в карманы маленького Ивана... Родионовича, появившегося среди народа Тори неизвестно откуда. До сих пор в этом нет никакой ясности.

Что, собственно, означает высматривать? Это означает, что Иван будет торчать на углу Кривой улицы и глазеть в сторону Большой Гавани — не покажется ли Лилиан с корзинкой, в которой она, словно Красная Шапочка из сказки, несет бабушке, то есть Ивану... с Королем опять же пирожки или что-нибудь еще. Она до подселения сюда Короля носила еду одному маленькому Ивану, теперь носит немного больше.

Но и без пирожков в Лилиан можно влюбиться — в такую веселую, стройную, с длинными развевающимися светлыми волосами. А пирожки и другие кушанья: холодец, салаты, мясо вареное, колбаски кровяные — все это Король Люксембургский в достаточной мере оценил. Он не ломал голову над тем: что так нравилось в маленьком Иване Лилиане? Иван такой щупленький, она высокая, да к тому же старше

Ивана. Но никаких мыслей в духе не подаренной ему Морским Козлом книги в этой связи не возникало, все равно как не было у него их в отношении собственных страстных чувств к Марви.

Король жил в ателье, они спали с Иваном «валетом» на лежанке, которую он не знал даже как назвать: кровать не кровать, диван не диван, а что? Матрацы на досках, установленные на низеньких «козлах», сам Иван это называл «нары», но такой мебели Алфред не изготовлял...

Король бегал по городу в обществе одного только Ивана, все остальные куда-то пропали. Не было его вассалов, Свена с Вальдуром, уехал Арви, уехал Морской Козел, завербовался в люфтваффе Ингвар, Йентса Маазикас в городе не было, а и был бы — разве что для битвы пригодился. Еще Альберт с Абука, но и этого не видно в Журавлях: их семья уехала на Абука. Большую Урве он нет-нет да и встречал, но она его не интересовала. Другие же достойные люди исчезли. И вообще все люди, большие и маленькие, куда-то подевались. Город выглядел каким-то пустынным, обезлюдевшим, словно все попрятались в ожидании дождя. Король бегал или с Иваном, или один, делал круги вокруг своего дома, близко боялся подходить, чтобы его вдруг не увидели знакомые или сам Алфред.

Действительно, в городе одни только солдаты, военные автомобили, легкие танкетки, мотоциклетки, гражданское население словно попряталось, хотя, когда Алфред тащился от Земляники с сумкой, полной продуктами, — ему ведь гостей принимать, — то встречались тут и там редкие фигуры. Уже вечерело, кажется, прошел быстро почтальон, поздоровался, тут мимо проехала санитарная машина старой больницы, и Алфред с удивлением констатировал, что остановилась она у ворот небесно-синего дома. Он давно не

был здесь и не имел представления о происходящем в нем. Дело-то в том, что вышеназванная санитарная машина выполняла в городке функцию «скорой помощи» старой больницы. В новой больнице имелась своя машина для транспортировки больных, в старой же специальной машины не было, использовали приспособленную для этой цели грузовую машину с фургоном и красными крестами на бортах.

Наступили сумерки. Когда Алфред подходил к дому, мимо проехала колонна военных, одновременно сверху, в потемневшем уже небе, слышался гул моторов, завывала труба паровой мельницы, что означало воздушную тревогу. Алфред хотел войти в коридор черного хода, но его опередили: навстречу протискивались два мужика с носилками, на них лежало неподвижное тело Тайдемана с посиневшим лицом, резко выделялись белые клочья редких волос у висков.

— Что с ним? — обратился Алфред к санитарам. Вместо них ответил короткого роста дядя в очках, спускавшийся по лестнице за носилками.

— Уже ничего, — сказал он, — теперь уже полный покой. Болел, конечно, может, просто грипп. Но умер не от гриппа... — Дядя презрительно показал рукой вверх, — эта его голодом заморила... Ей-богу, типичная голодная смерть, пеллагра... типичная пеллагра...

У дяди был насморк, он шмыгал носом, сморкался, последовал за носилками к машине. А мимо все шли военные машины, время от времени выла мельничная труба. Алфред поднялся по узкой скрипучей лестнице, постучал в дверь мансарды, никто не открывал. «Никто» — значит она, Тайдеманиха. Алфред стучал несколько раз сильно — дверь не открывали. Он спустился и вышел во двор, закрыл мимоходом кем-то приоткрытую дверь своего сарая и постучал к Калитко. Мария была. Она ничего не знала о Тайдеманах, хотя старуха вроде бы ковыляла во дворе не-

давно — все в тех же калошах, все так же завернута в мешковину. Ну и все, больше Мария ничего не знала. Алфред с нею распростился, надо к приходу немцев готовиться... в «лэцте мал»...

Глаза... На этой картине были не одни глаза: и руки, ноги, туловища, головы тоже. Люди огромные и крохотные, круглые и тонкие, длинные (короткие помещались между ногами первых); выглядывали глаза даже из подмышек тел. Все тела были нарисованы в неестественных позах: то какой-нибудь длинный со смешно закрученными штопором ногами, то лежавшие между ногами остальных в невероятно искривленной позе, согнувшись или выпрямившись, стояли или опирались на головы других людей, торчали из общей массы сплетенных тел головы, приплюснутые, словно змеинные. Все они обладали глазами, которые властвовали в картине. Глаза, взоры... Вопросали, что-то внушали, за всем следили и смотрели на Короля, и постепенно ему стало казаться, что они, эти глаза, не только на большой картине, а везде в помещении присутствуют — на полу, он по ним ходит, на потолке над ним, в углу, над столом, из-за шкафа выглядывают и смотрят не мигая, немо. Становилось страшновато. Ивана все не было, а между тем начинало смеркаться. Король устал от поединка с глазами, он вышел во двор. В это время завывала труба мельницы, объявлялась воздушная тревога — первая в Журавлях. Высоко летали самолеты, но кругом на земле царилась сравнительная тишина.

Да, весело было, но то было уже... не то. Они сидели в одной из комнат в доме у реки, в другой уложена качественная древесина, она здесь сохла. Ясе-

новые бруски, из них Алфред полагал когда-нибудь выпилить детали для мандолин, для гитар. Сохли доски, фанера; здесь стояли и сосуды с лаками, политурой, заячьими лапками. Наверху находились небольшие комнатки, в них главным образом и изготовлялись музыкальные инструменты. В белом доме на другом конце улицы изготовлялась мебель, а инструменты — здесь, у реки.

Алфред и его гости — Нойманн, Майстер, Дитрих, на положении хозяйки — Земляничка. Разнаряженная, даже красивая. Это она теперь бегаёт в ту комнату, где сохнет древесина, где плита, чтобы варить кофе, здесь же вода, как в деревне, в ведрах на скамье, ведь в этом маленьком городе не во всех домах водопровод. А на столе у них четыре бутылки хорошего ликера, принесенного Майстером. Где достал? Какое кому до этого дело? Собственно, уже только три осталось, одну они выпили, оттого и настроение приличное, хотя до этого у Алфреда никакого настроения не было. А сейчас не то чтобы возвышенное, но не такое мрачное, как тогда, когда гудела и выла эта чертова труба, когда тащили на носилках высохшего, посиневшего Тайдемана.

На улице, мимо дома у реки, шло движение: военные грузовики, танкетки, мотоциклетки, время от времени в воздух взлетали ракеты, причудливо освещая оранжевым светом деревья в парке, и старый замок, и воду в бухте. А самолеты ушли, не бомбили. Издали доносились глухие удары, впрочем, они уже с неделю как слышались, но вроде не приближались и не удалялись, вроде бы на одном месте ухало.

Сегодня Алфред решил поиграть на аккордеоне, не потому, чтобы угодить гостям в последний раз — лэцте мал, — ему самому хотелось. Вслушиваясь в звуки любимого инструмента, он мысленно видел двор Сааре, когда все семейство, бывало, и соседи с хуторов

собирались у бани на музыкальный час; в такой час единственно, забыв и корысть и зависть, они отдавались красоте, шедшей из них самих, освобождая их всех хоть на время от всего низменного в жизни; и Ангелочек наверняка назвала бы это слиянием с божественностью, если бы признавала иную музыку кроме церковного пения.

Да, да, им было не так уютно, как еще сравнительно недавно, когда «наши» войска подступали к Москве, когда Ленинград находился в железном кольце, и думали, что вот-вот они... Тогда веселее было, как-то надежнее. Теперь...

— Рыбак с Абука чуть было не наехал на мину,— рассказывал обер-лейтенант Нойманн, старавшийся изо всех сил быть душою компании,— он увидел метрах в двухстах от лодки темный предмет и два острых рожка на нем; изменив курс, он вначале стал удирать в ненужном ему направлении, потом, сообразив, повернул назад, решил обойти. Тогда волны подбросили мину, но это оказалась затонувшая собака.

Нойманна никто не слушал, этого весельчака, которому и самому не было весело. Майстер слушал аккордеон, Алфред тихонько наигрывал оперетту Оффенбаха, Дитрих тактично — из всех немцев, кого Алфред знал, он был самым скромным и тактичным,— ухаживал за Земляничкой, рассказывал ей о чем-то космическом:

— ...Ученым удалось установить, что Луна постоянно удаляется от Земли, по двадцать метров за тысячу лет...

— Ой! И что же будет? — Земляничка в искреннем восторге оттого, что Луна куда-то удирает.

— В дальнейшем скорость удаления возрастет,— продолжает Дитрих серьезно, улыбаясь одними глазами. Алфреду интересно: что думает этот Дитрих про его ягодку? — Потому что чем дальше от Земли, тем

слабее для нее земное притяжение. Так что скоро без карманного фонаря совсем невозможно будет ночью обойтись. Люди скоро Луну больше не увидят.

— К черту Луну! — рявкнул Майстер, очнувшись от задумчивости.— К черту комендатуру, дежурство, фронт — аллес Цум Дойфел! ¹

Тогда-то оно и шандарахнуло, словно в подтверждение сказанного Майстером. Взорвалось что-то. Взрыв. Где? Что? Взрыв был где-то близко, незаклеенные стекла вылетели, в дом ворвался ветер, смел со стола салфетки, газеты разлетелись по комнате, бутылка ликера опрокинулась, погас свет.

Все вскочили, стали чиркать спичками, торопливо искать одежду, одеваться, чертыхаясь, вопрошая: доннер веттер, вас ист дох лос? ² Господа офицеры! По местам! Вперед — за Германию! За фюрера! Земляника, вскрикнув, схватила валяющееся на железной кровати свое пальто и вслед за мужчинами, которые на бегу влезали в шинели, вон из дома. Кругом темно, луны не было, видно, уже далеко ушла... удалась. Темно и безлюдно, хотя то тут, то там во дворах мелькали темные силуэты напуганных жителей. На улицу, однако, никто не выходил: действовал комендантский час, да и без него что за охота. Немцы побежали в город, Алфред и Земляника с ними. Земляника вскоре завернула в свой двор.

Но бежать, ей-богу, нужды не было, — то были не русские, то сами немцы взорвали Каменный мост на реке Тори. На всякий случай. Не такие они простофили, какими были русские в сорок первом, чтобы оставить противнику невредимый мост. Реку, правда,

---

¹ К черту! (нем.)

² Проклятие! Что случилось? (нем.)

перейти можно, не замочив пупа, но мост должен быть взорван по всем правилам ведения войны, потому что на войне мосты по тактическим соображениям должны быть взорваны так же, как склады с продовольствием и боеприпасами, так же, как древние крепостные пороховые бункеры, если в них необходимо что-нибудь скрыть, так же, как городскую тюрьму, на всякий случай, дабы не досталась она противнику, ведь кого он станет в нее потом сажать? Конечно, тех, кто не успел ее взорвать, если к тому же, допустим, они не успели удрать из города, во всяком случае, своих противник в тюрьму не всегда сажает, чаще тюрьма все же предназначена для врагов и преступников. Но когда тюрьму взрывают, куда тогда деваются арестанты? Об этом сейчас думать некогда, потому что, пока в городе раздавались взрывы, у реки Тори загорелся дом, вернее, уже горел вовсю, потому что некому было его тушить.

Как только немцы, Земляника и Алфред выскочили да побежали, не догадавшись даже взглянуть в сторону реки, где в воде и на берегу лежали разбросанные обломки моста,— взрыв не был сильным, он не причинил вреда домам на берегу, да на такой мостик много взрывчатки и не требовалось,— как только они ушли, в доме остался играть ветер: он распахнул внутренние двери, обнаружил под плитой огонь, раздул, вывалил угли, обрадовавшись присутствию лаков, политуры, сухой качественной древесины, придвинул к ним огонь, который вскоре с радостным потрескиванием светил повсюду в комнатах, пел, плясал под мелодию осеннего ветра, а древесина, предназначенная для музыкальных инструментов, она даже горит музыкально... На улице, в садах, в окнах стояли люди, они вышли чтобы убедиться в безопасности собственных владений, тот же дом горел беспрепятственно и к утру сгорел дотла.

А Король? Пока еще не настал комендантский час, хотя уже стемнело, он летал на своих шустрых ногах по улице Большой Гавани к Закатной, его преследовали бесчисленные глаза на картинах Калитко, и Король бежал, ему чудилось, что на улице везде глаза человеческие, что с неба они смотрят вниз. Но на небе не было даже звезд, а луна, как известно, далеко удалилась. Королю захотелось под защиту стен собственного дома, он прибежал на Закатную, не считаясь уже с угрозой какого-нибудь «урока» — чему быть, тому быть, что поделаешь.

Он скользнул в калитку, никого не встретив, но, увы, двери небесно-синего дома были заперты. Когда-то такие родные, свои двери... Они стали словно чужими. Нет, Хелли нет дома. О, как хотелось ему в эту минуту к ней, о, как он сейчас жалел, что сбежал с парома, что не поехал в деревню Березы на Большой Земле, — здесь стало холодно и пусто. Он уже, бывало, ночевал в дровяном сарае. И сейчас зашел в сарай из двух отсеков — в первом стоял пень с топором, во втором несколько поленищ до потолка. Здесь же валялись давно выброшенные старые половики, завернувшись в них, он заснул. И спал крепко, не снились даже глаза, хотя именно здесь какие-нибудь чужие глаза могли его заметить: в природе, как известно, действительно везде полно глаз.

Когда раздался грохот взрыва, он проснулся. Естественно! Ведь с потолка сарая на него посыпались мусор, опилки. Он оставался лежать, гадая, что бы это могло быть. Война? Бомбы? Русские? Нет, надо же узнать!

Он выбрался из половиков, выскочил из сарая, надеясь, что встретит людей. Но во дворе пусто, в окнах коричневого дома темно, кругом во всех окнах темно, тихо и никого... никаких глаз. О, нет, не забыли люди похожую ситуацию ночью в сорок первом — лучше не

высовываться, лучше зарыться куда-нибудь поглубже. Король стремглав бросился бежать к реке, он вспомнил, что там в доме стекло его веранды легко вынимается... Но уже издали он увидел огромное пламя бушевавшего огня. Прибежав, остановился в страхе — пожар! Он еще не видел в своей жизни настоящего пожара — какое зрелище! Как здорово и красиво! Сколько дыма, сливающегося с темнотой неба. Искры, треск, гул. Наконец и люди вышли — не тушить (уже поздно), а смотреть: ведь пожар же! Подъехали немцы на «виллисе», тут же развернулись и удалились обратно в сторону города. Ах, что им до какого-то ничтожного пожара!.. А если уж любоваться пожаром, так лучше в городе, там тюрьма отлично горит. Вот где гул, вот где зрелище! Но некогда, некогда любоваться на этот фейерверк: что-то надо делать! Всем нужно что-то делать, пока еще ночь, пока куда-то ушла луна, пока не утро, неизвестно, что будет утром, и «виллис» с четырьмя немцами в касках на большой скорости вылетел вон из города.

То были обер-лейтенант Нойманн, майор Дитрих и два солдата вермахта моторизованного батальона. Нойманн, оказалось, забыл в доме у реки серебряный портсигар. Они остановили «виллис», на нем и вернулся Дитрих, солдаты в машине были в касках, при полной боевой готовности.

— Что? Так близко? — удивились офицеры, когда садились в машину.

— Да,— рассказали солдаты,— утром или ночью, наверное, будут здесь — это скорее всего относилось к русским.

Майстер вбежал в комендатуру в ту же минуту, примерно когда и Алфред забежал в дежурку своего батальона. Ни тот, ни другой никого не встретили: в

комендатуре тихо, все двери заперты; батальона Алфреда тоже не было, везде все раскрыто, разбросаны бумаги, одеяла, валялись каски, противогазы — дежурному бы за такой беспорядок арест на три дня! Арестовывать некого. Алфред выбежал вон, пошел к центру и уже издали заметил свет пожара. Дойдя до магазина игрушек, перед которым бронзовый солдат с саблей в руке, Алфред понял: горит тюрьма...

Он подошел к тюрьме, здесь тоже не было признаков жизни, только огонь бушевал. Каменное здание горело не так весело, как дом у реки: огненные пучки выбивались из окон, дом со всех сторон дымил. «Неужели вместе с ними?» — вопрошал себя Алфред. Он повернулся и быстро зашагал обратно, прошел через парк. При входе в парк с ним поравнялись мотоциклисты, вывернувшиеся из-за угла улицы Ползучего Острова. Притормозили, огляделись внимательно, что-то крикнули и помчались вперед, в город.

Алфред пришел на Закатную в небесно-синий дом. Разделся, не зажигая света. Свет был ему не нужен, он знал, где что находится. Снятую форму бросил в печь. Достал бутылку лака, вытряхнул в печь и зажег. Пламя охватило форму фельдфебеля самообороны, а, пока она горела, сам бывший фельдфебель при свете горевшего мундира торопливо одевался в свою гражданскую одежду, в старый костюм, в «форму» столяра-краснодеревщика Алфреда Рихарда. Затем закинул в рюкзак консервы, носки, белье и, заперев двери, ушел. Пошел к дому Земляники, чтобы прихватить и ее, чтобы как можно скорее выбраться из города, чтобы, пока не рассвет, дойти до дороги, ведущей на ее хутор в Карула. А в дровяном сарае, завернувшись в старые пыльные половики, в это время спал Король Люксембургский, и, как ни странно, ему не только глаза, ему и пожарище не снилось.

Майор Майстер стоял на шоссе и пил из бутылки ликер. Надевая шинель, он одну бутылку все же успел запихнуть в карман — на войне крайне важно не терять головы. Тюрьма сгорела, это факт, мелькнула мысль в его затуманенном мозгу, сгорела и черт с ней! Ему необходимо куда-то ехать. Хотелось бы знать, куда подевалась комендатура? Куда они все смылись?.. Все эти эстонцы... эти оборванцы-обороновцы, да и свои? Город покинут, ясное дело, да и нет смысла его держать и невозможно, но не в этом дело — куда он должен пойти?.. То есть как это идти? Что, пешком?! Может, надо было ему податься на Ползучий Остров, к аэродрому?.. Подувал свежий ветерок, несущий запахи можжевельника и чего-то еще, Майстеру не понять, но запахи приятные, особенные. Только для него чужие... Э, жаль, конечно, подумалось, что не удалось здесь надолго закрепиться — очень здесь приятно все-таки, ах...

Пока он стоял и калькулировал, из города выехала на большой скорости машина, «виллис», в ней четверо: два солдата, обер-лейтенант и Дитрих. Ах да — Майстер вспомнил: они же ездили искать портсигар. Вот и хорошо: Майстер шагнул на дорогу и поднял руки. «Виллис» резко остановился, и майор, громко смеясь и чертыхаясь, влез в машину. Тронулись. Поехали в сторону Лейси в надежде переправиться на Даго. Дорога в выбоинах, изрытая гусеницами военных машин, пролегалла между величавыми сосновыми лесами. Деревья, прямые, как мачты кораблей, горделиво качали зелеными кронами. Проезжали через деревни со сложными из валунов оградами, амбарами, ветряными мельницами. Доехали до Ратла — заблудились. Вернулись назад, повернули снова в сторону Лейси. Доехали. Здесь со стороны Береговой Деревни подошла колонна — встретились. Колонна — пехотные гранатеры с трехцветной нашивкой на рукавах, автоматы

висят на шее. За пехотинцами, не обгоняя, движутся легкие броневики, танкетки, грузовики тянут пушки, в кузовах раненые. В Береговой Деревне или за ней идут бои, грохот выстрелов, вспышки, там фронт, там уже они, эти русские.

На самом деле это было хотя и так, но совсем иначе. Русские там, разумеется, были, но наступали части эстонского корпуса, того самого, который, хорошо или плохо (как в свое время рассказывал об этом Хуго), собирали в Челябинской области, сконцентрировался в учебном лагере при Чебаркуле. Из этого корпуса тоже немало людей переходили на сторону немцев по вполне объяснимым причинам. К концу войны, по мере того, чем больше немцы героически отступали, а советские войска наступали, продвигаясь на запад, корпус наконец окончательно сформировался и в сознательном отношении к войне и теперь энергично сражался за очередное освобождение республики.

То же самое можно сказать и про отступающую колонну, которую встретили Майстер со своими камрадами: здесь тоже были бойцы той же национальности, что и в эстонском корпусе, только здесь остатки эстонского легиона, известного тем, что долго обучались в Германии,— в частности, эстонской бригады, которую не так давно помпезно проводжали на фронт; в составе последнего, вероятно, должен был находиться теперь и Хуго, попавший в плен к немцам, а затем отправленный на фронт.

Так что и в том, и в другом войске ругательства да проклятья разносились на одном и том же языке древних эстов. Конечно, как среди наступавших на пятки отступающим были русские, так и среди отступавших были немцы.

Остатки легионеров двигались небыстро, хотя гренадеры шагали в хорошем темпе, у них было довольно

оснований для спешки: никто не мог знать, как долго продержатся одни эстонцы с чистой душой против других, с такой же душой. Отступающим была поставлена задача: достичь полуострова Сырве и занять там оборонительные позиции вместе с тамошними частями самообороны и немецкого гарнизона — последние оборонительные рубежи. Больше отступать некуда, можно или утопиться в море, пасть в бою или сдаться. В таком же положении, как известно, находились в сорок первом и сталинские освободители. Хотя тогда еще среди них, в отличие от сегодня, эстонцев почти не было. Но тоже красным войскам тогда с полуострова Сырве отступать было некуда. Сейчас позиции поменялись.

Во главе отступающей колонны ехали тоже на «виллисе» командиры, присутствовали и два немецких оберста. Майор Майстер вышел из машины и, стукнув каблуками — «Хайль Гитлер!» — доложил обстановку, которую и сам не знал. Им приказали присоединиться к колонне. А уже светало...

Дальше колонна маршировала через Лесную Деревню, через деревни Выхма, Черная Нога, Пировалово, Кишмя Лягушки, Поселковую, а после Новой Деревни дорога, которой они шли, причем шли с трудом, то и дело ремонтируя настилы небольших мостков, вытаскивая где-нибудь застрявшую пушку, соединилась с основной, по которой в это время маршевым шагом, в полном боевом порядке двигалась еще одна часть эстонского легиона наполовину с немецкими гренадерами. Обе колонны, соединившись, продолжали продвигаться в направлении Сырве, до последнего намеченного рубежа немецкой обороны оставалось совсем немного, может быть, километров двадцать. Уже приближалась деревня Техумарди у моря, отсюда в ясную погоду хорошо просматривалась Аbruка.

Майстер дремал, привалившись к дверце «вилли-

са», который медленно тащился в «шаг» с солдатами. Сумерки сгустились; тучи на небе поредели, засверкала эта первая звезда... как ее? Венера, что ли? Сириус? Одним словом — Майстер не звездочет, — та, которая всегда раньше других торчит на небосводе.

Впереди «виллиса» маршировали легионеры. За легионерами следовала машина с немецкими оберстами и майором из эстов, затем опять шли легионеры, за ними танкетки, броневички, пушки, грузовики с ранеными, и опять легионеры. Техника от колонны не отрывалась по приказу командования, наверное, того эста, майора, а впрочем, Майстер точно и не установил, кто тут у них командует, ему это все равно, потому что ему было буквально на все наплевать, тем более что все время в нем нарастало раздражение.

Прежде всего на самого себя, за то, что не хватил и вторую бутылку ликера со стола в доме Алфреда — о, нельзя было все-таки терять головы! Его подмывало приказать, чтобы повернули в сторону Журавлей, отсюда наверняка не более получаса езды до Закатной улицы, зачем же оставлять ликер неизвестно кому? Но... Нельзя терять головы: также неизвестно, кто сейчас в городе. А раздражение от этого стало еще больше: где-то стоит бутылка с ликером...

А где эта чертова деревня Анзекюла? «Последняя линия обороны!» А потом? Придет корабль? Пришлет лодки? Кто их пришлет? Все удирают, спасают свою шкуру — и военные и гражданские. И пропадешь тут с этим сбродом... «Последняя линия... Плечом к плечу, как в Сталинграде, и знамя чтобы на самую высокую елку... чтобы Германия жила...»

Что-то произошло: впереди стали стрелять. Легионеры остановились, притормозили машины, колонна встала. Кто стрелял, в кого стреляли? Врага в той стороне, куда они двигались, не могло быть, там свои. Наверное, их приняли за русских... Майстер вышел

из «виллиса». Стрельба впереди разрасталась, вокруг засвистели пули, солдаты бросились с дороги в кустарник можжевельника, залегли, на дороге остались убитые. Открыли ответную стрельбу. Техника молчала, пушки лихорадочно готовили к бою, но кто стреляет? Уже кричали: «Фойер! Фойер! Да зинд ди Руссе! Венелазед! Тулд! Тулд! Огоны!»¹

Все стало ясно: впереди путь им преградил противник, опередивший их по другой дороге, пока они добирались сюда из Лейси. Майстер лежал в кювете и стрелял из автомата, который подобрал у только что убитого гренадера. Он теперь видел этих «сволочей», темные фигуры мелькали под деревьями впереди и пытались окружить колонну. Да что там мелькали — на поляне скопище врагов, вероятно, они здесь остановились на привал или ждали подхода своих... Здесь и танки, пушки... «Их, однако, не меньше батальона», — отметил машинально Майстер.

От пушек и танков как одним, так и другим не было никакой пользы: быстро стемнело, нельзя было разобрать, где свои, где чужие, — куда стрелять? Бой разгорался пехотными силами с малым оружием, вперед рвались с обеих сторон, и уже шла схватка врукопашную. Но темно-то как! А в темноте все коты черные. Началась какая-то сумасшедшая резня, отовсюду раздавались яростные крики, жуткие, страшные, предсмертные, от которых стыла бы кровь, если бы не кипела она в жилах от слепой ярости. Стоны раненых, плач... Солдаты в бою плачут? Оказывается, и так бывает. А в общем-то убивали друг друга молча, лишь тут и там раздавались проклятья, и невозможно было установить, какого войска солдату они принадлежат, поскольку и те и другие проклинали на одном языке. Нет, не на международном языке смеха, известном

---

¹ Огоны! Там русские! Огня, огня! (нем., эст.)

Королю, а на языке проклятий, существующем только в эстонском языке, в коротком своем выражении: кур-рат!

Майстер бросился на кого-то — на кого? Сбив с человека каску, он провел рукой по голове и вонзил нож: у того не было волос, а только в немецкой армии солдаты носили прически. Майстер вдруг почувствовал какую-то неизъяснимую радость, словно в нем освобождалась упоительная энергия, целенаправленная на радостное свершение убийства, и в воспаленном мозгу вдруг вспыхнувшей ненавистью к самой жизни как проявлению биологического процесса, как разложению гриба, вцепившись кому-то в горло, чтобы рвать, душить, он испытывал физическое наслаждение, какое испытывал иногда с женщиной. Жизнь — благо? Жизнь — начало? К черту! Чем начало справедливее конца? Кто сказал, что планета нужна? Что на ней должна быть жизнь? И смерть — не дело, ибо в ней уже нет процесса сознательного. Действие — вот что есть жизнь, а убийство — действие, освобождение энергии, упоительное освобождение!..

И Майстер освобождался. Только что проломив кому-то череп простым камнем, — брызги полетели ему в лицо, — как в изумлении уставился на окружающее. Стало светло!

То была луна, выбравшаяся из-за туч на время, чтобы взглянуть на землю: чем-то там заняты живые разумные организмы — люди? Оказывается, майор Дитрих неправду говорил Землянике, будто, мол, луна куда-то удалилась, будто без фонаря совсем невозможно... А луна — вот ведь она! И увидел Майстер при лунном свете, что на поляне копошится живая масса разумных организмов, и увидел Майстер, что шандалахнул камнем не противника, а своего. А, черт с ним! Ведь и этот «свой» — не немец. Ведь все здесь эти проклятые эсты, уже сколько веков, сколько ве-

ков... вынуждены их терпеть арийцы. Так что нет разницы, какого цвета на нем мундир,— все равно не немец. А хотя бы и немец... Когда освобождается упоительная энергия — нет разницы, кого убивать.

Луна в омерзении спряталась за тучи. И надо было убийцам прибегать к фонарикам, чтобы, осветив на миг человека, установить: убить? Продолжалась невиданная по жуткости резня, когда сыновья одной матери-родины, одной маленькой части земли у моря, которую все бесконечно жаждут освободить, резали и убивали друг друга, забывая и матерей своих, и детей, во имя которых эта дикость в мире якобы и происходит.

Ближе к утру на поляне, в кустах, на дороге все поутихло. То тут, то там раздавались одиночные крики, предсмертные хрипы, чья-то ругань. На ветвях деревьев, невидимые еще в предрассветных сумерках, каркали вороны, судя по их переключке, прилетело их сюда множество. Когда наконец рассвело, победители могли установить, сколько их осталось в живых, начать отыскивать раненых. В восходящих лучах солнца им представилась страшная и отвратительная картина. Кругом валялись трупы в различных позах, песок и кусты вереска пропитались кровью, на кустах можжевельника еще не засохшая кровь, стволы деревьев, камни — в крови, в траве валялись выбитые зубы, воняло испражнениями. Вся поляна и лес полны мертвыми, ведь битва длилась всю ночь: и к той, и к другой стороне ночью подошли подкрепления...

Конечно, все это не ново: на Куликовом поле было намного страшнее, и на месте гибели армии рабов Спартака тоже пострашнее, и в Сталинграде конечно же намного страшнее, здесь это все лишь в миниатюре, но рассвет над полем боя нерадостен. Страшен рассвет там, где убито столько молодых жизней. Что же, хотя и за непонятные им идеи они здесь погибли, но

в одном им повезло: умерли они на песке своего родного острова.

Весь залитый кровью, в разорванном мундире, до того разорванном, что можно сказать — он был гол, Майстер с выбитым глазом лежал у большого мшистого валуна и уже ничего не осознавал, у него уже не было никакой энергии. Последнее, что он услышал, — тоже последнее хриплое ругательство умирающего эстонского legionера.

Конец второй повести

Ахто Леви

Такой смешной короле

Книга вторая:

ОККУПАЦИЯ

Заведующий редакцией

А. Бармасов

Редактор

В. Пестерев

Художник

Ф. Барбышев

Художественный редактор

В. Гусейнов

Технический редактор

Л. Беседина

Корректоры

З. Кулемина, Е. Коротаева

ИБ № 4586

Сдано в набор 27.03.90. Подписано к печати 10.08.90. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага офсетная № 1. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Усл. печ. л. 12,6. Усл. кр.-отт. 13,12. Уч.-изд. л. 12,61.

Тираж 100 000 экз. Заказ 735. Цена 90 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Московский рабочий», 101854, ГСП, Москва, Центр, Чистопрудный бульвар, 8.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий», 103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

АХТО ЛЕВИ

**ТАКОЎ
СМЕШНОЎ
КОРОЛЬ!**

Повесть
вторая

KURESSAARE

90 коп.